

СРЕДИ
ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ
АБХАЗИИ

«МЕЦНИЕРЕБА»

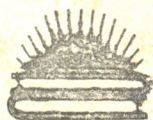
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ИМ. Д. И. ГУЛИА АН ГРУЗИНСКОЙ ССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ.
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ АН СССР

СРЕДИ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ АБХАЗИИ

«МЕЦНИЕРЕБА»

ТБИЛИСИ

1987

612.68(479.224)

63.5 (2Г—6А6)
С 752

В сборнике освещены вопросы изучения абхазского долгожительства, демографическая характеристика населения Абхазии, жизнедеятельность организма человека и его поведение в традиционной культуре абхазов, особенности трудовой деятельности долгожителей, растительные компоненты в питании абхазов, некоторые аспекты их брачных норм, этнопсихологические факторы долгожительства, сравнительно-антропологическая характеристика абхазов и др. Материалы сборника предназначены для специалистов-геронтологов, этнографов, антропологов, медиков, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами долголетия.

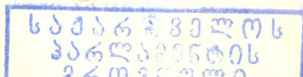
*Ответственные редакторы: проф. Ш. Д. Инал-ипа,
проф. В. И. Козлов*

Рецензенты: кандидат философских наук Г. В. Смыр
кандидат исторических наук М. А. Членов

ТТ.620
3

0703000000
С М 607.06)—87 224—86

© Издательство «Мецниереба», 1987

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

ВВЕДЕНИЕ

(Из истории изучения долгожительства в Абхазии)

Абхазия, по общему признанию, является одним из уникальных уголков долголетия. Этому способствует не только редкое сочетание благоприятных природно-климатических условий, но и своеобразный образ жизни абхазов, их давно сложившийся устойчивый быт, в который, по меткому выражению К. Паустовского, «страна была закована, как в кольчугу»¹.

Первые шаги в области научного изучения абхазского долгожительства связаны с именем Симона Петровича Басария, видного представителя абхазской творческой интеллигенции. Он был неутомимым исследователем в различных областях краеведения, специалистом в области изучения географии, а также экономики и этнографии Абхазии. Его перу принадлежат такие статьи, как «Нарзан на лугах Шхашдза и путь к нему» (1925 г.), «Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе» (1929 г.), «Вымершие народы — убыхи и садзы» и другие, а также книга «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях» (1923 г.).

Еще в конце двадцатых годов С. П. Басария первым начал изучать феномен абхазского долгожительства. Этой проблеме он посвятил свою работу — «Редкие случаи долголетия в Абхазии», изданную в 1934 году². Уникальные материалы для этой статьи автором собирались во время поездок по районам Абхазии в 1928—1930 годах в сопровождении художника П. А. Одинца, которому «удавалось, прибегая к разным ухищрениям, незаметно для собеседников весьма удачно запечатлеть их образ даже в красках»³.

Трудный вопрос верификации возраста старых людей автор решал путем сопоставления его с какими-нибудь известными историческими событиями или природными явлениями. Например, он осторожно выяснял, сколько было опрошиваемому лет или каков он был собой, когда Омар-паша высадился в Абхазии (1854 г.), когда генерал Муравьев усмирил дальцев (1861 г.), когда Аслан-бей убил Келеш-бея (1808 г.), когда Батал-бей возмутил весь Дал против царских властей, во время затмения солнца (1848 г.) и др.

В процессе своей полевой работы С. П. Басария руководствовался определенным, составленным им же, вопросником, который сводился, в основном, к следующему: откуда опрашиваемый ведет свой род; кто его родители и как долго они жили, где жил и чем занимался его опрашиваемый, как и чем питался, каковы его привычки, характер, когда и какие перенес болезни, время его вступления в брак, сексуальная жизнь; отношение к спиртным напиткам; физические особенности и др. По такому вопроснику он составил краткое жизнеописание 17 долгожителей — двух женщин и пятнадцати мужчин, в основном жителей Абжуйской Абхазии, старейшими из которых являлись: Джидж Шапковский (150 лет, с. Лата), Мажагв Адлейба (145 лет, с. Отап), Хапара Кнут (143 года, с. Киндги), Джат Начкебия (142 года, с. Поквеш), Реджеб Хахубия (122 года, с. Наа), Екуб Шоуа (118 лет, с. Джгерда) и др.

Общие выводы по собранным материалам автор сформулировал так: «а) все старики жили на возвышенных, в климатическом отношении благоприятных местностях; б) почти все они долго пастушествовали, проводя время на альпийских лугах, питаясь в изобилии молочными продуктами; в) все они отличались исключительными особенностями: в большинстве веселым характером, с поверхностным, безразличным отношением к явлениям их жизненного пути, не глубокие натуры, люди неумственного труда, хозяйственная деятельность которых была весьма примитивная и т. д. и, наконец, долголетия многих можно было бы объяснить рядом указанных физиологических и физических особенностей»⁴.

В 1937—1938 годах по инициативе основателя общесоюзного Института геронтологии, президента АН УССР, академика А. А. Богомольца в Абхазии работала специальная геронтологическая экспедиция, обследовавшая 50 человек в возрасте 90 лет и старше (результаты этого обследования были опубликованы, к сожалению, лишь частично)⁵.

«Комсомольская правда» 3 сентября 1936 года напечатала статью физиолога Гр. Шлезингера «Долголетие» с фотографией трех абхазских глубоких стариков — Екупа Шоуа и Сааткерия Амичба (с. Джгерда) и Шача Чукбар (с. Калдахвара). Приведем одну выдержку из этой публикации: «Можно перечислять еще много имен долголетних старцев. В чем же причина столь значительного долголетия? Почему подобного долголетия мы не находим в других, расположенных на той же широте, странах? Почему, наконец, в самой Абхазии долговечны только абхазцы? Пока можно сделать только предположительные выводы, еще не подвергнутые научно-исследовательской проверке. Долголетие этих замечательных людей объясняется превосходным климатом Абхазии и своеобразным режимом питания. Физкультура, которой вынуждены заниматься жители

Абхазии из-за гористости местности, воздействие ультрафиолетовых лучей и воздух, совершенно лишенный пыльных частиц, оказывают благотворное влияние на организм. Купание в горных реках, независимо от времени года, радиоактивные свойства воды также, вероятно, оказывают прекрасное действие на организм человека. Излюбленные блюда абхазцев — это пряности из перца, чеснока и т. п. Из рода в род обычаи передают своеобразные меню и рецепты питания. Не случайно, очевидно, англичане лечат склероз сердца перцем, а немцы вялость организма — чесноком. Потрясающие факты долголетия заслуживают самого пристального внимания науки...).

В примечании, которым редакция сочла нужным снабдить статью, сказано: «Нельзя считать нормальным явно пренебрежительное отношение органов Наркомздрава СССР и абхазских организаций к изучению жизни замечательных долголетних стариков. Многие из них материально совершенно не обеспечены, медицинское наблюдение за ними не ведется. Вскрытие после смерти для определения состояния внутренних органов сердца, легких, почек не производится. Даже в краеведческом музее Абхазии, где отдельные энтузиасты собирают материалы о фактах исключительного долголетия, плохо знают о них... Неумение и нежелание изучать замечательное явление долголетия — это прямое преступление перед наукой. Мы уверены, что Наркомздрав СССР и Всесоюзный институт экспериментальной медицины в ближайшее время заинтересуются этим вопросом»⁶.

Как видно из данных переписи 1926 года, — пишет акад. Л. С. Штерн, — наибольший процент людей, достигших возраста свыше 100 лет, встречается среди жителей горных местностей Кавказа, особенно абхазов (3,8%), дагестанцев (3,5%) и аджарцев (3,5%), и это он объясняет естественной гелиотерапией, то есть благотворным влиянием в течение всей их жизни обильных на Кавказе ультрафиолетовых лучей⁷.

Лишь по истечении двух с лишним десятилетий после очерка С. П. Басария вышла книга «Долголетние люди Абхазии», с большим количеством иллюстраций, составленная коллективом авторов во главе с И. Б. Шафиро⁸. Она написана по материалам обследования, проведенного с участием местных врачей в 1954—1955 годах. Как сказано в авторском предисловии, «характеристика стариков, как правило, носит протокольный характер. Никаких теоретических обобщений в книге нет. Только в конце даются некоторые выводы, непосредственно вытекающие из материалов обследования». Далее авторы подчеркивают, что «секрет долголетия надо искать в условиях жизни наших стариков, что долголетие прежде всего зависит от образа жизни человека»⁹.

В книге нашли более или менее подробное освещение такие темы, как социалистический строй и долголетие в Абхазии и ее природные особенности, определение возраста, семейная жизнь, условия жизни, труд и долголетие, здоровье долголетних, их питание, вредные и благоприятные факторы долголетия, отдых и творческая деятельность стариков и др. Следует отметить, что обследования проводились во всех районах Абхазской Автономной республики, причем изучались не только абхазские долгожители, но и долгожители другой национальной принадлежности. В книге отмечено, что среди долголетних людей Абхазии численно преобладают женщины, а мужчины — немногим более 30 процентов. «Чем старше старики, тем меньше среди них мужчин. Это видно на примере обследования около 500 человек долголетних людей двух крупнейших очагов долголетия Абхазии — в Гальском районе и, особенно, в Очамчирском, где, по подсчетам авторов, было всего 997 долголетних людей, среди которых мужчин было лишь 207 человек»¹⁰.

Таким образом, в книге нашли отражение результаты более широкого по сравнению с проводимыми ранее обследования абхазских долгожителей, в ходе которого был собран значительный материал биографического характера, а также ценные сведения о трудовой и общественной деятельности стариков, жилищно-бытовых условиях их жизни, питания, состоянии здоровья и др.

Феноменом абхазского долгожительства давно интересовались ученые разных специальностей не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

В 1960—1970 годах в Абхазии работала американский этнограф Сула Бенет, уделявшая большое внимание явлениям долгожительства. На основе материалов, собранных в основном в Абхазии, а также некоторых других регионах Кавказа, она опубликовала две обошедшие мир книги: «Абхазы — долгожители народ Кавказа» (1974) и «Как жить, чтобы стать столетним. Образ жизни народов Кавказа» (1976), вызвавшие значительный интерес общественности и ученых как в Америке, так и в целом ряде других стран. Сула Бенет неоднократно приезжала в Абхазию, ездила по ее районам, встречалась со многими долгожителями, доброжелательно описывала жизнь республики и ее населения, поддерживала творческие и дружеские связи и контакты с местными учеными. Она была одним из инициаторов сотрудничества советских и американских ученых в комплексном исследовании феномена долгожительства.

Исследование этого явления стало задачей совместного изучения медиков, антропологов, этнографов, социологов, психологов, демографов и других специалистов. В 1977 году было подписано соглашение между Академией наук СССР и соответ-

ствующими научными организациями США о совместном изучении народов и этнических групп с высоким процентом долгожителей, среди которых абхазы занимают, пожалуй, особое место. Ведущими научными учреждениями являлись с советской стороны Институт этнографии АН СССР (Москва), привлечший к исследованию проблемы Институт экспериментальной морфологии (Тбилиси) и Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (Сухуми) АН Грузинской ССР, Институт геронтологии АМН СССР (Киев), Институт антропологии МГУ, с американской стороны в исследовании участвовал Институт по изучению Человека (Нью-Йорк)¹¹ и научная группа из Университета штата Кентукки.

Соглашение предусматривало проведение совместной параллельной работы по теме «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей». Исследование этой сложной и актуальной проблемы на абхазском материале впервые приобрело подлинно научный и необычайно широкий размах. В частности, была составлена многолетняя научная программа предстоящих исследований, осуществлены большие экспедиции для комплексного изучения абхазов.

С конца 1977 г., когда в Москве было подписано указанное советско-американское соглашение, изучение абхазского долгожительства поднимается на новую ступень, приобретает планомерный и комплексный научный характер, привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. От проводившихся ранее исследований оно отличается тем, что долгожительство стало изучаться не на индивидуальном, а на групповом или популяционном уровне и что изучением его стали заниматься не только медики-геронтологи, но и многие другие специалисты — этнографы, социологи, психологи, антропологи, демографы и др. Биолого-медицинские гипотезы происхождения долгожительства были дополнены гипотезами, связанными с особенностями образа жизни исследуемых групп, их обычаями и традициями. В качестве первого объекта исследования взяты группы сельского населения Абхазии, давно привлекавшие внимание ученых значительным числом долгожителей и уже отчасти изученные в этом отношении.

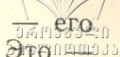
С 1978 по 1983 год в ряде сел Очамчирского и Гудаутского районов (Члоу, Отап, Киндги, Джгерда, Дурипш, Лыхны, Хуап и др.) работала большая комплексная экспедиция, изучавшая природные условия жизни абхазов, состояние здоровья местных жителей, в частности, долгожителей и их ближайших родственников, особенности их трудовой деятельности и питания, жилищно-бытовые условия, роль стариков в семейной и общественной жизни, психологические и другие вопросы. Интересные и важные в научном отношении результаты первых лет работы были обсуждены на двух советско-американских симпо-

знамах, состоявшихся в нашей стране (в Москве, Тбилиси и Сухуми в 1980 г.), а также в Нью-Йорке в 1982 г., обобщены и подытожены в ряде публикаций.

Так, в 1982 году в издательстве «Наука» вышла книга «Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследований». Сборник представляет собой первый итог совместной работы советских и американских этнографов, антропологов и медиков по указанной теме. Около девяноста процентов материалов книги посвящены долгожительству в Абхазии, антропологической и биолого-медицинской характеристике абхазов, их образа жизни, особенностей питания и др., причем три статьи написаны абхазскими учеными: «Мотивы долгожительства в абхазском фольклоре» (Ш. Д. Инал-ипа), «Из биографии двух абхазских долгожителей» (В. Л. Бигвава) и «Традиционное питание абхазов» (Г. Г. Копешавидзе). Почти одновременно увидел свет и английский вариант этого сборника в США.

Монография «Абхазское долгожительство», подготовленное в 1984 г. для публикации в том же издательстве, опирается на обобщенные результаты комплексных экспедиций по изучению абхазского долгожительства. Книга открывается сравнительно большим введением (В. И. Козлов), а затем идут материалы о природно-экологических условиях (Т. В. Егорова, В. И. Козлов), этно-популяционной истории абхазов (Ш. Д. Инал-ипа, А. А. Воронов), общей демографической ситуации и динамике долгожительства в Абхазии (В. А. Большаков, О. Д. Комарова), медицинской демографии (Ш. Д. Гогохия). Видное место в книге занимают статьи и материалы, вошедшие в разделы антропологии, геронтологии и психологии, написанные специалистами из различных научных учреждений. Этнографическая часть представлена темами: фамильно-родовая система и брачные круги абхазов (Ю. Г. Аргун, А. А. Воронов, А. П. Павленко), возрастные группы абхазов и их социальная роль (И. И. Крупник, А. П. Павленко), жилищно-бытовые условия (А. П. Павленко), хозяйственно-трудовая деятельность (В. П. Кобычев, В. Л. Бигвава), традиционные особенности питания (Г. Г. Копешавидзе) и положение абхазских стариков в семье и обществе (Я. С. Смирнова). Завершается труд обобщающим заключением (В. И. Козлов).

Следует отметить книгу американского автора — журналиста и ученого Пола Гарб «Детство долгожителей», русский вариант которой опубликован московским издательством «Прогресс» (1985 г.). Обилие фактических материалов, почерпнутых непосредственно из жизни современной Абхазии, придает работе характер оригинального документального очерка, составленного в значительной степени по личным впечатлениям автора. «Книга об Абхазии», которую с любовью и уважением к ее народу написала П. Гарб, — это яркое повествование не только

о прославленных долгожителях, но и о целом народе его трудном прошлом, счастливым настоящим и будущем. Это живые картины его жизни, нарисованные руками человека доброй воли. Основной целью работы П. Гарб является по возможности всестороннее описание детства абхазских долгожителей — прошлых, нынешних и будущих. Опираясь на неоднократные встречи с долгожителями и другими абхазами и абхазками, автор, как и Сула Бенет, стремится выяснить причины долгой жизни без одряхления, показать роль старших возрастных групп в различных сферах дореволюционной и Советской Абхазии с акцентом на детские годы, когда закладываются физические и нравственно-психологические основы продолжительной и полноценной жизни людей. На передний план автор выдвинула идею о том, что долгожительство начинается с детства и неразрывно с ним связано, что именно в раннем возрасте закладываются прочные основы полноценной личности, а вместе с тем отмечает значение, проверенных опытом разумных народных методов воспитания детей, которые «уходят корнями в древние легенды», указывает на значительную роль веками сложившегося абхазского этнографического быта, причем эта роль, по П. Гарб, будет еще долгое время значительной, поскольку, пишет она, благодаря национальной политике социалистического государства, которая «поощряет» сохранение прогрессивных и гуманных национальных обычаев, «прекрасным традициям Абхазии» не грозит ни индустриализация, ни урбанизация.

В основе предлагаемого читателю третьего по счету советского сборника по абхазскому долгожительству — «Среди долгожителей Абхазии» лежат в основном экспедиционные материалы по антрополого-этнографическому исследованию феномена долгожительства, не вошедшие в предыдущие публикации, а также некоторые результаты других полевых исследований, не связанных непосредственно с выполнением совместной советско-американской долгожительской программы. Если не говорить о вводной части, посвященной историографии вопроса (Ш. Д. Инал-ипа), то материал книги распределен по следующим тематическим группам: антрополого-морфологические особенности долгожительских групп в Абхазии (П. К. Квициния), некоторые популяционные характеристики абхазов (А. А. Воронов, А. П. Пестряков), фамильно-брачные связи у абхазов (Ю. Г. Аргун, А. П. Павленко), растительные компоненты в питании абхазских долгожителей (Г. Г. Копешавидзе), труд в жизни абхазских долгожителей (В. Л. Бигвава), проблема верификации возраста долгожителей в Абхазии (В. А. Большаков), некоторые психологические характеристики абхазских долгожительских групп (Г. В. Старовойтова). Общие итоги подводятся в заключительной части, написанной В. И. Козловым.

Тема комплексного исследования явлений группового долгожительства имеет большое научно-практическое значение, так

как может дать существенные рекомендации для увеличения продолжительности жизни людей и продления их активной жизни.

Проведенная работа еще не дала полного ответа на все вопросы, которые интересуют ученых. Пока еще трудно сказать, что является главной причиной частых факторов долгожительства в Абхазии; благоприятные для жизни природные условия, наследственность, особенности питания или что-то другое. А, может быть, главной причины долгожительства и нет — оно всегда определяется не одним, а несколькими факторами¹².

Таким образом, в Абхазии продолжительное время ведутся геронтологические исследования, принявшие за последние годы особенно широкий размах. Историко-этнографический аспект проблемы изучается в основном в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, где в настоящее время еще один молодой научный работник (Р. Жиба) специализируется в области этнографического исследования вопросов абхазского долгожительства.

В 1970 году в Институте экспериментальной морфологии им. А. Н. Натишвили АН ГССР был образован отдел геронтологии во главе с канд. мед. наук С. М. Далакишвили, а в 1974 году при нем была создана абхазская группа под руководством доктора медицинских наук Ш. Д. Гогохия. С тех пор эта группа проводит работу по изучению разных аспектов жизни и состояния здоровья долгожителей Абхазии. Результаты исследований публиковались в сборниках Института, а также докладывались на всесоюзных съездах геронтологов (1982 г.) и в материалах конференции закавказских геронтологов (1977, 1982, 1984 гг.). Кроме того, Ш. Д. Гогохия принимает активное участие в исследованиях долгожителей Абхазии по советско-американской теме.

В Сухуми в 1962 году по инициативе главного терапевта Министерства здравоохранения Абхазии, доктора медицинских наук Г. Н. Сичинава, было создано научно-медицинское общество геронтологов и гериатров, а в 1977 году по инициативе Ш. Д. Гогохия был организован Консультативный гериатрический кабинет при Сухумской 2-й поликлинике, в 1980 году — Абхазское республиканское научно-медицинское общество геронтологов и гериатров. Все эти организации принимают активное участие в улучшении медицинского обслуживания лиц пожилого возраста, а также в изучении разных аспектов феномена долгожительства в Абхазии.

Видный советский геронтолог, член-корреспондент АН УССР Ф. Фролькис в статье «Продлить свой век» пишет: «Недавно закончено большое, беспрецедентное в мировой науке исследование, проведенное Институтом геронтологии АМН СССР, Институтом этнографии АН СССР и нашими грузинскими коллегами в одном из регионов долголетия — Абхазии. Были проанализиро-

ваны условия жизни, обычаи, питание, занятия не только самих долгожителей, но и их родственников различного возраста. Оказалось, что родственники долгожителей отличаются рядом особенностей в деятельности организма — электрической активностью головного мозга, организацией, хромосом, функцией сердечно-сосудистой системы, частотой заболеваний и т. д. Показательно, что не все из них живут долго. Выходит, долгожителем надо не только родиться, но еще и суметь им стать...»¹³.

Хочется завершить этот историографический очерк памятными строками из Вл. Маяковского:

Лет до ста
расти
Нам
без старости.
Год от года
расти
Нашей бодрости!

ЛИТЕРАТУРА

1. К. Паустовский. Бросок на юг. «Октябрь», 10, 1960, с. 15.
2. Симон Басария. Редкие случаи долголетия в Абхазии (Выборка из материалов трех экспедиций по культурно-историческим исследованиям Абхазии). «Труды АбНИИКа», вып. II, Сухум, 1934.
3. С. Басария. Указ. соч., с. 100.
4. С. Басария. Указ. соч., с. 118.
5. В. И. Козлов. Исследование проблем долгожительства (вместо предисловия). — В кн. «Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования». М., 1982, с. 7.
6. «Комсомольская правда», от 3 сентября 1936 г., № 216.
7. Л. С. Штерн. Основные причины старения и смерти в свете современного учения о барьерах. — «Под знаменем марксизма», II, 1940, с. 174.
8. И. Б. Шафиро, Я. М. Дарсания, И. Е. Кортуа, В. Р. Чикватия, Долголетние люди в Абхазии. Сухуми, 1956.
9. И. Б. Шафиро и др. Указ. соч., с. 56.
10. Там же, с. 33.
11. В. И. Козлов. Указ. соч., с. 7.
12. В. Козлов, Ш. Инал-ипа. Наступление на старость. — «Советская Абхазия», от 28 июля 1981 года.
13. В. Фролькис. Продлить свой век. «Литературная газета», от 17 октября 1984 года.

З. Д. ЕНУКИДЗЕ, Л. Р. ГОГОХИЯ, Ш. Д. ГОГОХИЯ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗСКОЙ АССР

(Геронтологический отдел НИИ экспериментальной морфологии им. А. На-
тишвили АН Груз. ССР)

В комплексном изучении феномена долгожительства в Абхазии существенная роль отводится демографическим исследованиям.

Данная работа посвящена в основном анализу общей демографической ситуации в республике, а также изучению показателей долгожительства в национальном, половом и региональном аспектах. Вопросы демографических гипотез о причинах долголетия здесь не затрагиваются.

Исходными материалами для наших исследований послужили данные переписей населения за 1897, 1939, 1959, 1970 годы.

В целом можно сказать, что демографические процессы в Абхазии протекают по типу экономически развитых регионов, т. е. отмечается умеренная урбанизация, снижение рождаемости, смертности, увеличение средней продолжительности жизни, старение населения по сравнению с довоенными годами и т. д.

Численность населения Абхазии за последние 100 лет увеличилась почти в 5 раз. Рост происходил в основном за счет увеличения числа городских жителей. Так, за период с 1926 по 1981 год оно выросло в 7,6 раза. Численность же сельского населения за данный период выросла всего в 1,5 раза. По расчетным данным численность наличного населения республики на 1 января 1984 года достигла 521 тыс. человек. За последнее время ежегодное увеличение населения составляет 2,3—2,5%. Городское население составило 47,6%, сельское — 52,4 (1981 г.).

Половой состав населения Абхазской АССР за ряд лет приводится на рис. 1. Как видно по диаграмме, половой состав населения республики за рассматриваемые годы заметно изменился. Так, в 1897 году на каждую тысячу человек приходилось 568 мужчин и 437 женщин, то есть имелось большое (на 3,2%) преобладание мужчин. В 1926 году преимущество мужского пола уменьшилось (до 3,4%). В следующие десятилетия в половом составе населения стали все более явно преобладать женщины.

В 1959 году они составили 53,8%, в 1970 году — 52,6%. Особенно велика доля женщин в пожилых возрастах, что несомненно является последствием Великой Отечественной войны.

Анализ возрастной структуры населения показывает его постарение. Доля лиц 60 лет и выше в конце XIX века составляла 4,4%, а в настоящее время — уже 13%. Уменьшилась доля лиц до 19-летнего возраста с 49,1% до 25,4%. Старение коснулось также трудоспособного населения. Так, в 1897 году доля возрастной группы 20—39 лет составляла 33,5% и 40—59 лет — 12,8%, а в 1979 году эти показатели соответственно равнялись 27,1 и 25,6%.

В наших исследованиях мы особое внимание уделяли изучению демографической характеристики долголетия.

Общая численность долгожителей в Абхазии из года в год увеличивается. За последнее десятилетие (1970—1979 гг.) абсолютное количество лиц в возрасте 90 лет и старше в республике увеличилось на 15,9% (См. табл. 1).

Для характеристики долголетия более информативными являются относительные показатели долгожительства, предложенные Н. Н. Сачук (1978 г.)⁸.

Таблица 1

Численность населения в возрасте 90 лет и старше в
Абхазской АССР

Годы	Всего в республике человек	В том числе		В % к итогу обоого пола
		мужчин	женщин	
1897	199	177	82	0,2
1939	1623	727	896	0,5
1959	1725	636	1089	0,4
1970	1529	551	978	0,3
1979	1773	537	1236	0,4

Нами были рассчитаны следующие индексы долгожительства: ИД₁ — число людей 80 лет и старше на 1000 человек в возрасте 60 и выше лет, ИД₂ — число лиц 90 и выше лет на 1000 человек в возрасте 60 лет и старше, ИД₃ — число лиц 100 и выше лет на 1000 человек в возрасте 60 лет и старше и, наконец, ИД₄ — (индекс максимального долгожительства) — число лиц 110 лет и старше на 1000 человек 100 лет и выше.

Индекс долгожительства ИД₂ в Абхазии составил 27,6‰ (1979 г.). Этот показатель немного ниже среднегрузинского (28,7‰)², но почти в 2,5 раза превышает общесоюзный (12‰)⁶.

ИД₂ для мужского населения Абхазии составляет 23,9‰, а для женщин — 29,5‰. Этот показатель для городского населе-

ния (14,7‰) намного ниже, чем для сельского (40,1‰). Для мужчин городов и сел ИД₂ составляет соответственно 12‰ и 35,5‰. Для женщин — 16,1‰ и 42,6‰. В обоих случаях индекс долгожительства среди женщин выше, чем среди мужчин. Такую же картину получили мы при вычислении ИД₁. Так, в целом для Абхазии этот показатель составил 121,8‰, в том числе для мужчин 118,5, для женщин 123,6‰. Для городского населения — 93,0‰ (мужчины — 80,6, женщины — 99,6‰), для сельского населения, соответственно — 149,9‰ (155,2 и 147,0‰).

Среднее значение ИД₃ в Абхазской АССР довольно высокое (3‰⁰). При этом среди сельского населения он опять-таки значительно выше (5‰⁰), чем среди городского (0,9‰⁰). Интересно отметить, что в целом по Абхазии ИД₃ среди мужчин составляет 2,8‰, среди женщин — 3,1‰. Но это соотношение нарушается в селах, где ИД₃ для женщин составляет 4,9‰, для мужчин — 5,3‰⁰. В целом по Грузии этот индекс вдвое меньше (1,4‰⁰). Что касается индекса максимального долголетия (ИД₄), то в целом по Абхазии он составил 125,7‰, по Грузии — 108‰⁰².

Мы согласны с Козловым В. И. и Комаровой О. Д. (1982 г.) в том, что индексы долгожительства целесообразно исчислять не только по всему населению, но и по отдельным национальностям. Такая дифференциация необходима для дальнейшего выявления конкретных эндогенных и экзогенных факторов, влияющих на интенсивность долгожительства.

Абхазия — многонациональная автономная республика, где проживают 94 разных национальностей. Из них наиболее многочисленными являются абхазы, грузины, русские и армяне, которые в совокупности составляют 92,5% (1979 г.) всего населения. В связи с этим, в таблице 2 мы даем индексы долгожительства населения Абхазии, вычисленные по отдельным национальностям (по данным переписи населения 1979 г.).

Как видно из этой таблицы, показатели долголетия среди абхазов выше, чем среди других национальностей. Абхазы особенно отличаются высоким уровнем ИД₃ (9,4‰). Кроме этого, характерным для абхазов, грузин и русских является то, что все показатели долгожительства среди женщин выше, чем среди мужчин, среди сельского населения также выше, чем среди городского. Лишь у сельских армян индексы долгожительства среди мужчин выше, чем среди женщин. Причины этого явления еще ждут своего анализа.

Перейдем к общему анализу других демографических показателей.

Рождаемость. Динамика рождаемости в Абхазии имеет свою специфику. В конце прошлого и начале нынешнего века в Абхазии уровень рождаемости был значительно ниже, чем в среднем по Европейской России (26 против 40 на 1000 населе-

Индексы долгожительства населения Абхазии по отдельным национальностям

	Абхазы			Грузины			Русские			Армяне			Всего по Абхазии		
	ИД ₁	ИД ₂	ИД ₃	ИД ₁	ИД ₂	ИД ₃	ИД ₁	ИД ₂	ИД ₃	ИД ₁	ИД ₂	ИД ₃	ИД ₁	ИД ₂	ИД ₃
Всего	187,7	57,5	9,4	124,5	30,2	2,8	82,9	9,5	0,3	139,0	34,1	3,9	121,8	27,6	3,0
В том числе:															
мужчин	178,9	48,4		129,6	24,2		64,1	8,0		154,3	34,6		118,5	23,9	2,8
женщин	192,1	62,6		125,0	33,7		89,9	10,0		129,8	33,7		123,6	29,5	3,1
Городского населения															
Всего	111,1	27,3		104,6	19,4		84,1	8,8		95,6	29,8		93,0	14,7	0,9
В том числе:															
мужчин	80,1	17,4		92,6	15,7		67,1	6,9		98,1	18,6		80,6	12,0	0,3
женщин	129,6	33,3		112,5	21,9		90,4	9,5		94,1	25,6		99,6	16,1	1,2
Сельского населения															
Всего	212,6	67,2		135,1	36,3		78,2	12,1		159,3	39,4		149,9	40,1	5,0
В том числе:															
мужчин	216,5	58,6		141,0	29,5		53,6	11,8		187,7	43,0		155,2	35,5	5,3
женщин	210,9	71,4		131,8	40,2		87,8	12,2		145,5	37,3		147,0	49,6	4,9

ния). Это можно объяснить традицией более позднего вступления в брак абхазских мужчин и женщин по сравнению с населением центральной России.

Накануне Великой Отечественной войны средний уровень рождаемости в Абхазии равнялся 26‰. В связи с многочисленными отрицательными факторами войны в 1941—1945 гг. рождаемость резко упала. В последующие годы она стала увеличиваться и к 50-м годам достигает максимума (23—25‰). Начиная с 1953 года, коэффициент рождаемости в Абхазии постепенно снижается и к 1972 г. достигает 16‰.

Известно, что общие показатели рождаемости, вычисленные по отношению ко всему населению, не дают действительного представления о процессе воспроизводства, так как при этом не принимается во внимание тот факт, что рожают женщины только определенного возраста. В связи с этим демографы предлагают исчислять более точные показатели, а именно: коэффициент повозрастной плодовитости и коэффициент повозрастной брачной плодовитости. Результаты исчисления вышеуказанных показателей по Абхазии на 1959 и 1965 представлены в таблицах 3 и 4.

Согласно данным, приведенным в таблице 3, максимальный уровень плодовитости отмечался у женщин в возрасте 25—29 лет (1959—1965 гг.).

Таблица 3

Динамика коэффициента повозрастной плодовитости в Абхазской АССР в 1958/59 и 1964/65 гг.

Возраст женщин в годах	Всего по республике	
	1958/59 гг.	1964/65 гг.
15—19	27,0	24,1
20—24	139,0	131,2
25—29	158,4	145,1
30—34	112,6	106,3
35—39	63,9	60,2
40—44	18,8	15,4
45—49	7,0	3,6
Всего 15—49	85,2	79,7

Показатель общей плодовитости в Абхазской АССР в 1959 году составил 85,2.

Анализ данных повозрастной брачной плодовитости (таблица 4) показывает, что в Абхазии во все приведенные годы она была наиболее высокой у женщин 20 — 24 лет.

В 70-х годах в Абхазии отчетливо проявилась тенденция к увеличению брачности в молодом (до 24 лет) возрасте. Однако, не только общие, но и специальные показатели рождаемости, рассчитанные по возрастам, продолжают снижаться. О причинах и факторах падения рождаемости имеется большое число опубликованных специальных исследований, поэтому здесь на данной проблеме мы не останавливаемся.

Таблица 4

Динамика коэффициента повозрастной брачной плодовитости в Абхазской АССР в 1958/59, 1964/65 гг.

Возраст женщин в годах	На 1000 замужних женщин	
	1958/59 гг.	1964/65 гг.
15—19	211,7	182,3
20—24	297,5	204,7
25—29	215,7	181,4
30—34	115,3	102,5
35—39	63,6	54,1
40—44	17,6	14,2
45—49	4,5	4,2
Всего 15—49	116,7	102,8

Смертность. В дореволюционной Абхазии официальной регистрации смертности не проводилось. Однако, сообщения отдельных врачей, работавших в то время в Абхазии, свидетельствуют о том, что здесь смертность населения была высокой.

Изучение коэффициента смертности в Абхазской АССР за годы Советской власти показало, что он по сравнению с дореволюционным периодом уменьшился почти в четыре раза. В целом коэффициент смертности в 50 — 60-х годах в республике держался на сравнительно низком уровне. Минимальным он был в 1957—1958 гг. (4,3‰). Некоторый рост смертности (см. таблицу 5) в основном объясняется постарением населения.

Средняя длительность предстоящей жизни является одним из тонких показателей, связанных с характеристикой здоровья населения. Согласно нашим исчислениям, средняя длительность предстоящей жизни лиц, родившихся в 1938/39 году, в Абхазии составила 60,5 года, для родившихся в 1979/80 году — около 73 лет. Средняя продолжительность жизни в дореволюционной России не превышала 32-х лет. Вероятно, так было и в Абхазии.

Одним из важных медико-демографических показателей и наиболее чувствительным индикатором социальных условий жизни и эффективности деятельности органов здравоохранения является показатель детской смертности. Однако официальных

17.620
3

сведений о ней в дореволюционной России и особенно на таких окраинах, какой была Абхазия, почти нет. Из данных С. А. Новосельского, относящихся уже к 1916 году, явствует, что перед революцией этот показатель составлял более 270 на 1000 новорожденных и превосходил размеры детской смертности во всех странах Западной Европы. После установления Советской власти, благодаря повышению материально-бытовых условий и культурного уровня населения, улучшению медицинского обслуживания матерей и детей, показатель детской смертности повсеместно во всех слоях населения стал неуклонно и резко снижаться. Так, по Союзу в 1970 г. он снизился почти в 12 раз, а по Абхазской автономной республике — в 20 раз⁴.

Таблица 5

Динамика коэффициента общей смертности населения Абхазской АССР (на 1000 чел.) за 1939—1977 гг.

Годы	Общий коэффициент смертности	Годы	Общий коэффициент смертности
1939	8,7	1967	6,0
1940	8,9	1968	5,9
1951	5,6	1969	6,0
1952	5,7	1970	5,7
1953	5,1	1971	5,8
1954	5,3	1972	6,6
1955	4,8	1973	6,3
1956	4,4	1974	6,3
1957	4,3	1975	6,7
1958	4,3	1976	6,9
1959	4,9	1977	7,0
1960	4,8		
1961	5,0		
1962	5,1		
1963	5,0		
1964	5,1		
1965	5,6		
1966	5,3		

В таблице 6 дается динамика детской смертности за 1940 — 1977 годы. В последние 10 лет в отдельных годах отмечается некоторый рост детской смертности, но все же она остается на низком уровне.

Знание причин смертности является весьма важным условием для определения вероятности смерти, повышения доживаемости и увеличения средней продолжительности жизни населения. Оно позволяет выявить заболевания, занимающие наибольший удельный вес в структуре причин смерти, и правильно наметить соответствующие мероприятия по ее снижению.

Как известно, в экономически слабо развитых странах в структуре причин смерти главное место занимают острые инфек-

ционные заболевания, туберкулез, желудочно-кишечные болезни. В развитых же странах наиболее высокий удельный вес составляют болезни органов кровообращения, злокачественные новообразования, поражение сосудов центральной нервной системы.

Изучение структуры причин смерти среди населения Абхазии в 1939, 1959, 1970 годах и сопоставление соответствующих данных за эти годы показало следующее: в 1939 году на первом месте были инфекционные заболевания (31,9%), очаговые воспаления легких (23,4%), сердечно-сосудистые заболевания (16,6%), несчастные случаи, отравления и травмы (4,5%). В 1959 г. структура причин смерти заметно изменилась: первое место стали занимать сердечно-сосудистые заболевания (39,8%), второе — злокачественные новообразования (16,3%); далее идут несчастные случаи и травмы (11,5%), туберкулез (6,4%), очаговые воспаления легких (5,8%), острые инфекционные заболевания (5,1%).

Таблица 6

Детская смертность в Абхазии за 1940 — 1977 годы
(число умерших на 1000 новорожденных)

Годы	Число умерших на 1000 новорожденных	Годы	Число умерших на 1000 новорожденных
1940	77	1966	22
1950	38	1967	22
1951	46	1968	20
1952	41	1969	21
1953	34	1970	15
1954	34	1971	15
1955	35	1972	18
1956	20	1973	24
1957	22	1974	19
1958	21	1975	19
1959	19	1976	20
1960	21	1977	23
1961	17		
1962	19		
1963	18		
1964	15		
1965	21		

Следовательно, за период с 1959 по 1977 гг. произошло резкое снижение смертности от инфекционных заболеваний и болезней органов дыхания, что явилось результатом успешной борьбы с этими заболеваниями. Вместе с тем увеличилась смертность от болезней органов кровообращения и злокачественных новообразований, что несомненно связано с постарением населения.

Анализ материалов показывает, что смертность от всех

рассмотренных выше причин была более высокой среди мужчин. Смертность от болезней органов кровообращения и от злокачественных новообразований отмечалась главным образом среди лиц старше 30 лет и неизменно повышалась с увеличением возраста. Наибольший уровень смертности от болезней органов дыхания (главным образом от пневмонии) отмечался в раннем детском возрасте (0—4 года) и у лиц старше 60 лет. Уровень смертности по всем причинам был выше среди городского, чем среди сельского населения.

Изучение причин смерти детей в возрасте до 1 года показало, что в 1939 г. большинство детей умирало от инфекционных заболеваний (18,4), очаговой пневмонии (19,3), токсической диспепсии (11,1) и болезней новорожденных (6,5).

Основным содержанием демографического процесса является естественное движение населения, включающее в себя рождаемость, смертность и их разницу — прирост населения. О рождаемости и смертности сказано выше. Остановимся на динамике прироста населения в Абхазской Автономной республике.

Естественный прирост на каждую 1000 человек населения в Абхазии в 1940 году составил 17,1. В послевоенные годы он стал увеличиваться и в 1952 году достиг 19,5. Затем началось постепенное снижение и в 1972 году он достиг 9,3. По Грузии этот показатель в 1971 г. составил 11,6; в целом по СССР—9,6.

Одним из отрицательных факторов, замедляющих темпы воспроизводства населения Абхазии, является низкий показатель брачности и увеличение количества разводов.

Анализ этого процесса по Абхазии показывает, что число браков на 1000 человек населения в последние годы уменьшается. Разводы, наоборот, имеют тенденцию к росту. Так, если на 1000 человек населения этот показатель составил в 1965 г. 0,9, то в 1972 году он повысился до 1,6.

Для характеристики воспроизводства населения, кроме естественного прироста, необходимо знать показатель суммарной плодовитости, а также брутто- и нетто-коэффициенты воспроизводства, не зависящие от влияния возрастно-половой структуры.

В 1969—1970 гг. суммарная плодовитость на 1000 женщин Абхазии в возрасте 15—49 лет составила 2,42. Брутто-коэффициент был равен 1,17.

Как известно, валовой показатель дает завышенное представление о подлинных размерах воспроизводства, так как некоторая часть женщин, доживших до 15 лет, умрет раньше, чем достигнет 50 лет. Поэтому более точным является так называемый очищенный показатель воспроизводства или нетто-коэффициент. По нашим исчислениям в Абхазии в 1969—1970 гг. он равнялся I, II.

Сегодняшний низкий уровень рождаемости в Абхазии пока что обеспечивает естественный прирост населения: среднегодовой темп прироста 0,8%. Однако, прогнозы свидетельствуют о

том, что, если не принять действенных мер для повышения рождаемости в республике, то, начиная с 1990 года, в Абхазии может начаться уменьшение численности коренного населения.

Таким образом анализ демографических процессов населения Абхазии за последние 100 лет показывает, что здесь отмечается рост населения, в основном, за счет самопроизводства.

Городское население растет более быстрыми темпами, чем сельское. Снижение рождаемости, начавшееся с 60-х годов, отрицательно сказывается на темпах роста населения. Снижаются также специальные показатели рождаемости (общая и брачная плодovitость).

В возрастной структуре населения отмечается увеличение удельного веса лиц 60 лет и старше, уменьшение доли детей и юношей.

В целом Абхазия по уровню долголетия занимает одно из первых мест в СССР. Особенно высок этот показатель среди абхазов. Средняя продолжительность жизни здесь составляет около 73 лет, т. е. увеличилась по сравнению с дореволюционной более, чем в 2 раза. Среди населения старше 40 лет повсеместно преобладают женщины.

Смертность населения Абхазии по сравнению с дореволюционным периодом резко уменьшилась, особенно детская. Тем не менее и сегодня проблема дальнейшего снижения смертности, укрепления здоровья населения и увеличения продолжительности его жизни остается актуальной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гогохия Ш. Д., Гогохия Л. Р. Некоторые вопросы медико-демографического процесса населения Абхазской АССР. В кн.: «Актуальные вопросы геронтологии и гериатрии», Тбилиси, 1982, с. 351, 352.

2. Джорбенадзе Д. А., Пивоварова И. П., Агаджанов А. С. Региональная характеристика долголетия населения Грузинской ССР. В кн.: «Долголетие. Медицинские и социальные аспекты». Киев, 1984, с. 24.

3. Здравоохранение и социальное обеспечение в Грузинской ССР. Статистический сборник, Тбилиси, 1978, с. 29.

4. Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР. М., 1973, с. 24.

5. Итоги естественного движения населения Абхазской АССР. Статистический сборник, Сухуми, 1981, с. 15.

6. Козлов В. И., Комарова О. Д. География долголетия в СССР, В кн.: «Феномен долголетия», М., 1982.

7. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник, Тбилиси, 1973, с. 62.

8. Сачук Н. Н. География и динамика долголетия населения. В кн.: «Условия жизни и пожилой человек», М., 1978, с. 196—216.

В. А. БОЛЬШАКОВ

ВЕРИФИКАЦИЯ КАЛЕНДАРНОГО ВОЗРАСТА ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

В исследованиях, посвященных изучению долгожительства, особое место занимают работы, направленные на верификацию* возраста геронта.

Впервые с проблемой проверки возраста геронтов столкнулись статистики и медики. Уже в ходе первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. была сделана попытка организовать проверку возраста лиц, указавших свой возраст в 100 лет и старше¹. А в 1959 г. число, указавших свой возраст в 100 лет и более во время проведения переписи в СССР, после контрольной проверки, снизилось на 22,5%². Вполне возможно, что при более детальном специальном исследовании их оказалось бы еще меньше. Аналогичное положение наблюдалось при проведении переписей в Италии, Болгарии, Швейцарии и других странах³. В Болгарии, например, после специальной проверки только 7,3% лиц подтвердили свой возраст в 100 лет и более, а в Италии — 20%. С такими фактами сталкивались и в США⁴.

Причин, по которым старые люди при проведении переписей населения дают неточные сведения о своем возрасте, довольно много, и одна из них просто незнание своего действительного возраста. Напомним, что нынешние долгожители** родились еще в XIX столетии. Многие из них (среди женщин — почти все) не учились в школе, не умели читать и писать. Метрических свидетельств о рождении в Абхазии, как правило, не существовало. В записях крещений в церковных книгах у христиан были неточности. Имена, под которыми священник регистрировал младенцев, не всегда употреблялись, в быту детей продолжали называть другими именами; кроме того у абхазов женщины, выходя замуж, меняли не только фамилию, но и имя. Многие церковные книги были утрачены. Что же касается мусульманского населения, то среди него вообще не было практи-

* Верификация — от лат. *verus* — истинный и *facio* — делаю. Верификация возраста — проверка его истинности.

** Долгожитель — по данным ЮНЕСКО, это человек, достигший 90-летнего возраста.

ки регистрации рождений; лишь в некоторых семьях рождение ребенка отмечалось на последней странице Корана. В бытовом общении люди пользовались не календарным возрастом, а темой возрастных классов с не вполне точными границами и к тому же различными у мужчин и у женщин. У абхазов, например, женщина вступала в старший возрастной класс в более раннем возрасте, чем мужчина.

Совершенно ясно, что в таких условиях, казалось бы, простой вопрос о возрасте становился трудной задачей. Так земский статистик Блеклов С. М.⁵, работая в Малороссии, отмечал, что «старикам довольно часто путались в показаниях о возрасте. Иногда ответы крестьян о годах были совсем несообразны. Старикам иногда любили шегольнуть высоким возрастом». Тогда земский статистик задавал два-три вопроса-справки и возраст оказывался не под сто лет, а всего каких-нибудь семьдесят лет. На что старик отвечал обычно: «Известно, мы народ темный, живешь, а Бог его знает, сколько». В точности же возрастной регистрации, писал Блеклов С. М., — «далеко нельзя быть так уверенным. Помимо того, что крестьяне довольно часто путались и затруднялись, они еще были склонны давать «круглые» цифры». Округление возраста до десятков лет — наиболее типичная ошибка. Статистический анализ материалов переписи 1970 г. показал, что возрастная аккумуляция стала значительно меньше, чем при прошлых переписях. В 1897 г. коэффициент возрастной аккумуляции составил 175%, а в 1926 г. — 159%, в 1959 г. — 108%, а в 1970 г. — 102%. Возможно, в старших возрастных группах ее влияние продолжает еще существенно сказываться.

Наряду со статистиками, большинство геронтологов в разное время также отмечало завышение возраста у обследуемых стариков, в том числе и в Абхазии.

Материалы, приводимые в настоящей статье, получены в ходе экспедиционных полевых работ и архивных изысканий в Абхазской АССР в 1978—1983 гг.

Ввиду того, что отправной точкой в исследовании являются данные статистики переписи, и учитывая все сказанное выше, возникает вопрос: располагаем ли мы в исследовании точными данными о возрасте геронта? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение. Прежде чем исследовать феномен долгожительства на уровне популяции, необходимо установить сам факт наличия долгожительства. Такой подход представляется весьма актуальным именно сейчас, когда представители буржуазной науки, особенно американской⁶, выступают с сообщениями, в которых подвергают сомнению наличие в СССР долгожителейских популяций. Поэтому исследование долгожительства помимо научного интереса имеет и идеологическое значение.

Таким образом, необходимость предварительной проверки возраста долгожителей была установлена. Требовалось разра-

ботать методику исследования. В советской научной литературе имеются работы методического плана, направленные специально на уточнение календарного возраста пожилых людей⁷. Однако, несмотря на давнюю традицию изучения долгожителей, до настоящего времени нет общепринятого метода верификации, а предлагаемые способы в большинстве своем недостаточно эффективны и надежны. К тому же верификация — трудоемкая работа. Всем этим видимо, и объясняется тот факт, что до сих пор продолжают выходить статьи и даже книги, в которых проблема верификации лишь упоминается, причем авторы этих работ даже во время непосредственных встреч с геронтами не проводили действительной проверки их возраста⁸.

Подписанное в 1977 году соглашение о научном сотрудничестве между советскими и американскими учеными по теме: «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с повышенным процентом долгожителей» способствовало ускорению разработки новых приемов в методике по верификации возраста долгожителей.

Началом работы по изучению феномена долгожительства стало составление предварительных списков долгожителей по данным похозяйственных книг сельских советов. Мы сознательно отказались от установления возраста по документам, т. к. паспортизация в сельских районах Абхазии была проведена сравнительно недавно и к тому же на основе записей в похозяйственных книгах; в результате этого, как и было подтверждено данными верификации, в паспортах могли повториться неточности похозяйственных книг. Впервые похозяйственные книги в Абхазии были повсеместно введены в целях упорядочения и упрощения первичного учета в сельских советах в середине тридцатых годов, а в отдельных селах даже в двадцатых годах. В похозяйственных книгах каждого села отмечались фамилия, имя, отчество, пол, год рождения, национальность, образование, семейное положение, профессия и сведения о хозяйстве. Сведения для заполнения данных на каждого человека получались путем личного опроса домохозяина во время сплошного подворного обхода, проводимого секретарем сельского совета. Расписку в конце лицевого счета должен был делать домохозяин, но в действительности почти во всех установленных нами случаях стоят отметки, что из-за неграмотности хозяина, доверенным лицом, как правило был секретарь сельского совета. Вполне естественно, что неграмотные люди, не имевшие традиций счета своих лет, определяли возраст при первичном учете, приблизительно, в «круглых» цифрах. Об этом свидетельствует и высокая возрастная аккумуляция в первых похозяйственных книгах обследованных сел Бзыбской и Абжуйской Абхазии: Члоу, Джгерда, Лыхны и Дурипш. Особенно это заметно в старших возрастных группах. Заметим, что нынешним долгожителям в тот период

было 45—50 лет и ошибка в оценке их возраста вряд ли могла превышать 5—10 лет, так что большие ошибки могли появиться, вероятно, при переписи этих книг.

Учитывая все эти факторы, мы смогли использовать данные похозяйственных книг лишь для составления предварительного списка геронтов, т. е. как косвенный источник. Затем возраст каждого из них подвергался верификации. Во всех дальнейших комплексных медико-биологических, антропологических, социально-демографических и этнографических исследованиях, проводимых в рамках данной темы отдельными группами исследователей, учитывался только этот верифицированный возраст долгожителей.

В основу верификации возраста старых людей был положен анamnестический метод (в сочетании с генеалогическим и автобиографическим): во время непосредственной беседы с каждым из них выяснялись основные этапы их биографии, в частности — основные вехи их семейной жизни (время вступления в брак, возраст при рождении первого и последнего ребенка и т. п.), которые привязывались к датированным событиям общегосударственного и местного значения. При работе в абхазских селах таковыми являлись: махаджирство* после Русско-турецкой войны 1877 г, открытие в селе русских школ, борьба крестьян с помещиками под руководством Х. Кяхба, действия революционного отряда «Кераз» под руководством Н. Лакобы, образование колхозов и другие. Очень эффективным оказался вопрос о том, помнит ли геронт большой снегопад, когда многие дома были завалены снегом почти до крыш**. Сложнее было использовать генеалогический прием, т. к. абхазы (и мужчины и женщины) позднее других национальностей вступали в брак, что затрудняло соотношение возраста долгожителя и возраста его детей. В настоящее время средний возраст вступления в брак у абхазов хотя и снизился, но тем не менее он выше чем у грузин, русских и армян, проживающих на одной с ними территории, что достаточно хорошо видно на материалах переписей 1959 и 1970 гг.

Использованный прием соотнесения исторических событий с биографией старых людей, конечно, не нов. Им пользовались для определения возраста в старших возрастных группах при проведении переписей населения ряда стран. В Индии, например, в 1951 г. каждый работник статистического учета имел при себе список важнейших событий примерно с середины XIX в.; среди них фигурировали такие, как постройка железной дороги,

* Махаджирство — массовая эмиграция абхазов в Турцию.

** В Центральном архиве при Совете Министров Абхазской АССР сохранились фотографии 1911 г, когда зимой в Абхазии выпало так много снега, что в селах люди рыли траншеи, а для передвижения имели снегоступы, известные у северных народностей: чукчей и эскимосов.

смерть королевы Виктории, землетрясение и т. п. В Китае даже использовались такие местные отличия, как девизы императоров, установленные ими в годы своего правления.

Новой, очевидно, была обстоятельность верификации, ее связь с другими разделами разрабатываемой темы, глубокое изучение архивов и применение специальной анкеты. Эта верификационная анкета (см. приложение) состояла из нескольких блоков вопросов.

Таблица 1

Число мужчин, состоящих в браке, по отдельным национальностям по Грузии⁹

	на 1000 человек состояло в браке							
	16—19 лет		20—29 лет		30—39 лет		40—49 лет	
	1959	1970	1959	1970	1959	1970	1959	1970
Грузины	23	25	433	410	901	880	957	955
Абхазы	20	13	378	320	843	797	937	924
Русские	20	21	400	393	906	986	941	917
Армяне	24	21	521	452	930	915	954	953

Первый блок можно условно назвать общедемографическим: он включал вопросы о фамилии, имени, отчестве (женщины указывали также фамилию и имя до замужества), поле, о родителях и сиблингах (с указанием их возраста), семейном положении, о детях и внуках и их возрасте, о возрасте опрашиваемого по самооценке и по данным хозяйственных книг или других документов. Здесь же имелась графа, в которую после окончания всей верификации записывался действительный возраст опрашиваемого.

Второй блок включал вопросы, связанные с образом жизни и здоровьем опрашиваемого, что помогало созданию о нем более полного представления.

В третьем — приводились уже упомянутые исторические события общегосударственного и местного значения. Здесь же помещался вопрос о сравнительной самооценке возраста респондента с возрастом других известных ему старых жителей селения.

Заполнение анкеты требовало продолжительного времени, но сама беседа особых трудностей у долгожителей не вызывала. В среднем за рабочий день можно было побеседовать с 2—3 респондентами.

Перед анализом материалов, полученных во время опроса, остановимся на характеристике тех селений, которые были выбраны для сплошного обследования.

Абхазия — многонациональная автономная республика, где абхазы составляют около 20% сельского населения. Исторически сложилось так, что основная часть абхазов проживает в Гудаутском и Очамчирском районах, где они составляют около 50% сельского населения. В этих районах — самые высокие индексы долгожительства по республике, что объясняется большим процентом абхазов, обладающих одним из самых высоких уровней долгожительства среди других популяций страны.

Таблица 2

Индексы долгожительства сельского населения
Абхазской АССР (в %)

	Абхазия в целом	Гудаутский р-н			Очамчирский р-н		
		в целом	Дурипш	Лыхны	в целом	Джгерда	Члоу
Все население	40,2	57,5	83,3	40,1	49,2	91,3	101,8
Мужчины	35,5	43,1	61,9	26,1	51,2	94,6	61,9
Женщины	42,6	64,7	93,6	46,7	48,1	90,0	128,0

Примечания: 1. По республике и районам показатели рассчитаны по материалам переписи 1979 г., а по селам на основании данных похозяйственных книг.

2. По республике и районам данные приводятся для всего сельского населения, а для сел — только по абхазам.

Таблица 3

	Члоу	Джгерда	Лыхны	Дурипш
Число номинальных обследованных долгожителей	29	18	48	27
Число лиц, действительно достигших 90 лет и более	12	7	13	12
Доля долгожителей, подтвержденных верификацией %	41,4	38,9	27,1	44,4

Провести сплошное обследование в течение нескольких полных сезонов по 47 сельским советам, в которые входят 223 села с общей численностью долгожителей более 500 человек, не представлялось возможным, поэтому было выбрано по два села в Гудаутском (Лыхны и Дурипш) и Очамчирском (Члоу и Джгерда) районах. Эти села представляют разные типы поселенческой структуры Абхазии: от небольшого села Джгерда (1,1 тыс. человек) до самого крупного села Лыхны (7,2 тыс. чел.). Достаточно высоки в этих селах и уровни долгожительства (см. табл. 2).

Всего было обследовано по выбранным четырем селам Абхазии 122* номинальных долгожителя. Из них 44 человека действительно достигли 90-летнего возраста, что составило 36,1% всех обследованных. Соотношение номинальных и фактических долгожителей по селам выглядит следующим образом:

Помимо сплошной верификации возраста долгожителей в выбранных селах (Члоу, Джгерда, Лыхны и Дурипш), мы проводили частичную верификацию еще в ряде сел Гудаутского и Очамчирского районов.

В селе Дурипш нами был проведен сравнительный анализ данных по возрасту долгожителей, выписанному из похозяйственных книг последних лет, и возрасту, указанному самим респондентом, с тем, который был получен нами в результате верификации. В этом селе числилось 32 номинальных долгожителя; из них обследовано — 27. Долгожительский возраст — (90 лет и более) — подтвердили 12 человек, в т. ч. 5 мужчин и 7 женщин.

Общее отклонение номинального возраста долгожителей (по похозяйственным книгам) от верифицированного составило 8,8 года. Среди старых людей, чей возраст оказался менее 90 лет, среднее отклонение было 11,4 года, а у подтвержденных верификацией — 4,4 года.

Важно, отметить, что среди долгожителей, подтвержденных верификацией, установленный возраст 5 человек совпал с их самооценкой, а у зависевших возраст максимальное отклонение составляло 16 лет. У геронтов, возраст которых в результате верификации оказался менее 90 лет, максимальное завышение составило 35 лет. Отметим также, что в результате проведенной верификации в обследованных селах пока не обнаружилось ни одного человека в возрасте старше 110 лет. Впрочем, верификация в абхазских селах не была сплошной, и этот результат еще не говорит о том, что таких людей в Абхазии вообще не существует.

В недавнем прошлом бытовало мнение, что среди долгожителей Кавказа преобладают мужчины. Наши исследования в Абхазии опровергают это мнение. Из 122 номинальных долгожите-

* Кроме того 5 человек по разным причинам не смогли принять участие в обследовании.

лей почти 2/3 составляли женщины: среди долгожителей, подтвержденных верификацией, также преобладают женщины. При этом, завышение возраста у старых женщин оказалось более значительным, чем у мужчин, составив в среднем соответственно 10 лет и 5,5 года. Среди самых старых людей женщин примерно столько же сколько и мужчин.

Архивные изыскания и полевые наблюдения пока не дают полного ответа на вопрос о том, в чем причина завышения возраста многих теперешних геронтов в похозяйственных книгах сельсоветов. Установлено, что часть таких неточностей ведет свое происхождение от исходной записи, относящейся к 1930 годам, часть — от послевоенной переписки книг. Показательно, однако, что почти все эти неточности были в сторону завышения, а не занижения возраста.

Было высказано предположение, что в основе такого завышения лежало стремление приписать человеку такой возраст, который по своей престижности соответствовал бы повышенному социальному статусу этого человека (Крупник, 1982). Но оно не применимо к большинству геронтов, бывших в то время рядовыми колхозниками, и плохо применимо к женщинам, которые вообще редко выдвигались в то время на значимые должности. Вероятно, здесь срабатывал какой-то более сложный и тонкий геронтофильный механизм в сочетании с системой возрастных классов.

Наиболее неожиданными для нас были результаты сравнения возраста долгожителей, указанного ими самими, и полученного нами в результате верификации. Среднее отклонение по всем обследованным геронтам равняется 2,4 года, у долгожителей, подтвержденных верификацией — 3,7 года, а у не подтвержденных верификацией — 1,8 года. Данные по мужчинам и женщинам соответственно 1,3 года и 3 года. Факт незначительного отклонения самооценки возраста геронта от верифицированного дает возможность предположить, что данные переписи по возрасту будут ближе к реальной цифре, если они основаны не на проверке документов и не записаны со слов родственников геронта. Это предположение требует подтверждения путем сравнения данных переписных листов и наших верификационных материалов.

Основные работы по изучению феномена долгожительства в Абхазии завершаются. Уже третий год ведутся рекогносцировочные полевые исследования в Азербайджанской ССР, где индекс долгожительства по данным переписей населения один из самых высоких по СССР. Основную часть этой работы составляла верификация возраста некоторых старых людей в различных селах районов высоким индексом долгожительства. Всего за три полевых сезона было верифицировано свыше 200 человек; доля дол-

гожителей, подтвержденных верификацией, оказалась примерно такой же, как в Абхазии, однако эти выборочные сведения мы пока не распространяем на весь Азербайджан. Дальнейшая работа дает возможность усовершенствовать применение анamnестического метода в верификации возраста долгожителей, который позволяет обеспечить правильность исходного материала и сравнительную точность определения возраста у разных долгожительских групп.

В заключение отметим, что применение анamnестического метода позволило с достаточной степенью точности подтвердить наличие двух крупных долгожительских популяций на Кавказе. В настоящее время идет совершенствование этого метода и намечается его опробование в других регионах страны.

АНКЕТА ДОЛГОЖИТЕЛЯ

(для верификации)

1. Район исследования : Сельсовет :
Село
2. Фамилия Имя Отчество : : : :
(для женщин указать фамилию до замужества)
3. Пол
4. Возраст: а) в похозяйственных книгах сельсовета
б) по самооценке
в) верифицированный (заполняется после опроса)
- л. Национальность
6. К какой религиозной группе относится
7. Место рождения: а) уроженец этого села
б) соседнего села
б) другое (указать точное название)
8. Сведения о родителях:

	Отец		Мать
а) национальность
б) религиозная группа
в) место рождения
г) в каком возрасте умерли
д) причина смерти
9. Сколько детей было в семье
10. Каким по счету ребенком родился респондент
11. Указать фамилии, имена братьев и сестер по старшинству, с указанием возраста
(для умерших — при смерти)

3. Френкель З. Г. Удлинение жизни и активная старость. с. 123.
4. «Америка» 1980, № 288, с. 20.
5. Блеклов С. М. «За фактами и цифрами. Записки земского статистика». М., 1894.
6. Palmogre E. The gerontologist. 1984, vol. 24, № 1, p. 95—96. Longevity in Abkhazia: A Reevaluation.
- 6¹. Medvedev G. The Gerontologist. October, 1974, p. 381—387. Caucasus and Altay Longevity: A Biological or Social Problem?
7. Сачук Н. Н. Точность показаний возраста лицами 80 лет и старше во время переписи населения. В кн.: Ученые записки по статистике (совместно с В. П. Пановой-Минаевой), т. VIII, с. 259—264.
Об уточнении календарного возраста. В кн.: Процессы естественного и патологического старения. Л., 1964, с. 91—103.
8. Султанов Н. М. Азербайджан — страна долгожителей. Баку; 1974—1976; Госиздат, 1981.
Леонтьева Л. П. Сколько жить человеку? Алма-Ата. Казахстан, 1983.
Бозиян Х. А. Человеку — долго жить! Баку; Госиздат, 1971.
9. Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, М., Статистика, 1973, с. 388.
10. Крупник И. И. Структурно-генеалогическое изучение абхазского долгожительства. В сб.: Феномен долгожительства. М., 1982, с. 59.

Я. В. ЧЕСНОВ

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗМА ЧЕЛОВЕКА И ПОВЕДЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ АБХАЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Этнографическое изучение медико-биологических тем имеет целый ряд особенностей. Одна из них — отсутствие разработанных подходов, теоретических обоснований. Так, даже при наличии давнего интереса к практической стороне народной медицины в мировой науке обращалось мало внимания на общебиологические народные концепции. Такое внимание стало пробуждаться лишь в последние полтора-два десятилетия. На Западе оно постепенно входит в русло этнонауки с ее акцентом на народно-классификационные системы. Конечно, в этом подходе есть более сильные стороны, чем в традиционном изучении «народных» или «положительных» знаний, что сводило всю проблему к эмпирическим ценностям. Однако в этническом подходе, по крайней мере в проделанных уже исследованиях, ощущаются свои недостатки, в частности — стремление рассматривать преимущественно классификационную тематику.

При обращении к такой развитой этнической культуре, как абхазская, у исследователя сразу возникает целый ряд сложных проблем. Перечислим хотя бы главные из них.

1. Традиционные абхазские представления об окружающем мире и о человеке — это сложный многоуровневый идейный комплекс. Если ограничиться человеком, его организмом, то в этом отношении надо отличать по крайней мере семейно-индивидуальную сферу знаний и практики от общетнических. В данной работе мы ограничиваемся последней областью.

2. Структурная сложность изучаемого комплекса проявляет себя не только в синхронном, но и в диахронном плане. Безусловно, что комплекс абхазских представлений о человеке включил в себя общекавказские элементы, воздействие соседних цивилизаций, влияние ислама и христианства и т. п. При всем этом, этот комплекс сохранил свое собственное наследие пройденных ранее этапов. Все это заставляет исследователя быть максимально внимательным к историческому аспекту проблемы, который обнаруживается разнообразно и несистемно в обрядах, в этимологии слов и т. д.

3. Историзм в виде предмета исследования и в виде методологии, будучи всегда конкретным, в приложении к абхазской

культуре имеет свои особенности. Дело в том, что уже при самых первых попытках соприкосновения системного подхода с данной проблематикой обнаруживаются пределы его возможностей и необходимость соподчинить его с генеральным историческим методом. Как бы утонченно мы не исследовали системные отношения абхазской культуры, наши выводы и результаты не будут окончательными, пока мы не проследим их связь с общими и наиболее высокими ценностями абхазской культуры, с ее исторически сложившимися идеалами, которые тесно соотносятся с целевой деятельностью человека, с представлениями об организме и здоровье. В традиционной абхазской культуре здоровье само по себе не было самоцелью. Оно было подчинено некоторому спектру идеальных целей, в достижении которых складывался реальный жизненный путь индивидуума. Очевидно, с такой стороной абхазской культуры связан существенный факт — тот или иной орган тела считается главным в зависимости от конкретной ситуации¹. Так, выражение «хороший хребет» вообще означает физически сильного человека (так же, как и у грузин). В метафорическом смысле «хребет» имеет смысл прочности жизненных позиций. В ситуации же, связанной с какой-либо деятельностью, сосредоточением физической силы выступают мышцы вообще, или бицепсы рук, или только правая рука, как это имеет место в речении: «Жизнь птицы в крыльях, у мужчины — в правой руке». Отметим, что леворукие в абхазской среде считаются физически более слабыми.

В этих примерах тело человека выступает в виде агрегата органов, функционирующих для выполнения конкретной задачи, в ходе достижения которой один из органов становится главным. Кажется бы, при таком подходе представление об органах тела должно быть тщательно разработанным. Но этого в абхазской культуре не наблюдается. Антропологом П. К. Квициния, было обращено внимание на обобщенность названий органов в абхазском языке, например, целых групп костей или мышц человеческого тела. В этой связи показательно отношение к туше животного, членение которой чрезвычайно разработано. Эта необходимость диктуется тем, что все части туши, точнее говоря, кости с прилегающим мясом и органы, имеют высокую знаковую нагрузку, детально отражающую при их употреблении в застолье социально-возрастную структуру собравшегося общества.

Представление о цельном теле является общим фоном всех медико-биологических знаний и воздействует на концепцию тела-агрегата. Более четко такое представление выявляется при обращении к организменной и символической роли крови и пота, чему в данной работе будет уделено далее внимание. Здесь же отметим, что в концепции цельного тела подчеркивается его ритуальная чистота и святость. Даже вода после купания долж-

на выливаться в «чистое» место во дворе. При диссимилиационных процессах место «очищается» произнесением ритуальной формулы «псимилах». Болезнь в этой концепции считается виной, наказанием человека за какой-то поступок, святость тела выражается и в особом отношении к беременной, так как она носит уже новое тело, отличающееся от ее собственного. Это выражено в абхуйском термине для беременной, буквально означающем «женщина, имеющая не свое тело»². Представление о цельности и святости тела диктует запрет в абхазской культуре на физические наказания, они очень ограничены и мягки для детей, ударить же взрослого — преступление. Цельное тело нельзя мерить, ибо то семантически равноценно расчленению. Пересчитывать людей вообще не следует. Распространен счет животных (мелкого рогатого скота) парами. Мерка для гроба, которой пользовались в старину, непременно должна была быть оставлена в лесу³.

Обычаев, казалось бы самых разнородных, но в конечном счете идущих от представления о цельном теле, очень много. Это представление можно обнаружить при обращении к таким физиологически важным органам, как сердце и печень. Им в абхазской культуре придается особое значение.

Сердце в традиционном абхазском мировоззрении далеко не только физиологический орган. Уже в самом слове агугу — «сердце» заключена мысль, что оно является органом сложной психической жизни. В основе слова лежит корень гу, обозначающий чувственное восприятие, а также психические явления радости, приятности, неприятности, горя, обиды, гнева и скорби⁴. Когда человек мыслит, то это состояние характеризуется фразой «сердце думает». На сердце человека замкнут весь реальный мир, хозяйственные и житейские заботы. «Мое сердце не скот» — так дословно выражают иногда плохое самочувствие⁵. Но кроме того сердце — особый воспринимающий орган для тех явлений, которые недоступны другим органам. Так в абхазском фольклоре встречается образ двуглавого чудовища Атею, охотящегося за солнцем и луной. У него светящийся хвост, который можно «увидеть» не глазами, а сердцем⁶. Часто можно услышать выражение «то, чего не видит глаз, видит сердце». «Он видит сердцем» — высказывание о преданном и чутком человеке, друге.

Сердце — символ чистых помыслов. «Чистота сердца» — ясное, четкое представление о чем-либо. «Ясное сердце» — человек, тонко во всем разбирающийся. «Мягкое сердце» — на все реагирующий, слишком впечатлительный, но неэнергичный человек. «Сердце с сетью трещин» — очень понятливый человек. Таких характеристик по тому или иному качеству сердца много. Обычно, они связаны с высокоморальными качествами: «Он сердцем богат» — о человеке, внимательном к людям; «он сердце на стол положил», т. е. отлично принял гостя и т. д.

В выражении «моление сердца», равнозначном «семейному молению», сердце означает тесную родственную связь преданных друг другу и молящихся о здоровье друг друга.

Сердце также орган, аккумулирующий храбрость, героизм, энергичность. «Крепкое сердце» говорят об энергичном человеке. «Мощь сердца» — качество героя. Это — смелость, выдержка и терпение. О человеке, проявившем трусость, могут сказать: «Что, у тебя сердца нет?» Особого внимания заслуживает характеристика героя, как имеющего два сердца. Так, приходилось слышать выражение «у него два сердца» о человеке, вступившем один на один в борьбу с медведем.

Пока нам трудно интерпретировать в историко-этнографическом плане абхазскую метафору о двух сердцах. Но все же считаем нужным привести сравнительный материал из жизни арханческих охотничьих обществ. Так, в эпосе нганасан, таймырских охотников на северного оленя, говорится о борьбе с сильными воинами («шитыми лицами»). У этих воинов оказывается по два сердца — обычное и мохнатое. В эпосе человек, победивший такого воина для приобщения к его силе, съедает кусочек мохнатого сердца⁷.

Обращение к печени, органу, который играет особую роль в представлениях древних охотничьих и воинственных народов (если печень врага), подтверждает правильность избранного направления в поисках истоков символики сердца.

В ряде ситуаций печень считается основным органом, руководящим поведением. Если человек быстро отреагировал на чье-то слова или дело, говорят «у него есть печень». Это звучит синонимом к термину «настоящий мужчина». Так же говорили о человеке, выполнившем долг мести. Есть и другой оттенок выражения «имеющий печень» — иногда это означает «разбирающийся в тонкостях». Человеку, не проявившему сообразительности, могут сказать: «Кто забрал у тебя печень?», «как будто тебя кто печени лишил!» Или: «В запасе печени нет», т. е. у такого человека нет сообразительности и умения.

Особое значение у выражения «толстая печень». Это довольно распространенная характеристика тупого человека, равносильная русскому выражению «толстокожий». «У него слишком толстая печень», — могут сказать, например, о человеке, не победившем на помощь при пожаре у соседей. Про человека, совершившего глупость или промах говорят «человек, у которого вырвана из нутра печень».

Примечательно, что печень животного — почетная пища. Ее раздают за столом в первую очередь.

Материалов, указывающих на какое-либо особое отношение к печени врага, нам не встретилось, может быть за исключением формулы проклинания: «Чтоб твою печень отбили».

Как видно из приведенных материалов, в метафорических смыслах печень как бы дублирует сердце, правда, с более огра-

ническим спектром значений. Иногда идиомы о сердце и печени бывают почти идентичны. Например, о любимой женщине можно сказать: «Она мое сердце» или «Она моя печень». В ритуалах жертвоприношения печень и сердце животных служат культовой пищей, хотя выражением, обозначающим жертвоприношение, часто является фраза «показать богу кровь».

В абхазском представлении сердце играет несомненно первую роль как орган тела и как центр психической деятельности. Не случайно в абхазском варианте легенды о святом Георгии говорится, что бог за его святость вырезал у него печень и легкие, но сердце оставил⁸.

Соотношение сердца и печени с другими органами и частями тела человека позволяет сделать некоторые дополнительные наблюдения, которые дают возможность понять особое отношение к сердцу, роль которого не ограничена только его местом в системе кровообращения. Его символические роли объясняются также восприятием места его нахождения как центрального в теле и не имеющего синонимических аналогов. Значение последних проиллюстрируем примером языка и ладоней, которые находятся в синонимических позициях. Так, когда у кого-то появляется нарыв на руке, то этот человек говорит родственнику или приятелю: «У меня на языке что-то вышло». Другой должен ответить: «На ладони у меня вышло». И так повторяют три раза, после чего, считается, наступает облегчение. Здесь болезнь символически переносится на синонимичный орган, знак которого обратный (язык имеет отрицательную символику, в противоположность положительной — руке) и тем самым как бы «погашается». Сердце в этом аспекте почти лишено знаковости, оно уникально. Поэтому максимальное выражение его качеств (героизма) сводится к удвоению его числа. Судя по вышеприведенным материалам, это очень древнее представление охотничьей стадии, причем представление аналитическое.

Совсем другая картина открывается при обращении к таким элементам жизнедеятельности организма, как кровь и пот.

Представление о крови, как о важнейшем элементе организма, отражено во многих идиомах абхазского языка и, очевидно, уходит в древнейшее прошлое. Так, слово *кремень*, по-абхазски «ашьанца», воспринимается как состоящее из *ашьа* — кровь и *анцара* — наносить, т. е. «кровь, вызывающий»⁹. Примечательна этимология имени бога кузнечества Шьашэы. Оно состоит по мнению И. А. Аджинджала из *шьа* — «кровь» и *ашэы* — «остывшая»¹⁰. О правильности этой этимологии свидетельствует имя адыгского бога кузнечества Тлепша, в основе которого лежит корень *лшы* — кровь¹¹. Известно, что эти божества кузнечества и сами кузнецы считаются способными влиять на человеческую жизнь, ее продолжительность и на здоровье людей.

Для носителей абхазского языка термин *аехэшьа* — «сестра» и *аешьа* — «брат» имеют прозрачную этимологию, указы-

вающую на **шьа** — кровь¹². Важный социальный термин, исторически имеющий древнейшее происхождение, — «материнский дядя», по-абхазски он также несет ясную этимологию — «кровь матери» (**аншьа**)¹³.

Все это говорит о том, что понятие крови служило с древности ориентиром в представлениях о биологической и социальной жизнедеятельности. В последней сфере такое представление выражено многообразно, наполнено глубоким содержанием. Имея все это в виду, можно прийти к заключению, что социальные аспекты понятия крови в традиционной абхазской культуре оказывали влияние на его биологические аспекты и получали обратное воздействие. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Многим народам свойственно восприятие родства в терминах крови. Оно четко выражено и в абхазской культуре. «Наша кровь в них» — говорят о родственниках. Соотношение крови и сердца хорошо характеризуется высказыванием «Сосед — сердце, а брат — кровь». Кровь — важнее! Абхазская терминология для «родства» очень красноречиво подчеркивает роль крови как основного носителя жизни. Так, если брат и сестра представляются наделенными общей кровью, то у дальних родственников такой крови уже мало или вообще нет. Дальнюю степень родства, родство в широком смысле выражается другими категориями телесной субстанции: **ажьрацэра** — «родство вообще», этимологизируется в народе как «мясо» (мышцы) и «кожа». Здесь уместно упомянуть, что «кожа» воспринимается иногда как элемент, несущий духовную субстанцию. Это имеет место в народной этимологии слова **анцэа**, которое считается состоящим из **ан** — «мать» и **цэа** — «кожа». Во всех этих примерах выражена соотнесенность социально-биологических категорий с понятием тела, крови прежде всего. Субстанциональность таких категорий в абхазской речи выражена в гораздо более сильной форме, чем, допустим, в русском языке.

Значение крови подчеркивается в разнообразных жизненных ситуациях, в том числе и связанных со здоровьем. Так, в молитве, обращенной к лыхненской святыне, говорится «Сделай так, чтобы по-плохому из нас кровь не выходила, по болезни — пот...»¹⁴. Среди пожилого населения распространено мнение, что к весне в теле человека накапливается плохая кровь, она собирается в каком-либо месте и туда необходимо ставить пиявки. Значение крови в традиционных абхазских представлениях можно охарактеризовать также одним любопытным верованием. Считается, что кровь людей из рода Ацанба служит очень хорошим лекарством от женских болезней, при отравлениях, при каких-либо кровотечениях. У этих людей их кровь покупали. Связано ли это каким-то образом с древним княжеским родом у абхазов Цанба или ацанами, мифическими карликами, первопоселенцами на территории современной горной Абхазии? Не исклю-

чено, что такая идейная связь может существовать. Но не следует забывать и того, что отвар коры черешни (**аца**) у абхазов использовался для остановки кровотечений. Это могло повлиять на примечательное отношение к крови фамилии Ацанба. Но, как бы то ни было, в данном веровании мы видим особое отношение к крови.

Не случайно у абхазов возникло также правило, что в спорных случаях, когда по дичи стреляло двое или больше охотников, она принадлежала тому, кто первым пролил хоть каплю ее крови, а не тому, чей выстрел был смертельным. У абхазов распространен обычай коснуться горячей головешкой шеи зарезанного животного и того места на земле, где кровь пролилась. Это делают по возможности быстро, ибо считается, что до прикосновения головешки могут исполниться все дурные пожелания каких-либо недоброжелателей в адрес данной семьи (другое объяснение — мясо будет вкуснее).

Символическая роль крови актуализовалась также в выражениях, связанных с кровной мезтью, которая по-абхазски буквально значит «делание крови». «Кровь не стареет» говорилось о сроках отмщения.

У старшего поколения абхазов распространено представление, что в животных, наиболее тесно связанных с человеком хозяйственно — у собаки и лошади, а также у медведя течет человеческая кровь. Об этом говорят мифы и легенды. Например, собака возникла из куска плоти, которую первый человек вырвал из своего тела. Медведь — это женщина, от стыда ушедшая в лес и ставшая животным. Вместе с тем, все эти животные могут легко чему-то научиться, а это — человеческое качество. Кровь (человеческая, в мифологическом смысле) здесь олицетворяет сознание.

Что кровь равнозначна сознанию, многократно утверждают абхазские идиомы. «Хорошая» или «дурная» кровь — выражения, применяемые к соответствующим поступкам. «Ты имеешь абхазскую кровь?» — обращение к совести человека. «Запачканная кровь» — неблагоприятное поведение. Кровосмешительство (**амахагъара**) — «надругательство над своей кровью». Представление о крови как субстанции, носителе сознания и высоких моральных качеств уходит в глубь веков, к эпохе сложения нартского эпоса. Сошлемся на эпизод, когда умирающий Сасрыква обращается к зверям и птицам, чтобы они выпили его кровь и разнесли по свету молву о нем. Здесь кровь выступает носителем нравственного жизненного начала, переходящего от человека к животным и охватывающему таким образом весь мир. В этом же значении нравственного начала кровь выступает в обряде побратимства, когда двое слегка надрезают сосуды на руке и соприкасаются этими кровотокающими местами — обряд до недавних пор распространенный в абхазской культуре, как и во многих других культурах мира.

Отношение абхазов к крови очень детализировано, развито до пределов ее лекарственного значения, и они наделяют кровью функцию носителя не только жизненных, но и нравственных сил человека. Таким образом, в понятии крови заключена идея целостности организма, выразить которую не может ни один другой орган, даже сердце.

Абхазской культуре свойственно настороженное отношение к потовыделению. Выше мы уже привели молитву, где выражалось желание, чтобы кровь и пот не появились. Эта же тема напряженно звучит во время праздника Хечхуама (у бзыбцев), устраиваемого первого января по старому стилю. В этот новогодний праздник жизнь и здоровье членов семьи становятся в центре обрядов, один из которых — «моление кузне» с почитанием бога кузницы Шашвы. Заметим, что после моления ему режут столько петухов, сколько в семье лиц мужского пола, и столько кур, сколько лиц женского пола. На вечернем молении в кузнице моельщик перед обрядовой пищей говорит: «Да будете вы все живы, здоровы и не спадет с ваших лиц больной пот, пока не соберу всех Ачбовых и Чачбовых и не накормлю их этими кусками»¹⁵. (Упоминание древнейших абхазских фамилий часто входит в заклинания жизни и здоровья).

Из абхазских заклинаний, связанных с потом, упомянем еще одно. В абжуйской Абхазии есть святыня Кячныха (Кьячныха), расположенная в труднодоступной горной местности, где находятся развалины древнего православного храма. Существует обычай, согласно которому невинно обвиненный мог себя оправдать или сделать проклятье свое неминуемо исполняющимся, если он положит перед Кячнойой «что-нибудь потное» (какой-нибудь предмет из белья). Проклинатель произносил такую фразу: «Чтобы тот пот, который я пролил, из тебя кровью вышел». Очевидно, в таком случае пот олицетворяет все существо человека, всю его жизненную силу. Этот вывод можно подкрепить данными об обычае при трудной смерти старого человека, для легкой и быстрой кончины забирать у него вещь, пропитанную его потом (чаще всего подушку). Ее уносят и кладут на помост перед дверью свайного амбара. После смерти подушку сжигают. В некоторых селах бзыбской Абхазии вообще вместо подушки под голову умирающему кладут свернутое одеяло. В этих случаях предполагают, что перья подушки мешают душе легко отделиться от тела.

Уставший, потный человек считается опасным, его взгляд становится вредоносным, особенно для детей. Так, уставшие с дороги старики могут потребовать: «Уберите от меня детей». Обычай такой исходит из того, что человек в состоянии физической усталости не может оказать благотворного воздействия, скорее — противоположное. Причем тот или иной характер влияния, идущего от человека, не зависит от его субъективных на-

мерений, какими бы благими они не были. Сошлемся в этой связи еще на популярную легенду о молодом воине, и царе. Последний во время утомительной дороги чихнул, и все окружающие, за исключением одного юноши, пожелали ему здоровья (буквально — сказали ему «хайр», «хайр абзиера»; **хайр** — турецкое заимствование, означающее пожелание здоровья при чихании). Когда долгий путь закончился, юноша вымылся, почистил свою одежду и тогда подошел к царю со своими пожеланиями здоровья. «Почему только сейчас это говоришь?» — спросил царь. «Разве я мог, потный и грязный, сделать это?» — ответил юноша.

О состоянии, связанном с крайней степенью стыда, говорится в выражении: «Чтобы ты от стыда не потел».

Воззрения такого рода хорошо объясняют нам ряд жизненных установок в традиционной абхазской культуре. Так, среди людей почтенного возраста — долгожителей, распространено мнение, что трудиться чрезмерно — вредно. Люди суетливые, надрывающиеся в труде, вообще не вызывают особых симпатий, поскольку не могут правильно организовать жизнь. Лица почтенного возраста убеждены, что раньше люди меньше работали. Было распространено мнение, что молодежь должна была трудиться регулярно только лет с 25. У стариков существует представление, что те, кто «больше трудятся, меньше живут». Речь, конечно, идет о тяжелом крестьянском труде. Но, тем не менее, мы обнаруживаем целую физиологически-мировоззренческую систему, основанную на представлении об опасности потовыделения. Обращает на себя внимание факт, что приведенные данные о поте отличаются своей двойственностью. Это особенно заметно при их сопоставлении с данными о крови. В одних случаях пот — это такая же субстанция жизни, как и кровь. В такой ситуации он характеризует цельное тело, что очень заметно в ритуальных молениях, связанных с молением о здоровье и проклинанием. В других случаях пот равноценен грязи, которая пятнает тело или лишает его цельности, что имеет место в тяжелом, однообразном физическом труде. По-видимому, перед нами две разных концепции, скорее всего разъединившихся в эпоху формирования классового общества у абхазов с его переложением физического труда на плечи крестьянства. Упомянутая часть труда как раз дает возможность показать, как вообще в мировой практике менялись значения. Так, плечи считались семантически важной частью тела у многих древних индоевропейских народов. С распространением христианства о них перестали упоминать в молитвах, ибо они стали считаться «нечистыми» — на них переносят груз.

Любопытно, как исторически изменилось отношение к пролитию крови и пота в абхазской культуре. Пролитие крови — спутник воинской доблести. Об этом говорят высказывания «мужчину узнают по шрамам», «шрам служит тамгой». Пролитие

тие же пота стало нежелательным, чуть ли не предосудительным. Такова роль исторически возникших идеальных установок в традиционной абхазской культуре.

Все это подтверждает высказанную в начале мысль, что отношение к организму и здоровью в данной культуре не является самоцелью. Оно опосредствовано исторически развившимся комплексом идей, понять которые можно только при углубленном этнографическом исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ряд ценных замечаний по данной теме был сделан П. К. Квициния, которому автор выражает свою глубокую благодарность.
2. Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964, с. 230.
3. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, Алашара, 1957, с. 107, 190.
4. Шакрыл К. С. Некоторые лексические параллели. Сухуми, Алашара, 1968, с. 21.
5. Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, Алашара, 1962, с. 93.
6. Эти факты, как и многие другие, мне были любезно переданы заслуженным артистом АБАССР Габниа С. С.
7. Мифологические сказки и исторические предания иганасан. М., ГРВЛ, с. 185, 337.
8. Чурсин Г. Ф. Указ. соч., с. 29.
9. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, Алашара, 1965, с. 228.
10. Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, Алашара, 1969, с. 233.
11. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. — Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., Наука, 1959, с. 222.
12. Инал-ипа Ш. Д. Указ. соч., с. 382, 485.
13. Там же, с. 380.
14. Шакрыл К. С. Указ. соч., с. 116.
15. Инал-ипа Ш. Д. Указ. соч., с. 535.

В. Л. БИГВАВА

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АБХАЗСКИХ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Разнообразие природно-климатических условий Абхазии, обусловленное ее географическим положением и вертикальной зональностью, сделало эту страну местом, где издревле человек занимается различными видами хозяйственной деятельности.

В прошлом для низменных районов приморской полосы — северной периферии влажных субтропиков — было характерно земледелие. В холмистых предгорьях и выше доминирующее положение занимало скотоводство. То есть степень развития того или иного направления зависела от рельефа, почвы и растительного покрова. Все остальные традиционные занятия, имевшие широкое распространение в быту абхазов, играли второстепенную роль, как бы дополняя основное направление хозяйства. После организации коллективной формы производства, основной отраслью сельского хозяйства стали здесь чаеводство и табаководство. Важнейшее место занимают также возделывание цитрусовых и различных сортов винограда.

В данном сообщении используются главным образом информации, полученные от самих долгожителей, являвшихся либо земледельцами, либо скотоводами. Всего нами изучено около сорока, в возрасте 90 лет и старше¹. Основное внимание при этом было обращено на трудовую деятельность, представляющую собой необходимое условие жизни людей; она определяется их собственными потребностями и связана с целым комплексом социально-экономических факторов. Это тем более интересно, что каждый долгожитель отличается от другого особенностью выполняемой им работы.

С первым из своих информаторов — Муса-ипа Харазиа Кутиа (с. Хуап Гудаутского района) я беседовал под огромным тутовым деревом, стоящим посередине просторного травянистого двора.

«Не знаю, сколько мне лет, но думаю, что не меньше ста десяти — говорит Кутиа. В год Большого снега (1911) я перешагивал брачный возраст. В те времена мужчина вступал в брак не раньше, чем в тридцать — тридцать пять лет. Помню, выпал снег. Очень большой снег. Продвигаться без снегоступов

невозможно было. Замерзшие собаки взбирались на соломенные крыши домов, под которыми непрерывно горел огонь. Раночулом к нам явился наш сосед по имени Хашиг Куата и попросил меня отправиться вместе с ним в апста́ — горное ущелье, где застрял его старший брат со скотом. Видимо, узнав о случившемся, в пути нас догнало еще несколько молодых односельчан. Шли мы медленно, шаг за шагом преодолевая трудности. Дороги-то не видно было, ориентировались по холмам и деревьям. С приближением к стоянке, мы дали несколько выстрелов в воздух. Услышав нас, пастух и сам выстрелил из ружья. Его радость не имела предела. На следующий день мы с ним

Харзиа Кутия с женой и невесткой 101 г.
с. Хйап, 1983 г.

двинулись обратно, домой. Впереди шел сам пастух, которого покорно слушался скот, за ним пустили больших козлов, способных пробивать дорогу стаду коз и овец, количество которых превышало пятисот голов. Так мы выбрались из апста целыми и невредимыми. В доме Хашиг было устроено затем торжественное угощение».

Относительно своего возраста Кутия сообщает еще, что он родился после Махаджирства. Значит, ему меньше, чем он предполагает. Но насколько? В похозяйственной книге годом.

рождения нашего геронта значится 1887. Однако, в сельсовете исходили из церковного документа, свидетельствующего о дате его крещения. Сам же Кутиа помнит, что его крестили, он был, примерно, трех-четырёхлетним мальчишкой. Следовательно, сейчас ему 100—101.

Родился и вырос Кутиа в неразделенной большой семье, состоявшейся из родителей, трех детей, дедушки и бабушки, жена того дядьки с детьми и двух незамужних тетушек по отцовской линии. Во главе семьи стоял дед, Джáджа. После смерти дедушки некоторое время ею руководил старший брат отца, Тедж, но через два-три года он отделился. При разделе же хозяйства, к отцу, Мусе, перешло около двух с половиной десятин земли, триста голов мелкого рогатого скота, четыре дойных коров, два буйвола, лошадь и более ста ульев. На общем пользовании оставалась мельница.

С раннего возраста Кутиа был связан с животноводческим хозяйством. Летом, как правило, скот он пас в горах, весной и осенью — в ущельях рек, а зимой выгонял в окрестности своего села. Старший брат больше работал по дому: выращивал зерно, бобовые культуры, ухаживал за виноградником, пасекой и крупным рогатым скотом. О нем говорили: «а ю ны а гуы з моу», что переводится как «тот, кто всем сердцем с домом». Напротив, Кутиа называли человеком вне дома, жителем гор — «á б на й лоу», «á шь ха у а ю». И на самом деле, он даже в свободное от пастушества время отдавал себя охотничьему делу, неоднократно бывал в таких труднодоступных горах, как Дзышра, Куánш, Хагйшьха, Чхы, Макадырка, Амаджар-áшта и др.

Кутиа женился поздно — после сорока лет. Жена моложе его на двадцать лет, но сейчас выглядит она немного старше своих лет. У них было пятеро детей, но последний ребенок умер еще в детском возрасте. Старики живут со старшим сыном, которому уже шестьдесят лет. От своих детей они имеют девять внуков и два правнука.

После организации колхоза, Кутиа пошел на ферму, в которую сам отдал пятьдесят голов коз и овец и пару тягловых быков. Жена занималась табаководством, являвшимся в селе Хуап ведущей отраслью общественного производства.

К земледельческим работам Кутиа начал приобщаться в основном после того, как старший брат построил себе дом и стал жить со своей семьей отдельно. С течением времени подросли и дети, которые по мере возможности все больше и больше освобождали его от полевых работ. Так он проработал пастухом 65 лет, проводя больше половины всей своей пастушеской жизни в горах. И до настоящего времени Кутиа чувствует себя неплохо: утром встает вместе с восходом солнца, разводит огонь и ухаживает за скотом — иначе он не может. При-
вык.

Когда наша беседа с Харазиа Кутиа подходила к концу, я задал ему последний и традиционный вопрос: «Как Вы думаете, что способствовало Вашему долголетию?» «Большое терпение, плюс жизнь в горах», — отвечает он уверенно.

Умение чувствовать пульс своего народа природный дар отдельных его представителей. Причем, для этого необязательно быть высокообразованным. 93-летний житель того же села Хуап Хуамáхья-ипа Бебиа Махты — совершенно неграмотный. Но его волнует все, что волнует лучшие умы в Абхазии.

«Процесс сокращения детности нужно приостановить, иначе он приведет наш и без того малочисленный народ к нежела-

Бебиа Махты, 93 г. с. Хуап, 1983 г.

тельными последствиям. Ведь это и государственный вопрос. И еще: как можно читать книги того писателя или ученого, дети которого не владеют тем языком, на котором он пишет? Почему же нельзя сделать так, чтобы дети наши учились на родном языке не только до четвертого, но и до десятого класса? Разве у нас нет для этого необходимых условий? Думаю, что есть. Учиться на своем, наиболее близком и понятном языке — значит получать больше знаний и идти дальше».

Вот с чего начал разговор Махты, когда я сообщил ему, что работаю в Абхазском научно-исследовательском институте

и, что изучаю этнографию абхазов. После долгой «обороны» от многочисленных и далеко не легких для меня вопросов хозяйна, я перешел на «контрнаступление» и вскоре понял, что Махты имеет полное право говорить на важную социальную тему: сам он — отец двенадцати детей и дедушка пятнадцати внуков!

Махты воспитал столько детей не потому, что жил в полном материальном достатке и душевном спокойствии. Еще в самом раннем возрасте он потерял отца. Мать его, оставаясь вдовой, без существенной помощи извне, вырастила трех детей. Но вскоре в дом Бебиа поселилась горе: в один год от малярии умерли обе старшие сестры Махты, у матери остался один он. В то время они жили в соседнем селе Джирхуа, расположенном ниже Хуап. А когда Махты вырос и стал самостоятельно управлять хозяйством, он вместе с матерью переселился в Хуап, где проживает в настоящее время. Собственноручно он построил амацурта и аганюны — плетеные жилища из орешника с земляным полом и четырехскатной крышей из соломы². Вначале приусадебный участок не давал ничего, кроме кукурузы, фасоли и овощей, т. к. он был еще необжит. Только спустя ряд лет Махты развел несколько коров и более ста голов коз и овец. Примерно, в 22—23 года Махты женился, но от вторых родов жена умерла, оставив ему сына и дочь. Второй раз женился на женщине, которая была моложе его на 31 год, т. е. довольно поздно. Она-то и родила ему десять душ. Сын от первой жены погиб на фронте, дочь замужем, живет в с. Ачандара. Несколько лет тому назад два его сына от нынешней жены попали в аварию и умерли. Все остальные живы, здоровы, имеют семьи.

Как правило, каждый год, в начале лета, после окончания основных работ по дому, Махты перегонял скот в альпийские пастбища, пас его до наступления осенних холодов. В период прополки кукурузы, оставив скот под присмотр других пастухов, вместе с которыми он входил в агуып (объединение), спускался в село и завершал работу. В зимние месяцы скот держал на подножном корму в окрестностях своего села, как это делали и другие владельцы скота.

После коллективизации Махты стал колхозным пастухом и проработал им в общей сложности более двадцати лет. Затем перешел на полевые работы. Где бы не был — в животноводстве или в полеводстве, он распределял свое рабочее время так, чтобы успевать делать все дела, связанные как с общественным, так и личным подсобным хозяйством. Вместе с тем, Махты умел организовывать и здоровый отдых. В молодости, в свободное время он вместе со своими сверстниками устраивал различного рода спортивные состязания — аймцакча, арккыл-асра и т. п. виды национальных игр³. Любимейшим занятием Махты была также охота. На его счету несколько десятков медведей, диких кабанов, шакалов и других зверей, зачастую нано-

сивших ущерб крестьянскому хозяйству. В зрелые годы Махты стал одним из наиболее уважаемых людей в данном селе, которых полагалось руководство свадьбами и похоронами. При этом он отличался красноречием и большим знанием обычаев предков. Махты умел также пить, не пьянея, и достойно проводить любой торжественный стол до желаемого конца.

Энергичным и крепким человеком был Махты. Об этом можно судить и по тому, как он и сейчас выглядит: густо покрытый сединой, широкоплечий старец среднего роста со слабо сторбленным носом и живыми сероголубыми глазами, под которыми виднеются глубоко прорезанные морщинами темные, как бы обгорелые щеки. Ходит он спокойными шагами, но уверенно, как бы давая знать земле, что идет ее хозяин. Каждый выход его из дома диктуется определенной хозяйственно-бытовой необходимостью. Если Махты в повседневной одежде и в руке держит цалду, то это значит, что он собрался в лес за дровами или на пастбище за скотом, а если одет в черкеску, опоясанную серебряным кинжалом, на голове башлык, на ногах кавказские сапоги — отправляется далеко, на свадьбу или на похороны. Во всех без исключения предприятиях семейной и общественной жизни, Махты принимает до сих пор самое деятельное участие: как старейший и умудренный жизненным опытом член своего рода, он является советчиком в наиболее важных делах. Под его руководством проводятся фамильные сходы и моления, естественно поэтому он носит священное имя «хцв а ш ь ху ы з к у» — «обладатель нашей родовой свечи».

В конце беседы с Махты я спросил его о том, что он может сказать о секретах долголетия. «В благоприятных условиях человек должен прожить до ста лет. За всю свою жизнь он преодолет четыре возрастные ступени: детство, юность, зрелость и старость. В детстве человеку присуще стремление к юношеству, в юности — к зрелости. Старости-то никто не любит, но и она по своему красива. Стремление к знанию, стремление к прекрасному, что украшает жизнь, двигает человека, делает его более выносливым и сильным как физически, так и душой. Вот в движении основной секрет долголетия...».

Впрочем, среди абхазских долгожителей есть и такие, которые желают себе двойного долголетия, и к ним относится старейший член колхоза им. С. Чанба с. Ата́ра Очамчирского района Хабáху-ипа Куцни́а Куа́т (Квициния Кват Хабахович). Так говорят все, кто его близко знает. И что интересно, — каждый из них скажет, что Куат выглядит сегодня так же, как и в тот день, когда его впервые увидел. Действительно, Куат считает себя счастливым не только потому, что без старости он уже перевалил за сто лет, но и потому, что все без исключения его потомки стали такими, какими он хотел их увидеть. От сына и двух дочерей Куат имеет десять внуков и восемнадцать прав-

нуков. Одни из них заняты общественным полезным трудом, другие еще учатся в высших или среднеобразовательных школах. Есть и совсем маленькие, которые едва начинают ходить.

Родные Куата отличались долголетием. Его отец, Хабáху, прожил более 90, дед — отец Хабáху, Гýд — 100. Глубокими, старцами отправились на тот свет и братья отца — Баджý, Тажьáра и Бабýгу. Долгую жизнь прожила, говорят, также и бабушка — жена Гыда, Вóу-пха Кътáт. Когда Куат родился,

Кущня (Квициния) Куат,
114 л. Атара, август,
1983 г.

все они жили вместе, в одном доме, и вели общее хозяйство. Сегментация этой большой семьи на малые началась еще при жизни дедушки и бабушки. Первым отделился Баджý, через год за ним последовал Хабáху — отец Куата, затем и Таджара и Бабýгу. Невестки по очереди ухаживали за стариками, готовили им еду. «Старики сами предпочли жить отдельно, чтоб не

чувствовать себя обузой для остальных», — так объясняет Куат этот вовсе не характерный для семейных отношений абхазов факт. При сегментации основное хозяйство семьи, представлявшее главным образом большое стадо мелкого рогатого скота, было разделено между братьями почти поровну, с незначительным преимуществом старшему (т. н. — анхаб ихутаа — доля старшего). Однако, во время нахождения в горных пастбищах, братья пасли скот вместе, при необходимости отпуская друг друга для выполнения земледельческих работ на приусадебном участке. При этом Куат отмечает еще, что земля у них была мало пригодна для возделывания зерна. Поэтому им приходилось обменивать скот и шерсть на продукты земледелия у жителей более плодородных равнинных земель.

Куат, как единственный сын у отца, с детства начал заниматься хозяйством. Уже будучи шестнадцатилетним юношей, он стал самостоятельно пасти скот даже в горах. Было и такое время, что количество его скота доходило до 800 голов. В 1920 году, когда в крае правили меньшевики, жилые постройки семьи Куата сгорели до тла. Отец был уже слишком стар. И Куат при помощи односельчан построил амацурту из рододендрона и акуаскья — дощатый дом из каштана на сваях.

Коллективизацию Куат встретил с радостью, хотя он не вполне еще понимал ее значение. И дальнейшая трудовая биография его неразрывно связана с колхозной фермой, где он работал до глубокой старости. «Еще, когда я учился в седьмом классе, — говорит Куцния Отар, внук Куата — учитель по образованию, — я с дедушкой ходил в горы и все лето находился вместе с ним на стоянке, помогал ему в пастушеских делах. В свободное время он учил меня стрелять из охотничьего ружья. Дедушка и сам очень любил ружье и часто ходил на охоту». Куата и сейчас влечет охотничье дело. Если бы не ноги, которые у него постоянно болят, он мог бы и до сих пор ходить на охоту: отлично видит и стреляет метко. Болезнь ног у Куата началась еще в молодые годы. Он находился в горах, когда неожиданно испортилась погода — выпал снег. Как нарочно, в негодность пришла и его обувь из сыромятной кожи, а чинить ее не было времени — нужно было перегнать скот. В результате, больше, чем половину дороги прошел босиком. Теперь, даже в летнее время ноги у него немеют, трудно ходить. Тоскуя по охоте, он начал даже курить. «В молодости не курил, но табак брал с собой, когда отправлялся на охоту, чтобы определять направление ветра».

Таким образом, почти вся сознательная жизнь нашего героя связана с пастушеством, с горами и охотой. Исключение составляют годы Великой Отечественной войны, когда он работал в основном в поле: выращивал всевозможные сельскохозяйственные культуры.

Что бы он не делал, Куат всю свою жизнь отличался спо-

койным нравом, хладнокровным отношением к делу. Ни в какие ссоры он, как правило, не вступал, — спокойно выслушивал собеседника, если даже тот был не прав.

Куат не очень любит, когда за ним кто-то ухаживает, но ему уже приходится мириться с таким положением вещей. Невестки ухаживают за ним как за своим отцом. И этим он гордится.

В заключение я еще раз спрашиваю Куата о его возрасте. «В годы Махаджирства (1877—1878) я был таким, как вот этот ребенок». — показывает он мне своего шестилетнего правнука. Значит, Куату сейчас 112—115. Ошибка может быть, но не больше, чем на два-три года в ту или иную сторону.

Джинджал Тараш, 93 г. с. Кутол, 1983 г.

Четвертым информатором, о котором следует рассказать, был житель с. Кутол этого же района Пёра-ипа Джинджал Тараш. Это — старик среднего роста и крепкого телосложения со светлым лицом, большими остроконечными седыми усами и на чисто выбритой головой.

Как всякий абхаз Тараш принял нас весьма радушно. Поскольку мы пришли к нему в полдень, когда летняя жара заставляет все живое искать тень, мы с ним расположились во дворе, под лавровишней. Судя по его одежде, Тараш только что

вернулся с работы. Еще в сельсовете нам сказали, что он выращивает столько табака, что ему позавидует любой молодой член колхоза. Ежегодно он сдает государству сотни килограммов качественного самсуна, идущего на ароматизацию других сортов табака.

Когда мы представились и сообщили с какой целью пришли, Тараш ответил нам, ссылаясь на свою старость, что он не блещет как сказитель. Все это было сказано им, конечно, от присущей абхазским старикам скромности. На вопрос, сколько ему лет, Тараш ответил: «Девяносто три» и, не ожидая от меня верификационного приема уточнения, он добавил: В 1893 году некий священник по фамилии Векуа подверг меня и моего старшего брата, Тархуна, крещению. Тогда мне было три года. Поэтому по метрическим данным мне как будто девяносто, а на самом деле — девяносто три года».

Отец Тараша, Джинджал Пётра, являлся одним из крепких и уважаемых крестьян в селе. Несколько десятин земли, более двух десятков голов крупного рогатого скота, пять-шесть лошадей входили в его хозяйство. Из жилых построек у Петра были амацурта и акуаскья.

«Зимой, когда земля покрывалась снегом, — говорит Тараш о формах ведения хозяйства его семьи, — скот держали в помещении, а как только пастбища освобождались — скот выгоняли на побережье, где его поили также и морской водой, поскольку нам всегда не хватало соли. С наступлением весны, мы начинали постепенно двигаться в предгорье, а летом поднимались в высокогорные луга. Таким образом, за исключением нескольких зимних дней, скот держали круглый год на подножном корму. В нашем хозяйстве имелось также много свиней, но мы им никогда не давали ни одного качана кукурузы — их кормил лес. А когда подходило время продажи, мы отправлялись в лес и ловили их с помощью собак, настолько они дичали».

Мать Тараша, Блыя-пха Хылкан, родом из с. Пакуашь, родила восемь душ. Тараш был предпоследним. Младший брат умер в детстве. Кроме двух старших братьев, Куалашь и Тархуна, и сестры, Куакуна, умерших сравнительно недавно, до старости никто не дожил — умерли то от малярии, то от тифа. Мать скончалась в год Большого снега, отец — в 1932 году, перевалив за сто лет.

В доме отца жил и живет Тараш. Физический труд он познал рано. В частности, в детские годы, примерно в 7—10 лет, на него лежала обязанность присматривать за телятами. Уже в 12—14 лет он помогал отцу и взрослым братьям в прополке кукурузы, возведении оград, возить на арбе дрова и прочую необходимую в хозяйственном быту кладь, а с 16 лет свободно, без помощи извне, справлялся с пахотным орудием.

Женился Тараш в 23 года, а когда было немногим более 30 лет, он уже стал отцом четырех детей. Но старший сын двад-

цатилетним юношей утонул. В 1931 от болезни печени скончалась и жена. Через пару лет он женился вновь, но жил с женой только восемь месяцев — не сошелся характером и развелся. Интересно, что первая жена была старше Тараша на год, вторая — на два, а третья, с которой он сейчас живет, наоборот, моложе на . . . 35 лет. К тому же, она родила сына, когда ему было 75 лет! Помимо того, Тараш воспитал русского мальчика по имени Жора, которого он нашел беспризорным во время войны, в Сухуми. Тараш долго воздерживался говорить о нем, а когда все-таки заговорил, прослезился: Жора умер два года назад. Но Тараш тешитя тремя его детьми, от которых он имеет еще внуков.

Кроме невзгод, которые Тараш пережил из-за преждевременной смерти матери, трех братьев, сестры и двух сыновей (заметим, что приемного сына он не отделяет от собственных), в личной жизни его были и другие драматические события. В 30-х годах он вместе со своим братом Куалашь некоторое время находился в заключении по обвинению в непреднамеренном убийстве, в начале войны, когда ему было уже за пятьдесят, и он по возрасту не подлежал демобилизации, Тараш по существу случайно попал в армию и т. д. Но все это не подорвало корни его долголетия.

Следует отметить, что возделывание табака представляет для Тараша как бы профессиональное занятие, ибо им он занимается еще с дореволюционных времен. При этом сказать, что Тараш трудолюбив — слишком мало. По его словам, человек вне труда — мертв.

Когда я спросил у Тараша, сколько лет должен жить человек, то он ответил — «сто». Если же проживет больше ста, то он рассматривает это как подарок.

В заключение рассказа о своих встречах с долгожителями, опишу еще одну, — на этот раз — с долгожительницей. — 100-летней Харджеліа-Пха Гуліза (с. Кутол).

Сгорбленная фигура этой старушки, глубокие морщины, покрывающие ее лицо — сразу же говорят о ее долгой и нелегкой жизни. А крайне пессимистический настрой этой старой женщины — неизгладимый след войны, унесший жизнь ее любимого сына, не дает ей возможности подробно говорить о своем прошлом. Только соединение отдельных моментов ее долгой жизни, о которой мы собрали крупницы сведений, позволяют сделать небольшой экскурс в ее биографию.

Отец Гулизы (Гуагуа), Куцниа Мырзакул, славился как зажиточный и на редкость хлебосольный крестьянин, но умер рано, не дожив до 50 лет. Мать, Сангуліа-пха Каимытхан пользовалась также большим авторитетом и прожила семьдесят лет.

Гулиза была третьей по счету ребенком в семье. Всего их было шесть, из которых до глубокой старости дожили только двое — сама Гулиза и ее младшая сестра, Кауида (с. Дранда).

В молодости Гулиза занималась главным образом рукоделием — вязанием и тканьем. В пятнадцать лет она получила в подарок от матери швейную машину, представлявшую в то время чрезвычайную редкость во всем селении Атара. Впоследствии Гулиза стала модисткой, как ее называли односельчане, шила как женскую, так и мужскую одежду. Бывало, что она занималась шитьем целыми днями, особенно во время несчастных

Харджелиа—Пха
Гулизи, 100 л. с. Ку-
тол, 1983 г.

случаев где-нибудь в селе — когда ее приглашали для изготовления траурной одежды. Эту работу она выполняла, конечно, даром, если не считать заказов молодых людей, которые делали ей за это небольшие подарки.

Гулиза умела веселиться, быть в центре внимания окружающих людей: пела и играла на ачигуре, танцевала. Для всего этого у нее были хорошие данные — и голос и музыкальный

слух, и рост и стройная фигура. Часто она ездила в гости к родственникам, проживавшим далеко за пределами своего села, где задерживали ее обычно неделями, иногда и больше. В сопровождении старших членов семьи ходила на праздничные вечера, проведовала больных, если таковые были, скажем, по соседству, с целью отвлечь их от боли и т. д.

Долго выбирала Гулиза среди женихов, и только в 30—32 года вышла замуж за Харджелиа Степана. Родила всего троих детей — двух дочерей и сына. Воспитывая детей и работая по дому и по хозяйству, Гулиза и здесь продолжала заниматься своим любимым делом — кройкой и шитьем. А после вступления в колхоз, к ее занятиям прибавилось также табаководство, ставшее в конечном итоге для нее главным.

Еще до войны, муж Гулизы, Степана, оказался в исправительной колонии за участие в убийстве одного односельчанина. За семь лет отсутствия мужа, Гулиза выполняла все без исключения работы — как женские, так и мужские, вплоть до прополки кукурузы и сбора винограда на высоких деревьях. Ездила на рынок для реализации излишка зерна, вина и других продуктов питания, хотя торговля у абхазов была, как известно, далеко непочетным занятием. Своим трудом она не дала детям почувствовать недостатка как в еде, так и в одежде. Более того, осиротевшие братья Тёма и Лёуа Джалагониа и Цнариа Кыпса, которых в свое время крестил ее муж, переселились к ней. Для этих подростков Гулиза стала второй матерью. Один из них, Леуа, не ушел от нее до совершеннолетия.

Гулиза отличалась редким гостеприимством и сердечностью. Когда в село приезжали из района, руководители колхоза, обычно приглашали их в дом Харджелиа.

В 1970 году муж Гулизы умер. С тех пор она живет в одиночестве (дочери — семейные, живут отдельно). Тем не менее, если не считать утраченных зубов, Гулиза не знает что такое болезнь. До сих пор она справляется с приготовлением пищи, выращиванием овощей и другими более или менее легкими работами. А при необходимости, ей помогают родственники и соседи. Часто Гулизу навещает и Аргун Хазарат — профессор Абхазского госуниверситета, которого она усыновила после возвращения его с фронта. Хазарат был ближайшим другом и однокурсником ее сына. Поэтому он является самым желанным гостем в ее доме.

После непродолжительной беседы, Гулиза поклялась именем своего сына, что пока не угостит, она нас не отпустит. При этом старушка попросила моего проводника, Водика Аджинджал, помочь ей накрыть на стол. — Не стесняйтесь, нан, ешьте и пейте! Представьте себе, что рядом с вами сидит мой сын, Джумка. Он любил посидеть с друзьями. — говорила Гулиза, всячески скрывая свое горе. Просто, она хотела поднять наше настроение.

... Итак, мы познакомились с особенностями трудовой деятельности пяти абхазских долгожителей — четырех мужчин и одной женщины. Много ли из этого можно извлечь? Говоря словами Пьера Лапласа, то, что мы знаем — ограничено, а то, чего мы не знаем — бесконечно. Прежде всего это потому, что в данном случае мы имеем дело с человеком — давним, но всегда актуальным для науки объектом исследования. Задача наша тем более сложна, что она всецело касается такого важного вопроса, как продолжительность жизни человека, полной контрастов и противоречий. Но ясно одно: Во все века выдающиеся мыслители указывали на труд как на источник добрых дел для общества и для самой личности, как на условие счастья. «Счастье дается тому, кто много трудится», — считал Леонардо да Винчи.

Абхазские долгожителы с ранних лет приобщались к физическому труду. Уже с 5 лет ребенок — ачкун-хуч — считался полезным в домашнем быту. Он мог, например, подать напиток воды, подержать полотенце во время омовения рук взрослыми, позвать кого-нибудь из членов семьи, находящихся во дворе, выгнать домашних птиц из дома. Семи-восьмилетний мальчик пас козлят недалеко от дома, подавал хворост тому, кто занимался плетением забора, носил еду работающим в поле старшим членам семьи, садился на арбу и погонял запряженных в нее животных, когда впереди шел кто-нибудь из взрослых, и конечно же, самостоятельно держался верхом на лошади. Девочка же такого возраста могла подавать тарелки и другую необходимую посуду матери, сервирующей стол, сыпала муку в котел, в которой та варила абысту, ходила с кувшинчиком до родника, училась кроить и шить, помогала матери или бабушке в огороде и пр. В десять лет и мальчики и девочки четко знали, что они — уже в старшем детском возрасте и назывались, соответственно, ачкун-ката и адзгаб-ката. Ачкун-ката доверялось управлять волами, когда взрослые пахали поле, ездить верхом на мельницу, пасти скот в окрестностях селения. В таком возрасте он начинал работать с матыгой и плугом, причем специально для него приобретались орудия несколько меньшего размера, учился стрелять из ружья, помогал пастухам на высокогорных лугах. Другими словами, ачкун-ката становился помощником отца во всех хозяйственных делах. С такими же успехами помогала матери и адзгаб-ката. Вместе с матерью, чаще и самостоятельно, она наводила порядок в доме, подметала двор, при необходимости же использовалась в приготовлении пищи и других более трудных работах, считавшихся чисто женскими. Конечно же, первостепенной обязанностью девочки-подростка являлось обслуживание взрослых членов семьи — подавать ту или иную вещь, поливать им воду на руки перед едой и после и пр.

Собственно детство у абхазов заканчивалось в шестнадцать лет. Наступала пора самостоятельности. Прежде всего, юноша,

называвшийся уже а́чкун-купш, получал право на именную лошадь, ношение оружия. С этого времени он становился ценным членом не только семьи, но и общества. В отсутствии отца, свободно без стеснения являлся на сход или собрание общины как представитель семьи или даже рода. В хозяйственном же быту а́чкун-купш полностью заменял отца, если в этом возникала необходимость. На свадьбах, игравших по соседству, иногда и в окрестностях села, он обслуживал гостей в ашапе (свадебный навес), в частности, подавал им вино, причем, не отходя ни шагу от них и четко соблюдая, кто как и сколько выпил. На похоронах же его определяли в качестве а́бгакю — сопровождающего оплакивающих мужчин. Но если ачкун-купш участвовал на подобных предприятиях в другой общине, то его место было среди гостей.

С шестнадцати лет девушку называли а ты п х а́; она умела уже выполнять все женские работы по дому. Кроме того, она должна была приготовить себе основной набор приданого и подарки, которые раздает невеста в день ее свадьбы родственникам жениха. Много трудилась атыпха во время приема гостей: за столом она наливала в бокалы вино. При этом, ни в коей мере ей не полагалось не только садиться, но и хоть на миг поставить графин на стол. Между тем, угощение длилось часами, нередко — целые сутки. Перед сном она помогала гостям помыть ноги и раздеться, после чего чистила им обувь и гладила одежду так, чтобы утром они выглядели опрятными. С такого возраста девушку выводили и в общество. И молодые люди начинали присматриваться к ней. Она должна была знать уже как держать себя — скромной в поведении, вежливой и услужливой по отношению к старшим.

В двадцать лет молодые люди считались уже физически совершенными, а в социальном отношении — вступившими в период зрелости. Молодой мужчина, называвшийся уже а́чкун, в случае необходимости, становился воином, поэтому о нем говорили «а́рпыс» (букв. предводитель войска), подчеркивая тем самым практические возможности его возраста. С двадцати лет девушку называли а п х у́зба или а́дзгаб. Ачкун и апхузба использовались некоторыми льготами в домашнем быту. Они привлекались к хозяйству меньше, чем семейные мужчины и женщины. Апхузба, как правило, не допускалась к тяжелым физическим работам, тем более в полевых условиях. В этом следует видеть, видимо, боязнь родителей повредить здоровью детей — продолжателей рода. С вступлением же в брак, мужчина, именующийся теперь «а х а́ца», считался привязанным к своему дому и выполнял все хозяйственные работы. Такой порядок устанавливался и для замужней женщины — а п х у́с. Более того, апхус как а т а́ца (невестка), должна была соблюдать обычай избегания по отношению к старшим родственникам мужа —

не разговаривать в их присутствии вслух, не садиться оказывать им всевозможные услуги и т. д.

Таким образом, активное участие в трудовой деятельности у абхазов в прошлом начиналось с момента вступления ими в брак, а в еще большей степени — с образованием нуклеарной семьи. В дальнейшем все шло своим чередом в трудовой жизни исследуемых людей: в ней не бывало особых неожиданностей. Каждый из них придерживался ритмичности выполнения ими работы — до малейших тонкостей знакомой и привычной работы. Только с возрастом все больше и больше повышался их социальный статус. Мужчина 30—35 лет, так называемый а́чкунна́дза, мог быть, например, тамадой на свадьбе, руководителем свадебного поезда, старшим дружкой невесты и др. В свою очередь, и женщина в таком возрасте — а́пху́с-ча — занималась почетными занятиями в общественных предприятиях. В зрелости же, средний возрастной ступенью которой считалось 50 лет, и мужчина и женщина пользовались уже решающим голосом в важных общественных вопросах. В биологическом смысле о пятидесятилетнем мужчине, например, говорили «и́гугуа́мта дтагы́лоуп» (в расцвете сил), а в социальном — «ниуаю́бжара дтагы́лоуп» (в периоде полного созревания). Уже в 60 лет мужчина, называвшийся «зы́уаю́ра итагы́лоу» (зрелый), мог быть полномочным представителем рода, а в ряде случаев — и общины⁴. И женщины как а́пху́с-бы́рг пользовались непререкаемым авторитетом не только в семейном, но и более широком социальном кругу; все, кто моложе ее, не осмеливались пройти перед ней без извинения. С наступлением же пожилого возраста, примерно после 70 лет, они становились руководителями семьи в идеологическом плане, в общественной жизни — членами старейшин, постепенно уступая свои исполнительские позиции следующему поколению.

Почти все долгожители, с которыми мне приходилось беседовать, сообщают, что в юности труд был для них нормой жизни, но он носил непринужденный, вольготный характер. Каждый занимался в основном той работой, которая более или менее была по душе, и делал столько, сколько мог в спокойной обстановке. Как удачно подметила Сула Бенет, абхазы не устанавливали для себя предельных сроков выполнения того или иного дела; срочность и безотлагательность проявлялись только в критических ситуациях⁵. В зрелые годы трудились больше и дольше. Утром вставали перед рассветом и работали «пока глаза видели». Уже в пожилом возрасте они работали не столько по необходимости, сколько в силу привычки — труд превращался для них как бы в физическую потребность, которую необходимо удовлетворить.

Долгожители всю жизнь работали, как правило, на свежем воздухе с кратковременными перерывами, как они сами говорят, в соответствии с требованиями организма. Обеденный отдых

длился обычно не менее двух-трех часов, в зависимости от времени года. Летом он занимал несколько больше, чем зимой. Давящее большинство абхазских долгожителей предпочитало поспать на часок после обеда, считая дневной сон необходимым условием для восстановления силы и бодрости.

Как правило, основную работу они выполняли в первой половине дня. Несмотря на физические нагрузки, нередко сопровождавшиеся большой интенсивностью, особенно в зрелом возрасте, работа не вызывала у них особых отрицательных эмоций. В течение года наибольший труд приходился на осень, поэтому полшуртя ее называют «м к а к а ч а н» — дословно: «время, когда неразжевывая, вспешку едят пищу».

За редким исключением, долгожители вели весьма подвижный образ жизни, особенно скотоводы. Находясь большую часть жизни в горах, они ходили очень много. К тому же, пастухи были одновременно и охотниками. В условиях же гор охотничье дело требует не только опыта, но также физической силы, чрезвычайной ловкости.

Абхазские долгожители удовлетворены своей трудовой деятельностью. Отсюда вытекает и общая оценка своей жизни в целом, хотя она зависела еще от многих семейно-бытовых факторов. Так или иначе, на данный вопрос большинство из них отвечало: «доволен».

Следует отметить, что за редким исключением, абхазские долгожители родились и выросли в больших семьях, в которых благоприятствовала традиционная монолитность — ахвATENКУШВАРА. С самого раннего возраста они учились здесь добрым чувствам, заботе о близких, умению преодолевать трудности. Именно в семейном кругу начиналось формирование в каждом из них абхазского понятия основы нравственной культуры, именуемой «а п с у а р а». По мнению народа, в этом понятии переплетаются все внутренние законы человека, среди которых он выделяет честь, благородство и моральный долг. Последний является исходным условием для превращения труда в жизненную потребность. В привитии же любви к труду значительна роль и личного примера старших. Благотворное влияние на данный процесс оказывает, как известно, и похвала за добрые дела. Педагогикой доказано, что если у человека и нет особых достоинств, то полезно бывает заметить в нем хорошие ростки лучшего⁶. В абхазской семье, да и в общественном быту, умели пользоваться методом поощрения сверх заслуг, как бы с авансом на будущее. Такое воспитание оправдывало себя: абхазские долгожители отличаются большим трудолюбием.

Учеными отмечено, что труд становится благоприятным для здоровья и служит условием долголетия, если человек любит его⁷. Абхазские долгожители занимались преимущественно тем, что их больше привлекало. В таком занятии они обретали трудовое счастье.

Существенной чертой, характерной для повседневной деятельности абхазских долгожителей, следует считать при активном использовании свободного времени, под которым они понимают прежде всего общение с людьми и участие во всех сферах общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полевой материал автора 1982—1983 гг. Архив Абхазского института АН ГССР, ф. 1, оп. 2, д. 35.
2. Плетеные жилища строились у абхазов, обычно, из рододендрона, но в с. Хуап его нет.
3. Об этом см. С. В. Вахания. Абхазские народные игры. Абгосиздат, Сухуми, 1959.
4. См. А. П. Павленко. Возрастные категории в абхазском обществе. — Феномен долгожительства. М., 1982.
5. Сула Бенет. Предпосылки долгожительства. — Феномен долгожительства...
6. Д. А. Кикнадзе. Система факторов действия и развития личности. Тбилиси, 1982.
7. Г. З. Пицхеллаури. Долгожители Грузии. Тбилиси, 1976.

Г. Г. КОПЕШАВИДЗЕ:

РАСТИТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ПИТАНИИ АБХАЗОВ

Изучение феномена абхазского долгожительства является не только медико-биологической, но и социально-этнографической проблемой.

Среди многообразия разрабатываемых проблем долгожительства одной из наиболее важных является питание — один из основных постоянно действующих факторов внешней среды, оказывающий весьма существенное влияние на здоровье. Для обеспечения долголетия человека большое значение имеет не только его образ жизни и труд, но и правильное питание, его рацион и режим приема пищи.

Советские ученые — биологи, геронтологи, медики-гигиенисты и др. внесли большой вклад в развитие современной геродиететики. Они в широком плане разрабатывают основы рационального питания пожилых и старых людей, уделяя при этом особое внимание особенностям их пищи, полезным и вредным свойствам ее отдельных компонентов, полноценности потребляемых пищевых ресурсов, правильности их подбора и пр.

В современной геродиететике нет правил, запрещающих людям старших возрастных групп употребление тех или иных продуктов, которыми они питались раньше. Собственно, питание пожилых людей не должно кардинально отличаться от питания других групп населения, однако рацион их должен быть сбалансирован с учетом возрастных особенностей. Для пожилых людей существует определенный ассортимент потребляемых пищевых продуктов, которым следует отдавать предпочтение. Это касается прежде всего введения в их рацион более разнообразных молочных и растительных (свежие овощи, фрукты, ягоды и пр.) продуктов, активные вещества которых повышают резервы функционирования органов и систем, а также регулируют многие процессы в организме.

Чтобы яснее представить основу питания абхазских долгожителей, необходимо знать какую роль сыграла географическая среда в формировании состава пищи, специфику местного хозяйства, характер пищи, ассортимент потребляемых продуктов,

способы приготовления тех или иных блюд, пищевые привычки и т. д.*

Как известно, пища с давних времен определялась направлением хозяйства и всегда находилась в тесной связи с природными и социально-экономическими условиями жизни людей. Кроме того, пища принадлежит к той внутренней стороне быта, которая устойчиво связана с многовековыми привычками, традиционными вкусами и издавна установившимися порядками ее употребления.

Распределение суточного рациона, регулярность приема пищи и другие правила, которых придерживаются сегодня абхазские долгожители, безусловно, сложились в течение длительного исторического времени в результате приспособления людей к местным природно-климатическим условиям, а также к характеру трудовой деятельности человека. Так, в далеком прошлом, климатические условия Абхазии, в особенности высокая температура, которая здесь держится почти 6—7 месяцев в году, несомненно, вызвала естественное тяготение не к горячим, а к умеренно теплым кушаньям и прохладным напиткам, не к тяжелым жирным мясным блюдам, а к легкой растительной и молочной пище. Кроме того, жаркий климат выработал у абхазов вкус не к приторно сладким или жирным блюдам, а к острым и пряным, в результате чего в пище стали преобладать острые овощные блюда, приправы, соусы, пряные травы и пр., которые улучшают вкусовые качества пищи и придают абхазской кухне национальное своеобразие.

Эти традиционные пищевые привычки, сложившиеся в далеком прошлом, оказались настолько стойкими, что дошли и до наших дней почти неизменными.

В предлагаемой статье речь пойдет об использовании растительных продуктов в системе традиционного питания абхазов (в том числе и абхазских долгожителей).

Следует отметить, что в абхазской кухне не практиковалась традиция приготовления специальных блюд для людей старческого возраста. Старики ели или едят ту же пищу, что и другие члены семьи.

При этом питание абхазов так же, как и долгожителей, по ассортиментной структуре хотя и ограничено, однако оно разнообразно и включает в свой состав продукты, богатые биологически активными веществами (мясо, молочные продукты, растительные продукты, яйца, жиры и пр.).

В процентном отношении, как отмечает Г. Н. Сичинава, абхазские долгожители в среднем в сутки потребляют 381 г. угле-

* Работа написана на основании полевых этнографических материалов, собранных в 1979—1983 гг. в разных селах Абхазии, а также литературных источников.

водов или 68%, белков — 73 г. или 13%, жиров — 47 г. или 19%¹.

Необходимо отметить и тот фактор, что долголетние люди в суточном рационе получают белки не за счет мясных, а в основном за счет растительных и молочных продуктов, причем потребность в углеводах они обычно покрывают за счет блюд, приготовленных из кукурузы (главным образом, мамалыги, — абыста, в виде густой каши), фасоли, грецкого ореха и пр.

Что касается жиров животного происхождения, то долгожители их почти не употребляют, а зачастую ограничиваются тем, что получают из самих мясных и молочных продуктов, а из растительных жиров они употребляют в основном ореховое масло, реже — подсолнечное.

Следует упомянуть еще, что сахар старики употребляют в небольшом количестве, зато натуральный мед, а также различные фрукты и виноград являются основными поставщиками не только глюкозы и сахара, но и витаминов.

Важно также отметить высокую биологическую активность питания абхазских долгожителей. Это объясняется прежде всего употреблением натуральной и свежей пищи сразу же после приготовления (без оставления на завтра), а также потреблением растительных продуктов. При этом свежие овощи и фрукты, сорванные с грядки или дерева, употребляются в пищу в основном в сыром или слегка переработанном виде, что, несомненно, сохраняет полезные и питательные вещества продуктов.

В рационе питания долголетних людей одно из важных мест принадлежит растительным блюдам. При этом формирование растительного (постного) стола пошло по линии разработки в основном таких растительных продуктов, как овощи, фрукты, дикорастущие травы, павой, каштан, грецкий орех, виноград, мед и пр. На это наталкивала сама природная среда.

Природа Абхазии благоприятствовала в выработке лишь определенных привычек, в частности издавна способствовала созданию разнообразной растительной кухни. В результате растительные блюда, наряду с молочными, стали занимать в абхазской кухне чуть ли не доминирующее место.

На эту характерную особенность абхазской кухни обратил внимание известный кавказовед Е. М. Шиллинг. Он указывал, что «пища абхазов, сравнительно с пищей северокавказских народов, носит несколько иной характер. Там больше мяса, а также изобилует масло и другие продукты, здесь (у абхазов — Г. К.) преобладают фрукты, ягоды, орехи, вино и молочные продукты, а кушанья, обильно уснащенные перцем, отличаются необыкновенной остротой»².

Основу традиционного питания абхазов как в прошлом, так и в настоящем составляют продукты земледелия и скотоводства. Что касается продуктов собирательского промысла и охоты, в прошлом они имели сугубо вспомогательное значение.

При этом такие продукты сельского хозяйства, как кукуруза и просо (в прошлом), а также молочные продукты, занимают одно из наиболее важных мест в питании абхазов. Кроме того, абхазы издавна занимались также огородничеством, садоводством; виноделием и виноградарством, а также пчеловодством. Такие продукты культурных растений, как овощи, фасоль, пряные травы, грецкий орех, виноград, бахчевые, тыква, мед и пр. всегда имели большой удельный вес в пищевом рационе абхазов (в том числе и долгожителей). Причем большинство из этих продуктов, как известно, содержат много необходимых человеку (в особенности в пожилом возрасте) элементов: белки, углеводы, витамины, минеральные вещества, эфирные масла и пр.

При этом особо следует обратить внимание и на фенологию питания абхазских долгожителей, обусловленную сменой времен года. Весной и летом пища состоит преимущественно из острых растительных блюд, свежих овощей, фруктов, молочных продуктов, мучных блюд, яиц и пр. Изредка употребляют мясо домашней птицы (главным образом кур и цыплят). Осенью и в особенности зимой в пищевой рацион кроме растительных и молочных входят также и мясные продукты. Из мяса употребляют в основном говядину, козлятину, реже — баранину. Однако долгожители (исповедывавшие и не исповедывавшие ислам), свинину не ели и не едят. Мясо предпочитают вареное, притом — парное, не подвергшееся хранению. Навары (в виде супов или бульонов) почти не употребляют. Из молочных продуктов в зимний период употребляют сыр—сулгуни (в основном копченый) и кислое молоко, а из растительных — фасоль в различных видах, различные консервированные овощи, яблоки, сухофрукты, грецкий орех, тыкву, каштан, аджанджухв (традиционная сладость из грецкого ореха, виноградного сусла и кукурузной муки).

По составу потребляемые растительные продукты подразделяются на: злаковые (просо, кукуруза, пшеница и пр.); огородные культуры (фасоль, лук, чеснок, огурцы, кольраби (вид местной капусты), топинамбур, редька, красный перец, пряные травы, тыква и пр.); дикорастущие травы (черемша, полевой осот, павой, крапива, щирца, дикая петрушка, дикая горчица и пр.); фрукты (яблоки, сливы, груши, виноград, инжир, гранат, айва, кизил, персики, черешня и пр.); орехоплодные (грецкий орех, фундук, лещина, каштаны и пр.). Это так называемые основные растительные продукты. К ним следует причислить также мед и рыбные продукты.

Поскольку основу повседневного питания абхазов (в том числе и долгожителей) составляют злаковые культуры, то характеристику пищи следует начать с мучных блюд.

Главным повседневным мучным блюдом является густая каша—мамалыга (абыста), приготавливаемая в настоящее время

из кукурузной муки. В прошлом ее готовили из проса и называ-
лась она «ахудз бьста».

Просо — одно из древних культур Абхазии. Так, например, обугленные зерна проса, найденные в гроте Хупьнипшахуа (близ Сухуми) свидетельствует о давних земледельческих традициях абхазов³.

Кроме мамалыги из проса абхазы готовили также ряд мучных блюд. В XVIII в. в Абхазии широкое распространение получает кукуруза. Еще в конце XIX в. эти две культуры сосуществовали в питании абхазов. Однако в начале XX в., с расширением посевов кукурузы, просо было почти вытеснено из повседневного быта; его высевают теперь лишь для приготовления ритуальных блюд.

В настоящее время для приготовления мучных блюд в основном используют кукурузную и пшеничную муку.

При этом кукурузная мука отличается высоким содержанием сахара, крахмала и витамина В₁. Мамалыга, приготовленная из нее, является питательным блюдом и, кроме того, оказывает положительное действие на перистальтику кишечника.

Наряду с обычной мамалыгой, игравшей в питании абхазских долгожителей роль хлеба, из кукурузной муки готовят и другие блюда: **ашларкунта** — негустая мамалыга, приправленная ореховым маслом; **айладж** — мамалыга, заправленная кисломолочным сыром и солью; **ачамыква** — мамалыга, приготовленная на молоке с сыром. Кроме того, из кукурузной муки готовят пресные лепешки или чурек (амгял), заменявшие хлеб абхазам. Особенно сытным и питательным является чурек, подслащенный медом или начиненный кисломолочным сыром или грецким орехом. Из кукурузной муки готовят также вареные хлебцы в виде галушков (ахампал), а также своеобразное мучное блюдо (ацхаршвы), напоминавшее восточную халву.

Следует отметить, что в питании долгожителей широко используется кукуруза молочно-восковой спелости. Початки кукурузы в вареном или жареном виде служили своеобразным лакомством как для детей, так и для стариков.

Важно отметить и тот фактор, что пшеничная мука, в сравнении с просяной и кукурузной мукой, абхазами употребляется в незначительном количестве. Из нее пекут главным образом традиционный пирог с сыром (ачашв), различные пирожки, вареники, а также традиционные и некоторые заимствованные от ту-рок восточные сладости (халва, баклава и пр.).

В системе традиционного питания одно из важных мест занимают острые растительные блюда.

Большинство из растительных блюд готовят из фасоли (зерна или зеленые стручки которой содержат около 30% белков, 50—60% углеводов и 3,6% жира, а также витамины групп В и С и каротин)⁴.

Богатство химического состава фасоли, как отмечает М. А.

Самсонов, позволяет широкое включение ее в рацион пожилых людей⁵.

Фасоль в различных видах (с орехом или без него) так же, как мамалыга, составляет основу суточного рациона абхазских долгожителей. Обычно из вареной фасоли (в зернах или стручках, тертого ореха, аджики, лука, зелени и пр.), готовят различные острые кушанья. Эти блюда могут быть как холодного, так и горячего приготовления.

В пищевом рационе долголетних людей важное место занимали острые растительные блюда из дикорастущих трав, павоя, каштана и пр.

Из диких трав в пищу употребляли крапиву, щирлицу, полевой осот, портулак, черемшу и пр.

Способы употребления этих трав были различны. Так, например, черемшу ели в сыром виде, а портулак — в квашеном, тогда как многие другие травы употребляли в сильно переработанном виде.

Ранней весной из молодых листьев вареной крапивы или щирлицы, осота или дикой петрушки, а также тертого грецкого ореха, аджики и зелени готовили своеобразную икру (ачапа), представлявшую собой самостоятельное блюдо. Теперь эту икру готовят в основном из отварных листьев свекольной ботвы, капусты, баклажан и пр., также приправленных тертым орехом, аджикой, луком и зеленью.

Из диких растений по-прежнему употребляют молодые побеги вареного павоя с тертым орехом, аджикой и ореховым маслом. К столу подают с острым соусом из алычи.

Следует отметить, что с появлением новых огородных культур (капусты, столовой свеклы и пр.) абхазы почти перестали употреблять в пищу дикорастущие травы.

В зимний период абхазы свой рацион пополняют каштанами, в плодах которых содержится 6% белков, 16,7% сахара, 2,3% жира и 62% крахмала⁶. Из вареных плодов каштана, из тертого ореха и аджики обычно готовят острое кушанье под названием ахья-чапа, а вареные или жареные каштаны являются излюбленным кушаньем детей и взрослых.

Среди разнообразия растительных компонентов особо следует выделить грецкий орех — весьма питательный и ценный продукт.

Культура грецкого ореха абхазам была известна еще с глубокой древности. Так, например, кувшин с плодами грецкого ореха, обнаруженный в Цебельдинском погребении № 26⁷, а также плоды местного фундука, найденные в Апуштинском погребении № 3⁸, свидетельствуют о давних традициях абхазов в возделывании орехоплодных культур.

Причина, побудившая к разведению ореховых деревьев, видимо, заключалась не только в ценности их древесины, но и в питательности их плодов. Как известно, грецкий орех по кало-

рийности в 3 раза превосходит хлеб, в 7 раз картофель, в 4 раза за мясо, в 15 раз молоко, а ядра 20 орехов могут удовлетворить дневную потребность человека в жире и 1/6 потребности в белках⁹.

Кроме того, в плодах грецкого ореха содержатся много полезных веществ. Так, например, в состав семян орехи входят в среднем 65% жирного масла, 17% белка и 16% углеводов. В них содержатся также витамины группы В₁, В₂, А, Е и С¹⁰. Кроме этих качеств грецкий орех обладает еще и целебными свойствами. Сок грецкого ореха в народной медицине используется для лечения легочнобольных, а ореховое масло применяется от ожогов.

В современной медицине ореховое масло широко используется в профилактике атеросклероза¹¹.

Характерной особенностью абхазской кухни является использование специфических приправ, которые не только улучшают качество пищи, но и обогащают национальную кухню. При этом важным компонентом многих острых растительных, мясных, мучных, и даже молочных продуктов также является грецкий орех, тертый на специальном камне (ахаква). После извлечения масла тертая пастообразная смесь—акуца или акачбей (далее — тертый орех) используется в качестве приправы к растительным, мясным и некоторым молочным блюдам.

Весной одним из любимых кушаний абхазских долгожителей являются вареные яйца (в основном желтки), приправленные тертым орехом, аджикой и ореховым маслом.

Другим распространенным блюдом является ашвхы — молочный продукт, в состав которого кроме кисломолочного сыра входят также тертый орех, аджика и мята.

Грецкий орех особую специфичность придает и мясным блюдам. Из тушеного мяса (главным образом курятины) готовят горячее блюдо (акутыейчачапа), приправленное острым соусом из тертого ореха. Перед подачей к столу сдабривают также ореховым маслом, уксусом или соком из граната.

Кроме того, из тертого грецкого ореха и аджики готовят острый соус (араших сазбал), который подается к вареной курятине.

Другим неизменным компонентом многих острых растительных, мясных и молочных блюд является острая и ароматная пастообразная тертая приправа — апарпыл джика или аджика (дословно апарпыл—перец, аджика—соль), в состав которой входит красный перец (четвертая часть всей массы), чеснок, пряные травы (зеленые и сушеные) и незначительная доля поваренной соли.

Аджикой обычно приправляют любые растительные, мясные и молочные блюда, а также соусы из различных плодов. Кроме того, аджику едят с вареным мясом, сыром, овощами и даже с дыней.

Любое кушанье из овощей, мяса или молочных продуктов, абхазы сдабривают пряными травами. Набор пряностей (зеленых и сушеных) — кориандр, чабер, базилик, мята, петрушка, голубой пажитник и пр., — придает абхазским блюдам специфический аромат и пищу делает вкуснее. Кроме того, пряные травы содержат также вкусовые вещества, способствующие лучшему перевариванию и усвоению пищи.

В качестве приправы к различным кушаньям абхазы используют в большом количестве чеснок и лук, а также уксус или сок из граната.

Абхазская кухня немыслима без острых соусов (асазбал). Существует множество кислых соусов из алычи, барбариса, ежевики, зеленого винограда, граната, томатов и пр. Из специфических — соус из тертого ореха и кислого молока. Причем кислые соусы и соус из грецких орехов обычно подают только к мясу, а соус из кислого молока едят с мамалыгой и молочными продуктами.

К растительным и мясным блюдам обычно подают овощи, как в свежем, так и в соленом виде. Их состав и пропорция в суточном рационе изменяется в зависимости от времен года.

Непременной добавкой к острым и мясным блюдам является салат из свежих овощей (огурцов, помидор, лука, чеснока и зелени), приправленный перцем и солью.

В качестве приправы к мясным и овощным блюдам подают также традиционные соленья из огурцов, кольраби, топинамбура, капусты и пр.

Летом и осенью старики употребляют свежие фрукты (яблоки, хурму, персики, груши, сливы, инжир, виноград и пр.), бахчевые и ягоды. Зимой в их рационе преобладают сухофрукты, сушеный инжир (пастила в виде лаваша), тыква, аджанджухв (традиционная сладость), фундук и пр.

Кроме того, из плодов винограда, лавровишни, меда и кислого молока готовят прохладительные напитки, а из спиртных по-прежнему традиционным остается натуральное вино из черного винограда. Новым элементом абхазской кухни является консервированные плоды и соки (в основном из винограда), а также варенья.

При этом долгожители употребляют свежие фрукты так же, как и прохладительные напитки довольно умеренно. Они едят или пьют столько, сколько хотят, однако никогда не перегружают свой организм излишней едой или питьем.

В заключение хочется еще раз отметить, что основным принципом рационального питания абхазских долгожителей является потребление натуральных и доброкачественных растительных продуктов, как овощи, фрукты, виноград, грецкий орех, мед, дикорастущие травы и каштан (в прошлом) с высоким содержанием биологически активных веществ.

Кроме того, для рационального питания важен не только

правильный подбор пищевых продуктов, но и кулинарная обработка в свежем виде, что позволяет сохранить вкусовые и питательные качества пищи, а также одноразовое употребление пищи сразу же после ее приготовления.

И, наконец, характерной особенностью традиционного питания абхазов (в том числе и долгожителей) является то, что в их пищевом рационе больше преобладают растительные и молочные продукты, что, несомненно, оказывает благоприятное влияние на здоровье человека. При этом этот фактор является весьма важным для долголетия и он должен рассматриваться в совокупности с другими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сичинава Г. Н. К характеристике питания долголетних людей Абхазии, Сухуми, 1965, с. 142.
2. Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Ж. «Этнография», № 1—2, с. 75.
3. Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахуа в 1960 г. — Труды АИЯЛИ, XXII, 1961, с. 194.
4. Шуин К. А. 70 видов овощей на огороде, Минск, 1978, с. 88.
5. Самсонов М. А. и Мещерякова В. А. Питание людей пожилого возраста, М., 1979, с. 48.
6. Щепотьев Ф. Л., Рихтер А. А. и др. Орехоплодные лесные культуры, М., 1978, с. 166.
7. Гунба М. М. Данные археологических раскопок Цебельдинского могильника, Сухуми, 1978, с. 16.
8. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. и др. Алуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии. — Ж. «Советская археология», № 1, 1970, с. 186.
9. Канчавели Г. И. Грецкий орех в Грузии, М., 1968, с. 4.
10. Щепотьев Ф. Л. Указ. раб., с. 17.
11. Гранчаров В. И. Пища и лекарство. — Ж. «Химия и жизнь», № 11, 1971, с. 94.

Ю. Г. АРГУН, А. П. ПАВЛЕНКО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БРАЧНЫХ НОРМ У АБХАЗОВ

В абхазоведческой литературе имеются работы, так или иначе затрагивающие вопросы брачно-семейных отношений у абхазов. К ним относятся и сведения в работах некоторых дореволюционных авторов, например, Ф. Ф. Торнау, Н. С. Державина, К. Д. Мачавариани, Н. С. Джанашия и других.

Более полное описание брака и семьи у абхазов дано в работах советских этнографов — Г. Ф. Чурсина¹, Ш. Д. Инал-ипа², Я. С. Смирновой³, Л. Е. Кучберия⁴. Кроме того, в ряде работ, например, Л. Х. Акаба⁵, Ю. Г. Аргун⁶, В. Л. Бигвава⁷ и других также содержатся сведения об обычаях, обрядах, связанных со свадьбой и семейным бытом. Здесь же можно найти материалы о брачном возрасте, о структуре и внутренней организации семьи и т. д.

Из всех перечисленных работ лишь книга Ш. Д. Инал-ипа специально посвящена истории брака и семьи у абхазов. Ее первая глава раскрывает традиционные брачные нормы и ограничения. Автор останавливается на вопросах экзогамии, искусственного родства или аталычества, сословных ограничений браков и др.

Вместе с тем, следует отметить, что система брака у абхазов до сих пор не подвергалась статистическому изучению. А такой анализ необходим в связи с комплексным изучением феномена абхазского долгожительства. Наряду с учетом природных факторов, наследственности, особенностей питания, социально-психологических факторов и других, одна из гипотез возникновения феномена долгожительства, как полагают ученые, связана с семейной организацией, со спецификой брака, исключаящего инбридинг⁸. Поэтому возникает вопрос — в чем выражается механизм брачной системы у абхазов? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо осветить наиболее характерные черты и особенности брачных обычаев у абхазов.

Одной из основных особенностей брачного круга у абхазов до сих пор является строгая экзогамия. Она охватывает в первую очередь весь отцовский род в широком смысле этого слова, то есть всех однофамильцев (еижэлантэу), независимо от степени их родства, а также представителей рода матери, бабушек, как по отцовской, так и по материнской линии.

Хорошо знавший этнографический быт народов Кавказа Г. Ф. Чурсин отмечал во второй половине 20-х годов текущего столетия, что «в области брачных отношений абхазы и до сих пор строго придерживаются правил экзогамии: лица, принадлежавшие к одной фамилии, не могут вступить в брак, хотя бы они происходили из разных районов Абхазии, или один с Северного Кавказа, другой из Турции, и находились в самых отдаленных степенях родства»⁹.

Механизм функционирования этого древнего обычая у абхазов имеет и некоторые специфические черты. Прежде всего, даже редкие случаи нарушения обычая экзогамии воспринимались однофамильцами, родственниками и соседями, как самое страшное преступление и позор. Обвиняемых в тяжелом преступлении кровосмешения называли и называют специальным термином «амахага» (амахагъа) и однофамильцы, прежде всего родители или родные братья, изгоняют их из своей среды, а в прошлом предавали и смерти. Если же члены семьи не решались изгонять амахагъу из рода, то однофамильцы и даже односельчане могли прервать всякие отношения с этой семьей. С этим строгим законом обычного права нельзя было не считаться.

В качестве примера приведем один из трагических случаев из недавнего послевоенного времени в жизни абхазов. В одном из сел Гудаутского района, когда родной брат забеременевшей девушки выяснил, кто именно соблазнил сестру — им оказался однофамилец — он взял ружье, пошел в дом соблазнителя и убил его; вернувшись в свой дом, он застрелил и свою беременную сестру. Как рассказывают очевидцы, когда состоялся суд над убийцей, все однофамильцы выступили в его защиту. Причем, в его оправдание они говорили, что он убил тех, кто опозорил их фамилию. Убийца получил суровое наказание, но не высшую меру — были учтены просьба и ходатайство однофамильцев села. Вернувшись из тюрьмы, он не смог все же жить рядом с однофамильцами и поселился в другом селе района¹⁰.

Остающийся в живых амахага, как правило, лишается всех прав рода и никто из родственников не обращается с ним. Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, «в прошлом физическое существование кровосмесителей в социальном отношении приравнялось к их полной смерти»¹¹.

Лишь после смерти амахаги в изгнании родные братья могли привести его тело и предать земле, но без традиционного обряда оплакивания и других почестей. Некоторые родственники и после смерти отказывались от амахаги, оставляя тело умершего на произвол судьбы, хотя по традиции у абхазов сохраняется почтение и даже культ к телу умершего родственника. Даже в тех случаях, когда перенесение тела требует больших расходов, абхазы идут на это, считая ее за высокую честь. Однако иногда даже возвращение тела умершего амахаги не одобрялось однофамильцами и соседями. Они говорили: «Он уже давно умер для нас, для чего опять возвращать его?» Хоронили амахагъу не на

в общем родовом или семейном кладбище, а на отшибе в отдаленном месте. Кстати, по абхазским обычаям, в прошлом не оплакивали и не хоронили на общественном кладбище также людей, покончивших с собой¹². Необходимо отметить, что амахатхой называли только мужчин, на женщин это позорное обращение не распространялось.

Долгожительница (100 л.)
из села Блабурхва Аина
Барцыц, 1982 г.

Как рассказывал житель села Джгерда Мираб Асабуа, в начале 50-х годов текущего столетия, когда он работал председателем колхоза в одном из соседних сел, при раскорчевке залежной земли тракторист наткнулся на странную могилу, в которой покойник лежал головой в сторону юга. По абхазскому же обычаю, как и у некоторых других народов, покойника хоронят головой в сторону захода солнца, то есть на запад (имея в виду заход, когда долгота дня и ночи равны). Как выяснил

позже наш информатор у старожилов села, здесь, в чаще дико-растущих деревьев, был похоронен амахагьа, соблазненный в свое время двоюродную сестру и изгнанный из-за этого из своего села.

Как правило, однофамильцы, родственники и односельчане старались изгладить из своей памяти все, что связано было с амахагой, в том числе и его могилу. Если же место захоронения нарушивших экзогамию родственников оставалось известно односельчанам, как, например, в с. Абгархук, где когда-то были похоронены убитые брат и сестра, уличенные в сожителстве, то проходя мимо этой могилы, люди бросали туда камни, проклинавшая захороненных словами: «Чтобы подобные вам никогда не рождались». Путники на лошадях, проезжая мимо этой могилы, ломали и бросали ветку дерева. Фамилию похороненных здесь никто не помнит.

Следует сказать, что аналогичные обряды имелись и у других народов, причем кучи камней в древности символически увековечивали мысли и чувства людей. Обычай требовал, чтобы каждый, проходивший мимо такого места, прибавлял «свой камень к камню своих предшественников и тем самым увеличивал свидетельство народа»¹³. Чаще кучи таких камней образовывались на месте обнаруженного нарушения супружеской верности, а также на месте убийства и особенно погребения¹⁴.

По абхазским обычаям, родившихся вне брака детей не ставляли у себя дома, поскольку это считалось большим позором. Как правило, таких людей отвозили далеко, за пределы села или части села — ахаблы и оставляли в семье, где не было детей и которая была состоятельной (дкадыршэуан). Впоследствии такой ребенок мог стать достойным человеком, однако за ним, почти на всю жизнь, сохранялось позорное происхождение — «закашэарах». Если в адрес амахаги говорили — «Уи хагоу иеишэа дыкучаант» («Пусть враги и насытятся за его столом»), то в отношении сына амахаги подчеркивали — «Уи амахагьа ипа иоуп, хагоу иеишэа дыкучаант» («Он сын амахаги, пусть враг и насытятся за его столом»)¹⁵.

На наш вопрос, почему так строго наказывался амахага, что плохого в браках между родственниками, многие информаторы отвечали, что как правило, большей частью в результате таких браков дети рождались неполноценными. В качестве примеров они называли людей с физическими и умственными недостатками — слепых, глухих, кривых, слабоумных и т. д.¹⁶ В селе Джгерда, где мы собирали основные полевые материалы по брачным кругам абхазов, нам неоднократно называли имя человека с умственными недостатками. В свое время он был подброшен и воспитан в семье Цвижба. Когда же у него в шутку спрашивают некоторые односельчане, как его фамилия, он отвечает: «Сангьы, Иьапуа, сабгьы, иьапуа» («И мать Джапуа и отец Джапуа»)¹⁷.

Некоторые информаторы на вопрос «что плохого в браках между родственниками», ссылались просто на старые традиции и обычаи у абхазов, которые, как они считают, нельзя нарушить. Современная медицинская генетика приводит много примеров, когда в результате браков между родственниками учащаются наследственные заболевания. Например, на I Международном медико-генетическом конгрессе сообщалось, что частота умственно отсталых детей в родственных браках составила 16% вместо нормальных 4%¹⁸. Поэтому, надо полагать, что люди эмпирически давно установили вредность родственных браков.

По данным сотрудника Сухумского ИЭПиТ АМН СССР кандидата медицинских наук Д. С. Маркрян, ведущего исследования рождаемости детей в однонациональных семьях г. Сухуми, при родственных браках частота рождаемости детей с явными дефектами значительно выше (до 30%), чем в обычных браках и, как правило, дети от таких браков очень часто страдают наследственными заболеваниями.

Наряду с экзогамией у абхазов в прошлом были и другие формы запретов на брачные отношения, например, запрещался брак на основе искусственного (молочного) родства, о чем красноречиво свидетельствует широко практиковавшийся обычай воспитания ребенка — аталычество (по абх. — аазара), а также и усыновление (пас икацара). Часто этот обычай использовался для примирения кровных врагов.

По рассказам отцов, дедов, прадедов многие старожилы Абхазии до сих пор помнят факты, связанные с использованием обычая искусственного родства для примирения кровников. Вот один из них: на Северном Кавказе, в местности Ашы жили три брата рода Маршьан. По соседству с ними жили крестьяне из рода Джакония. В результате конфликта джакониевцы убили одного из братьев Маршьан и вынуждены были переселиться в Абхазию. На новом месте переселенцы нуждались в защите, поэтому обратились к сильной и популярной в народе личности — Инапха Кягуа. Сам Кягуа отказался принять их, заявив, что он всегда поддерживает сторону потерпевших, но рекомендовал им обратиться к жителю села Лидзаа Зафасу Гочуа. И представители рода Джакония обратились к Зафасу за помощью, рассказав все случившееся. Зафас был умным и сильным человеком, прекрасным знатоком народных обычаев и мастером по примирению кровников. Он согласился на защиту и тайно спрятал убийц. Узнав о решении мужа, жена Зафаса стала упрекать его за то, что он заступился за врагов сильного рода Маршьан, поскольку последние никому не прощают обиды и все равно отомстят. В ответ на это Зафас предложил жене помочь ему в примирении кровников. И жена согласилась на искусственное усыновление убийцы из рода Джакония. Обряд усыновления был проведен тайно, но в присутствии свидетелей.

Между тем, братья Маршьан прибыли в Абхазию в поисках

убийцы и обратились к Инапха Кягуа, который рассказал им то, что ему было известно о Джакония. Гостям Кягуа заявил, что, если джакониевцы остановились в их краях, он поможет им в розыске. Гостей он принял с почестями, а сам поехал к Зафасу Гочуа, чтобы узнать о местонахождении переселенцев. Зафас попросил Кягуа поддержать его в деле примирения кровников и получил согласие. Гостям же он еще раз подтвердил, что всегда

Долгожитель
(90 л.) из села Араса-
дзыхь Пач Дарсалиа,
1980 г.

поддерживал пострадавшую сторону и сейчас готов это сделать. Затем сообщил, что Зафас Гочуа приглашает братьев Маршьан к себе в гости и готов им помочь.

Прибывших гостей Зафас принял почетно. Через несколько дней он заявил, что, если гости хотят отомстить, то он с их согласия предлагает породниться с его семьей, тем более, что ему (Зафасу) нравится их человечность (рыуащышьа). Предста-

вители рода Маршьан согласились на это предложение. Зафас сообщил своим соседям о намерении породниться с Маршьан. Было назначено время и Зафас пригласил самых почетных людей в округе. В присутствии многочисленных односельчан был совершен обряд — тройное прикосновение губами к груди жены хозяина.

После совершения обряда, жена Зафаса во всеуслышание объявила свою просьбу к усыновленному Маршьан. Она попросила его, если он считает ее своей матерью, исполнить ее желание. Усыновленный Маршьан дал слово, что исполнит желание матери. И мать рассказала, что накануне прихода братьев Маршьан она усыновила прикосанием к груди другого человека, их кровного врага по фамилии Джакония в присутствии свидетелей. Теперь вы оба — братья, мои сыновья, если кто из вас помышляет о мести, то пусть это будет сделано в присутствии народа, в противном случае — обнимитесь!» — предложила мать.

Присутствовавшие на этой церемонии односельчане одобрили предложение жены Зафаса Гочуа. Породненные же братья вынуждены были помириться. При этом Маршьан заявил недавнему кровному врагу, что не суждено было отомстить за брата, что нашлись такие люди, как Зафас Гочуа, которые воспрепятствовали этому. Отныне они останутся братьями и между ними нет кровной вражды. Так обычаем прикосания к груди женщины породнились кровные враги — заявил наш информатор¹⁹.

Сильны были в прошлом у абхазов также и сословные ограничения браков, поскольку в Абхазии давно произошла социальная дифференциация общества. На этой основе бывали большие ссоры, столкновения и даже самоубийства²⁰.

По абхазским обычаям не одобрялись браки и внутри ахаблы. Следует отметить, что термин «ахабла» обозначает не только часть села или поселок, в прошлом населенный только родственниками-однофамильцами (т. е. родовое поселение). Самая главная черта ахаблы — существование среди ее жителей (являются ли они, как в прошлом, родственниками, или просто односельчанами, представителями разных фамилий) обычая взаимопомощи (и это тоже входит в понятие этого термина), который очень традиционен и неукоснителен и до сих пор. С середины XIX в. фамильно-родовая организация абхазов в значительной степени уступила свои позиции соседско-общинной организации, для которой, с начала XX в. были характерны соседско-территориальные связи, наиболее ярко проявляющиеся, в частности, среди жителей той или иной ахаблы.

Во всех селах Абхазии основной производственной единицей (для колхоза, совхоза) являются бригады, которые, однако, по составу не совпадают с традиционными соседско-территориальными коллективами, в основе которых лежат поселки-ахаблы и

для жителей которых именно и характерна взаимопомощь на свадьбах, поминках, похоронах и других событиях. Например, в с. Дурипш всего 16 производственных бригад, а соседско-территориальных коллективов только 6²¹. В с. Хуап 5 колхозных бригад, но всего 3 ахаблы — Атвахуы, Куанапа, Егырта.

Иногда подобные соседско-территориальные коллективы охватывают жителей различных, но смежных сельских советов. В уже упоминавшемся с. Дурипш одна из 6 ахабл включает представителей соседних смежных сел Ачандара и Куланыхуа. Аналогичное наблюдается и в других селах, например, в селе Джгерда — на границе со смежным селом Кутол (Касландзиаа рхабла)²², между селами Хуап и Джырхуа, где живут однофамильцы Анкваб. Взаимопомощь в таких ахаблах выражается не только во взаимном обслуживании во время того или иного события, но также экономической и другой помощью. Например, в случае смерти жителя ахаблы, все жители ее делают складчину от 5 до 20 рублей, хотя раньше в таких случаях приносили пищу (ачгахьа) — для членов семьи усопшего и для ближайших родственников, оставшихся здесь до похорон.

Все это и привело к тому, что у абхазов, помимо брачного запрета между однофамильцами и кровными родственниками, не поощрялся также брак между представителями соседско-территориального коллектива, т. е. ахаблы. Более того, для молодого человека не поощряется брать невесту из ахаблы отца и рода матери, поскольку он считается «племянником всех жителей ахаблы», хотя нарушитель этого обычая и не считается амахагой. Поэтому при изучении брачных связей внутри одного современного сельского совета, необходимо учитывать эти вышеприведенные обстоятельства, поскольку брак не одобрялся не вообще среди всех жителей села, а именно среди представителей одной ахаблы, среди которых существует традиционный обычай взаимопомощи, но отсутствует родство.

Необходимо отметить, что как молочное родство — аадзара, так и сословные ограничения браков у абхазов со дня победы революции начали терять свою социальную почву, и теперь уже в наши дни они почти исчезли из быта. По сравнению с ними обычай экзогамии и в настоящее время все еще сохраняется. Более того, сохраняется и основной фундамент, на котором основан этот обычай — родственные связи.

Известно, что в прошлом у абхазов, как и у многих народов Кавказа, вопрос брака сына или дочери преимущественно был компетенцией родителей. Поэтому, естественно, что родители старались подыскать, например, сыну такую невесту, которая не была бы связана с ним кровным или молочным родством. Родители безошибочно знали всех своих родственников и тем самым регулировали браки своих детей. Теперь же, с изменением условий, молодые в основном сами решают все вопросы семейной жизни. Эта ситуация осложняется тем, что большое число

молодежи уезжает в города на учебу или на работу и родителям трудно контролировать — с кем их дети дружат, за кем ухаживают, на ком их сын собирается жениться и т. д.

Нам представляется, что именно такое положение в некоторой степени стимулирует участвовавшие за последнее время так называемые «фамильные сходы» («аижәлантәкуа рензара»), на которые приглашаются все однофамильцы, а также их ближайшие родственники — зятья, племянники и т. д. Кстати, если однофамильцев очень много, приглашаются только их представители. Лишь немногочисленные фамилии приглашают зятьев, племянников, т. е. родственников, но представителей других фамилий.

С должителем Тареханом Абухба беседует этнограф
В. Бигвава, с. Джгерда, 1981 г.

Вот как описывается такой сход: «Исстари живет в Абхазии такая традиция — время от времени собираются люди одной фамилии. Собираются, чтобы обсудить наболевшие вопросы, проблемы, поговорить с молодежью о ее отношении к родителям, к труду. Чтобы кому-то помочь, а кого-то и приструнить, направить на путь истинный, проверить, каковы моральные устои человека. Борьба за высокую нравственность, честность и чистоту фамилии — главные мотивы этих собраний. Они всегда играли

важную роль в утверждении положительных начал в семье, в роду, среди однофамильцев... Почитание схода — здесь древний и прекрасный обычай, к нему приучают с детства, оказаться на его суде — получить урок надолго»²³.

Следует отметить, что на некоторых сходах принимается обращение не только ко всем однофамильцам, но и трудящимся всей автономной республики. Так было, например, на сходе однофамильцев Агрба, состоявшемся в селе Кутол Очамчирского района в конце 1981 г. В обращении представители фамилии Агрба призвали всех быть более добросовестными, образцовым трудом приумножать достижения народного хозяйства, беречь уникальную природу республики, вести активную, непримиримую борьбу со всякого рода негативными явлениями — пьянством, хулиганством, взяточничеством, тунеядством, праздным образом жизни²⁴.

На фамильных сходах поднимаются и другие вопросы нравственного воспитания молодежи; родителям же дается наказ воспитать своих детей в духе советского патриотизма и интернационализма, активной жизненной позиции, любви к труду и учебе. Делаются и строгие замечания некоторым (провинившимся) представителям фамилии, но в предельно вежливой форме. Такая забота о судьбе и делах близких своих заставляет каждого подтянуться, спросить с себя строже²⁵.

Обобщив положительный опыт проведения фамильных сходов как одной из действенных форм нравственного воспитания трудящихся. Президиум Верховного Совета Абхазской АССР одобрил его и разработал ряд практических рекомендаций.

Наряду с этим, одной из важных задач фамильных сходов является прежде всего знакомство всех однофамильцев и родственников непосредственно, чтобы исключить браки между ними и их детьми. Другими словами, фамильные сходы являются как бы профилактикой против браков между родственниками. При встречах кровные родственники часто заявляют, что их семьи так редко встречаются, что можно опасаться браков между их детьми.

Следует обратить внимание еще на одну сторону участвовавших в последнее время фамильных сходов. Как известно, в Абхазии встречаются фамилии, представители которых принадлежат к различным национальностям, главным образом, к абхазам и грузинам (мегрелам). К таким относятся — Гамисония, Бения, Шония, Алания, Сарсания, Папаскири, Какубава, Ква-рацхелия, Марганья, Махарья, Соселия, Читанава и другие. Причины такого явления самые разнообразные. Нас же заинтересовало другое — используя фамильные сходы, представители различных национальностей, но с одинаковой фамилией, объявляют себя родственниками.

В качестве иллюстрации приведем пример с фамилией Читанава. Однофамильцы Читанава — абхазы, начали собираться на фамильный сход с 1976 г. Первый раз они собрались в

с. Эшера в доме у Читанава Махмеда. На том сходе было представлено 27 абхазских семей этой фамилии. Грузины (мегрелы) по фамилии Читанава также изъявили желание участвовать в подобных семейных сходах. С 1980 г. представители фамилии Читанава (абхазы и грузины), проживающие в пределах Абхазии, начали собираться вместе, а в 1982 г. на семейном сходе, где было представлено уже 40 семей, было объявлено, что все они родственники, что у них один предок и поэтому браки меж-

86-летний житель села
Члоу Куаиш Адлейба,
1981 г.

ду их семьями исключаются. Теперь эти разнонациональные однофамильцы собираются не только на семейных сходах, но посещают друг друга во время свадеб и похорон, как родственники²⁶.

Обычно у абхазов все родственники собираются вместе во время свадеб, похорон, поминок и т. д. Поэтому в связи с изу-

чением фамильно-брачных связей представляет определенный интерес вопрос о том, когда же дальние родственники полностью прекращают общение между собой и когда возможны браки между ними?

Обычно после смерти одного из членов семьи, в тот же вечер, собираются все ближайшие родственники старшего возраста — братья, сестры, жены братьев, зятя и др. и начинают, по селам, вспоминать своих дальних родственников и составлять список с целью оповещения их о смерти через горевестников (ашә а хәацә). Это делается для того, чтобы горевестники точно по спискам, никого не упуская, сообщили бы о смерти и дне похорон родственника. Причем, в эти списки включаются лишь те дальние родственники, которые еще не потеряли связи с этой семьей. Например, выясняется, был ли тот или иной приглашенный родственник на свадьбе, которую устраивала семья, посещал ли их дом, когда проходили похороны давно умершего отца, деда, матери и т. д. Если этот дальний родственник неоднократно пропускал эти приглашения, то он уже не включался в список и тем самым прерывались родственные связи между ними.

По словам старой жительницы села Лыхны Гудаутского района Минаши Аслангериевны Жиба-Лакоя, если дальний родственник при твоей жизни уже не общался с тобой, с твоей семьей, то брак с его потомством возможен. Главное, как она выразилась, в таком случае — общение.

Как правильно отмечает В. И. Козлов, проведение многолюдных свадеб и похорон, организация различных встреч и застолий связаны не только с потребностью в престижности, но они направлены на укрепление лично-относительно-социальных связей, поскольку здесь на первый план выступает необходимость установления и упрочения крепких связей родственников, в особенности на похоронах — демонстрация единства в горе. Это единство, в свою очередь, оказывает немаловажное антистрессовое воздействие на ближайших родственников умершего²⁷.

Какие же качества (умственные или физические) больше ценились, или учитывались у абхазов при выборе невесты для сына, брата, племянника, или же при выходе замуж дочери, сестры, племянницы? Самым важным качеством невесты, которое высоко ценилось в абхазском народе и на которое прежде всего обращалось внимание, была ее человечность (лыуащышьа) или совесть (лыламыс), при этом отмечалось, что «человечность закрывает все, кроме физического недостатка» (ауащышьа зегь хнащ оит агра ада)²⁸. Затем большое значение имело происхождение будущей жены; выяснялось, с какими традициями ее родители, умеют ли вести хозяйство, честолюбивы ли. Особенно важен характер матери — хлебосольная, терпеливая, уравновешенная, скромная и т. д., поскольку, как считают в народе, если у матери эти качества отсутствуют, то и дочь будет похожа на

нее (ан лышь — апха ил **апо** хонт). Хотя бывают исключения, на что существует поговорка: «И орел может вывести одного из себя» («Уарбажэкгы хышьык хнаххьент») ²⁹.

Немаловажное значение имел при выборе невесты престиж рода, поскольку мало, кто решался брать в жены дочь или сестру грабителей, воров, драчливых. Обходили также семьи, в которых часто болели ее члены. Опасными, наследственными болезнями считались туберкулез и астма. Если кто-нибудь из родителей девушки, хорошей по другим признакам, болел одной из этих болезней, то это настораживало при выборе ее в качестве невесты. Кроме того считалось, что есть фамилии, женщинам которых не подходило замужество («аонра знымаало ажэла шьт-рала икоуп»). Так, например, считалось, что девушка из такого рода до замужества чувствовала себя хорошо, однако после выхода замуж она становилась худой, хилой и, естественно, вести хозяйство, быть полноценной хозяйкой она была не в состоянии.

Согласно абхазским народным представлениям существуют как недолговременные фамилии, так и длительные фамильные династии. Например, в с. Джгерда недолговременной фамилией считается фамилия Мишелия. В настоящее время представителей этой фамилии в Джгерде нет, хотя в прошлом их здесь было немало. В северо-западной части села сохранилось даже название холма этого рода — «Мшьелнаа рху». Что же касается «долговечных» фамилий, то для того же села длительной фамильной династией является фамилия Шармат ³⁰, а в селе Кутол — фамилия Басария ³¹.

Кроме того, существует мнение о том, что некоторые фамилии имеют низкую рождаемость и плохо увеличиваются численно. Для других же фамилий, по преданию, установлено определенное количество дворов, которое не увеличивается и не уменьшается ³².

Понятно, что не каждый отец и мать желали выдать свою дочь за представителя таких «недолговечных» или «малочисленных» фамилий, но пожелания родителей не всегда имели успех.

Изучение фамильно-родовой системы и брачных ареалов абхазов требует рассмотрения состава абхазских фамилий. По любезно представленным нам материалам сотрудником Абхазского государственного музея, краеведом Р. Х. Гожба, в настоящее время на территории Абхазии представлено около 700 абхазских фамилий. Как правило, абхазские фамилии имеют окончание **ба** (Авидзба, Аршба, Амичба, Хагба и т. д.), **уа** (Андарбуа, Боджгуа, Гогуа, Лолуа и т. д.), **аа—ава** (Апшьилаа-Апшьилава, Ашьхараа-Ашьхарава, Лагулаа-Лагвилава, Чачаа. Аристаа и т. д.), **иа** (Аланиа, Гублиа, Когониа, Пачулиа и т. д.), **ипа** (Абаа-ипа, Инал-ипа, Патеи-ипа, Шат-ипа и т. д.). Наряду с ними встречаются фамилии с окончанием на **пшь** (Багапшь, Гыруапшь, Капшь, Трапшь), на **шь** (Ванджашь, Хагушь, Халуашь, Хватышь), **аз** (Губаз, Чалмаз, Чуаз), **скир** (Абласкир, Ку-

акуаскир, Папскир), н (Асардан, Алан, Аргун, Арлан, Маан, Пкин и т. д.), д (Арынд, Халбад, Цвынд), ыл (Таркыл, Шапкыр и т. д.), дж (Абгадж, Аркудж), ар (Ампар, Дбар, Чыкубар и т. д.).

Среди абхазских фамилий имеются и без определенных окончаний, например, Арнаут, Анкваб, Аухат, Аджинджал, Барас, Бгьоу, Барцыц, Канхуа, Кнут, Кчач, Еник, Смыр, Хашиг, Уанача, Царгуш и др. Некоторые абхазы имеют фамилии неабхазского происхождения. Таковыми являются — Бесландзе, Палавандзе, Микадзе, Ермолов, Шапковский и т. д.

Жители села
Блабурхва Маадан и
Сума Барцыц в нацио-
нальной одежде, 1982 г.

Из всех представленных в республике абхазских фамилий, по нашим приблизительным подсчетам, наиболее многочисленными являются: Квциння (Куцння) — свыше 300 семей, основная их масса (141 семья) проживает в селе Атара Абхазская

Очамчирского района; в г. Сухуми проживает 40 семей, в Ткуарчале — 10, Очамчире — 5, Новом Афоне — 3, Гагре — 1. В других селах: в Агубедиа — 8 семей, в Тамыше — 3, в Аацы — 2 и в Адзюбже — 1. Авидзба — более 200 семей, живут в городах Гагра, Гудаута, Н. Афоне, Пицунде, Сухуми, Очамчире и др.; в селах — Джырхуа, Куланырхуа, Аацы, Приморское, Анхуа, Эшера, Кутол, Моква и др. Агрба — 200 семей, представители которой живут в городах Гагра, Пицунда, Гудаута, Н. Афон, Сухуми; в селах — Бзыбь, Джырхуа, Дурипш, Калдахуара, Куланырхуа, Кутол, Лидзаа, Мгудзырхуа, Эшера и др. Аргун — 180 семей, живут в городах Гагра, Гудаута, Н. Афон, Сухуми, Очамчира, Ткуарчал; в селах — Аацы, Анхуа, Куланырхуа, Ткуарчал и др. Цвижба — 160 семей, основная масса (90 семей) проживает в с. Члоу (Очамчирский район); живут также в городах Сухуми, Очамчира, Ткуарчал и др.

Представители фамилий Аджинджал и Пачулиа составляют по 150 семей каждая и их основная масса проживает в селе Поквеш Очамчирского района. Кроме того, представители этих фамилий проживают также в городах Сухуми, Очамчира, Ткуарчал. Основная масса однофамильцев Барцыц (150 семей) проживает в селе Блабырхуа, а также в городах Гагра, Гудаута, Сухуми. Около 150 семей каждая составляют представители абхазских фамилий — Адлейба, Аршба, Тарба, Шамба и более 100 семей — Амичба, Ардзинба-Адзинба, Жиба, Лейба, Смыр, Таниа и др.

Редкими или малочисленными фамилиями являются Арынд, Ацанба, Барас, Гуадзба, Куджба, Цанаа и некоторые другие. Эти и многие другие абхазские фамилии некогда были многочисленными, однако, в результате махаджирства и других причин представители многих абхазских фамилий вынуждены были оставить Абхазию. В настоящее время среди жителей г. Батуми, а также за рубежом, наряду с общеизвестными можно встретить представителей таких абхазских фамилий, которые либо уже позабыты в самой Абхазии, либо лишь изредка упоминаются в абхазском фольклоре.

В нашей стране существует традиционный взгляд на то, что любые родственные браки снижают потенциальную возможность долгожительства. Роль инбридинга в долгожительстве и старении занимает значительное место и в американских научных исследованиях, проводимых антропологической лабораторией Канзасского университета³³. Однако примеры распространения долгожительства в Азербайджанской ССР, где в малых популяциях (имеется в виду жители того или иного селения или сельского совета) очень распространен инбридинг, казалось бы опровергали это мнение.

Нам представлялось интересным, совершив полевой выезд в сельские районы Азербайджана, провести сравнительное изучение материалов, касающихся брачных ареалов у абхазов и

азербайджанцев. Абхазы, как уже отмечалось выше, до сих пор строго придерживаются обычной экзогамии, в то время как среди азербайджанцев распространены эндогамные браки. Между тем оба этноса имеют довольно значительный процент долгожителей — доля лиц в возрасте 90 и более лет на каждую тысячу человек старше 60 лет составляет в Абхазской АССР и в Азербайджанской ССР от 60 до 70% — наивысший показатель на всем Кавказе³⁴. Естественно, что полученные нами в Азербайджане материалы не являются окончательными и поэтому пока можно говорить лишь о сугубо предварительных выводах.

Для азербайджанцев, действительно, характерны родственные браки. Известно, что в прошлом браки между родственниками поощрялись, во-первых, для сохранения хозяйства, рода, во-вторых, при таких браках выплачивать калым (особенно у мусульманских народов) можно было в значительно меньшем размере. Однако пока трудно делать окончательные выводы о том, каких браков, эндогамных или экзогамных, больше, учитывая недостаточность материала.

Отношение к кровнородственным бракам у опрошенных информаторов самое разное. На наш вопрос, что лучше — жениться на родственнице или не на родственнице, большинство высказывало предпочтение традиционным, родственным бракам, поскольку жена лучше знает мужа, а муж — жену, да и родители знают друг друга хорошо. Поэтому, как считают наши информаторы, муж больше будет уважать жену, а жена мужа.

Между ними не будет раздоров и склок. Кроме того, в случае тяжелой болезни одного из них, они не оставят в беде друг друга³⁵. Другими словами, наши информаторы высказывали предпочтение родственным бракам, и даже те, кто в родственном браке не состоял. Но встречались среди них лица, придерживающиеся противоположного взгляда. Например, 80-летний житель села Биджов (Ахсуинский район) Аббасов Магомед Хонлар оглы сказал, что браки между родственниками влияют на потомство. В качестве примера он назвал своих соседей (муж женат на дочери брата отца), у которых родилось много детей, но большинство умерло, а оставшиеся — больные³⁶. Однако среди людей старшего поколения встречаются и такие, которые с сожалением говорят о том, что за последнее время молодые люди начинают отказываться от родственных браков.

Проведенное нами исследование в селах ряда районов Азербайджана выявило некоторые закономерности, или традиционности, характерные для системы брачных отношений азербайджанцев и дало возможность определить, в какой-то степени, брачные ареалы жителей обследованных сел. В целом браки, в основном, заключаются в пределах сельского совета, или даже в пределах села. При этом хотелось бы отметить, что

браки внутри того или иного селения составляют, в среднем, более 80%. Необходимо при этом отметить, что у поговинцы опрошенных нами долгожителей родители являлись родственниками между собой (жена, как правило, двоюродная сестра). Однако среди их детей процент родственных браков был уже несколько меньше.

Что же касается брачно-семейных отношений среди абхазов, то можно предположить, что подобный характер семейно-брачных отношений у них может способствовать, либо каким-то образом способствует долголетию.

Завершая этот раздел, считаем своим приятным долгом выразить благодарность всем тем товарищам, которые оказали нам практическую помощь в селах в организации сбора необходимого материала. Особенно мы благодарны жителю с. Джгерда Санду Джинджолия и членам его семьи, которые уделили много внимания нашей работе, чем способствовали ее успешному завершению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
2. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
3. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины. — «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955, с. 113—181.
4. К вопросу о развитии брачных обычаев и свадебной обрядности абхазов. — «Современное абхазское село», Тбилиси, 1967; ее же — «Брачно-семейные отношения у современных абхазов», Тбилиси, 1967. (автореф. канд. дисс.); ее же — «Абхазская семья», Сухуми, 1969 (на абх. яз.).
5. Абхазы Очамчирского района. — «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955; ее же — «Брак и свадебные обряды у абхазов». — «Труды АИЯЛИ», т. XXVI, Сухуми, 1955.
6. Быт и культура современных абхазов. Сухуми, 1976, с. 45—64, (на абх. яз.).
7. Современная семья у абхазов. Тбилиси, 1981 (автореф. канд. дисс.); его же — Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983.
8. Козлов В. И. Долгожительство и долгожители. — Природа, 1980, № 7, с. 93, 97—98.
9. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 159.
10. Записано в мае 1982 г. со слов жительницы села Лыхны Гудаутского района Симония-Гицба Чуки Ивановны, 80 лет.
11. И н а л и п а Ш. Д. Указ. раб., с. 23.
12. Со слов Симония-Гицба Чуки Ивановны.
13. О л е с н и ц к и й А. А. Мегалитические памятники святой земли. СПб., 1895, с. 2.
14. Там же, с. 5.
15. Дочия-Сангулия Лили Джуговна, 72 г., Джгерда, 1982 г.

16. Чхинджериа-Феизба Натела Едрисовна, 66 лет, с. Джгерда, 1982 г.
Джинджолия Саид Хаджгутович, 62 г., Джгерда, 1982 г., Лабия Мыта Куа-
татович, 90 лет, с. Лыхны, 1982 г.
17. Чхинджериа-Феизба Н. Е., 66 лет, с. Джгерда, 1982 г.
18. Эфромсон В. П. Введение в медицинскую генетику. М., 1964, с. 134.
19. Со слов 78-летнего Дуга Сулеймановича Аргун, с. Куланыхуа, 1982 г.
20. Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб., с. 40—45.
21. Со слов Таркил Ивана Хашимовича, 56 лет, с. Дурипш, 1983 г.
22. Со слов Корская Винора Бажговича, 60 лет, с. Кутол, 1983 г.
23. Бутба Р. Семейный сход. — «Агитатор», 12, 1981; «Советская Абхазия», 1981, 7 июля.
24. «Советская Абхазия», от 5 декабря 1981.
25. «Советская Абхазия», от 21 октября 1968.
26. Записано со слов Читанава Анатолия Читоевича, 35 лет, г. Гагра, 8 апреля 1983 г.
27. Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии. — «Советская этнография», 1983, № 1, с. 15.
28. Лакоя Минаша Аслангериевна, 76 лет, с. Лыхны, 1982 г.
29. Бигвава Руфбей Кягусович, 56 лет, с. Лыхны, 1982 г.
30. Феизба Натела Едрисовна, 66 лет, 1982 г.
31. Басария Симон, Тусишвили-Басария В. Н. Воспоминания, Сухуми, 1971, с. 22, 24.
32. Дбар Платон Басиатович, 70 лет, с. Мгудзырхуа, 1982 г.
33. Из отчета о результатах участия советских ученых во 2-м советско-американском симпозиуме по проблемам долгожительства. США, ноябрь, 1982 г.
34. Козлов В. И., Комарова О. Д. География долгожительства в СССР (этнический аспект). — В кн.: Феномен долгожительства, М., 1982, с. 36.
35. Полевая запись в с. Пиргансалы, Асухинский район в доме у Кадырова М. Н., 62 года, главный агроном села, 8 августа 1983 г.
36. Полевая запись в с. Биджов, 11 августа 1983 г.

Г. В. СТАРОВОЙТОВА

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА У АБХАЗОВ

Комплексное изучение феномена долгожительства в Абхазии и факторов, способствующих его формированию, предполагает рассмотрение этнопсихологических «составляющих» этого явления наряду с другими. Этнопсихологическое исследование самих долгожителей и соответствующих сторон традиционной этнической культуры, в рамках которой долгожительство как явление приняло статистически заметные размеры, предполагает два возможных подхода: личностный и социально-психологический.

Взаимосвязь высшей нервной деятельности, типа темперамента, сохранности памяти и других интеллектуальных и волевых функций с состоянием здоровья индивида давно установлена медициной. Причем эта связь имеет не только прямой, но и обратный характер: сохранность личности в старости сама может обеспечивать или способствовать физиологическому функционированию нервной, эндокринной и других систем организма¹. Известно также, что психические функции пожилых людей претерпевают закономерные возрастные изменения, хотя темпы этих изменений могут быть индивидуальными. Кроме того, стадии развития геронтогенеза могут зависеть и от этнокультурных особенностей — например, от того, какие социальные роли традиционно отводятся в данном обществе старым людям, какие трудовые или обрядовые функции возлагаются на них и т. д.

В результате какие-то психологические особенности людей старшего возраста могут оказаться распространенными в изучаемой этнической среде больше или меньше, чем в другой, а этническая культура выполняет при этом роль «фильтра», отсеивающего определенные психологические черты и формирующего особенности так называемого «национального характера».

Помимо индивидуальных психологических особенностей, испытывающих влияние норм этнической культуры, при изучении этнопсихологической атмосферы, способствующей формированию феномена долгожительства, представляется важным учесть специфику общения людей и взаимоотношения разных социально-возрастных групп, составляющих этнический организм. Например, большое значение для увеличения продолжительности

жизни могут иметь такие социально-психологические факторы, как «геронтократический» характер традиционных социальных институтов (например, совета старейшин) и обычаев, подчеркивающих уважительное отношение к старшим — безусловно, все это создает благоприятный психологический климат для пожилых людей и обеспечивает их высокую включенность в различные социальные связи — и с родственниками (живущими вместе с ними или отдельно), и с другими людьми — соседями, односельчанами. Это не исключает, однако, наличия психологических черт, типичных только для долгожителей или сильнее выраженных среди них, чем среди молодых людей той же этнической принадлежности.

Проверка высказанных предположений на материалах исследования абхазского этноса и его долгожительской части натолкнулась на большие методические трудности. Они связаны и с новизной постановки задачи, и с недостатком точных психологических методов подобных исследований как в отечественной, так и в зарубежной практике, и с необходимостью точного перевода и адаптации имеющихся методик. Кроме того, выявление особенностей психологии долгожителей предполагает наличие у исследователя ясных представлений о психологии более молодых членов того же этноса — т. е. чертах «абхазского национально-то характера» в целом. Однако строгими научными методами черты этого характера никогда не изучались, а опираться в этнопсихологическом исследовании лишь на наблюдения иноэтнических путешественников, которые невольно глядят через очки собственной этнической культуры, или на суждения самих абхазов, которым, как и представителям любого народа, трудно разглядеть свои привычные для них особенности «изнутри» своей культуры, было бы неосновательно. Таким образом, параллельно с изучением долгожителей, велись отдельные исследования этнопсихологического «фона» — т. е. собирался сравнительный материал по аналогичным методикам и среди абхазов среднего и молодого возраста.

Предположение о «геронтократическом» характере традиционного абхазского общества (что вообще типично для родовых обществ, но далеко не везде имело выраженные формы)² возникает уже при знакомстве с абхазскими фольклорными сюжетами, посвященными, например, долгожителям нартского эпоса³. Представление о высоком социальном статусе стариков в абхазском селе подкрепляется наблюдениями за действующим пока традиционным этикетом, в котором ясно прослеживается строгая возрастная иерархия, зависимость всех форм речевых и внеречевых средств общения от пола и возраста участников коммуникации — причем преимущество в различных ситуациях отдается наиболее старым людям (особенно — мужчинам), будь то наиболее удобное и почетное место за столом или устное вы-

ражение благожелательности⁴. Высокое общественное положение стариков в бесписьменных обществах легко объясняется значением устной традиции как важнейшего источника разнообразной информации — народных хозяйственных знаний, обрядовой и этикетной практики. В этих условиях старики являются хранителями жизненно важной информации и своей памятью заменяют книги. Абхазы — младописьменный народ с чрезвычайно развитыми формами традиционной духовной культуры — жили в таких условиях всего полвека назад, в совсем недавней исторической перспективе, и ныне живущее поколение еще помнит те знаки уважения и внимания, которые на каждом шагу оказывались старикам. Полевые наблюдения убеждают в том, что социальные роли здоровых старых людей в сельской среде значимы до сих пор: они санкционируют многие важные решения в семейной жизни, к ним обращаются как к арбитрам при разрешении соседских конфликтов, при необходимости повлиять на недостойное поведение кого-то из молодежи и т. п. Все это сохраняет за стариками часть реальной власти, обеспечивает им лучшие бытовые условия, а больным — уход, и в целом способствует созданию благоприятного психологического климата, который сам по себе может способствовать увеличению продолжительности жизни.

Степень включенности абхазских долгожителей в систему социальных связей в ходе экспериментального исследования оценивалась с помощью социометрического теста, широко применяемого в социологии и социальной психологии⁵. Эта методика позволяет получить количественное выражение предпочтений, которые отдаются старым людям в различных сферах общения. Путем специального опроса выявляется круг людей, состоящих в реальном межличностном общении, выясняется частота повседневных или периодических контактов между ними, а также содержание и сфера, которую затрагивают эти контакты. Затем исчисляются специальные индексы интенсивности и предпочтительности общения с людьми разных возрастных групп, которые позволяют оценить положение стариков в системе социальных связей.

Применение этой процедуры⁶ выявило высокую интенсивность общения старых людей: с родственниками (в том числе, живущими в других домах) и ближайшими соседями все опрошенные общаются ежедневно; постоянно также их контактирование с другими людьми — встречи с односельчанами и жителями других сел Абхазии на свадьбах, похоронах, поминках, народных гуляниях и т. д.

Важно отметить, что свыше 80% всех контактов лиц, не ведущих совместное хозяйство со стариками — это случаи обращения к ним за советами в важных жизненных ситуациях, что свидетельствует о высоком социальном статусе этой возрастной группы. Такая картина непосредственной вовлеченности

долгожителей в сферу неформальной коммуникации, «густота» их социальных связей и эмоционально-личностный характер последних являются отличительной чертой образа жизни абхазских долгожителей — особенно если сравнить его с образом жизни пожилых людей в современном городе, нередко разобщенных, поддерживающих безличные, «ролевые» отношения (например, продавец-покупатель и т. п.). Эмоциональный климат, которым окружены представители старших возрастных групп, во многом обусловлен сохранностью элементов большой патриархальной семьи и ориентацией на семейные ценности, характерной для кавказского региона в целом. Высокая значимость семейных социальных ролей, значение семьи как производящей экономической ячейки в сельских условиях ослабляет действие так называемого «эффекта отставки», описанного в психологической литературе и столь характерного для пожилых горожан⁷.

В связи с рассмотрением социального статуса долгожителей можно прокомментировать довольно значительное число случаев завышения календарного возраста самими долгожителями или их близкими. Кажется естественным объяснить это явление «престижностью старости» у абхазов, однако этого объяснения, по-видимому, недостаточно. Сведения о возрасте долгожителей обычно опираются на устную традицию, а она не может не испытывать влияние традиционной абхазской системы счета — двадцатиричной. Народные мнемотехнические средства, помогавшие количественному учету разных объектов, сохранялись в употреблении еще на рубеже последних веков⁸, и можно предположить, что бессознательные ошибки в определении возраста могут быть связаны у стариков с определенным этапом исторического развития познавательных функций⁹.

Другая причина ошибочных возрастных самооценок некоторых абхазских стариков — существование в обыденном этническом сознании развитых представлений о социально-возрастных категориях, принадлежность к которым оказывается более значимой, чем абсолютный календарный возраст. Возрастная самооценка опирается на календарный возраст только отчасти, поскольку принимаются во внимание также биологический возраст индивидуума (то есть состояние его здоровья) и его авторитет, основанный на интеллектуальных качествах и репутации. Принадлежность к тому или иному «возрастному классу» (ахца, абырг, алыгаж и др.)¹⁰ наделяла раньше особыми правами и обязанностями (например, вступление в брак, ношение оружия, участие в совете старейшин, в военных действиях и др.). Соответствующие возрастные термины отражают в совокупности традиционное представление об этапах жизненного пути человека.

По просьбе исследователей, несколько долгожителей рассказали свои биографии в свободной форме. Последующий анализ

текстов, фиксирующих их повествования, обнаружил неожиданную значимость некоторых моментов жизненного пути. Так, например, нередко старик начинал свой рассказ словами: нас было столько-то братьев... Всю личную биографию пронизывают сведения о дальнейшей судьбе сиблингов, в то же время, например, факт своей женитьбы обычно не упоминается совсем (или отмечается с некоторым смущением). Как правило, описание события не сопровождается попыткой его датировки, но иногда упоминаются хронологически близкие события — это было во время последней войны, это еще до «Большого снега» и т. д. Для женщин-долгожительниц задача своего жизнеописания обычно была трудновыполнимой. Все старики дружно оценивают современную жизнь как хорошую, зажиточную и обязательно составляют эту оценку в рассказ (без всякой подказки интервьюера). «Теперь жить совсем легко — кнопку нажал, и светло», — Саид Авидзба, 102 года, село Джирхва — и т. п.

При исследовании влияния этнопсихологических факторов на формирование феномена массового долгожительства в Абхазии была высказана гипотеза о существовании в традиционной абхазской этнической культуре «механизмов», способствующих ослаблению воздействия стрессогенных факторов.

В поледние годы влияние стрессовых ситуаций на эмоционально-волевую сферу личности и состояние здоровья людей привлекает большое внимание специалистов, причем считается, что стрессовые состояния особенно обильно продуцируются городской средой с ее принудительно высоким темпом жизни. Однако оценить стрессогенное воздействие выходящих за повседневные рамки жизненных событий — достаточно сложная задача, тем более, что в разных этнических культурах значимость стрессовых факторов оказывается различной¹¹. Мы попытались установить, какое значение по силе отрицательного эмоционального воздействия придают жители абхазских сёл (в том числе — долгожители) разным негативным событиям в жизни семьи. Жителям разных сёл (Джгерда, Дурипш, Мгудзырхва, Ачандары и др.) был предложен перечень жизненных ситуаций (всего — 18) для оценки их сравнительной эмоциональной тяжести. Для упрощения процедуры и возможности участия в ней и неграмотных стариков, которые не могли охватить общий список, занесенным на карточки, предлагалось сравнить каждое событие с каждым попарно, а затем исследователь выстраивал их в общий ранговый ряд.

В процедуре оценки участвовало в общей сложности около 150 сельских жителей (включая 20 долгожителей). Была сделана также попытка сопоставить данные этой оценки с наличием в биографии пожилых опрошенных реальных стрессов, а также с показателями медицинского обследования этих лиц.

Список предварительно сформулированных ситуаций, следующий:

Смерть супруга	Личное увечье или уродство
Смерть одного из родителей	Проявление неуважения к старшим
Бездетность	Увечье или уродство детей
Смерть одного из детей	Тяжелая хроническая болезнь
Развод	Измена супруга (супруги)
Развод одного из детей	Нарушение обычаев
Заключение в тюрьму	Административно-общественное порицание
Общинно-родовое порицание	Утрата работоспособности
Смерть брата или сестры	
Смерть близкого друга	

И старыми, и молодыми, опрошенными в качестве тяжелейших стрессогенных факторов, были названы смерть супруга, смерть одного из детей, утрата работоспособности. Довольно высокие ранговые места заняли также стрессогенные ситуации, связанные с общественным порицанием, нарушением обычаев: проявление неуважения к старшим (8-е место), развод одного из детей (9-е место), несогласие с волей родителей (7-е место) и т. д. Более подробные расспросы долгожителей и других информаторов показали, что нарушения традиционной этики в поведении осуждаются очень серьезно. Речь идет о понятии «аламыса», включающего в себя представления о человечности («ауаюра») и о специфическом достоинстве абхаза («апсуара»), соблюдающего традиционный «кодекс чести» и соответствующие этнокультурные нормы. Абхазские крестьяне отмечают, что смерть старика пережить легче, чем смерть молодого человека, но нарушение аламыса — самое тяжелое событие. «Лучше умереть молодым, чем жить без аламыса». — говорил Куча Тванба из Дурипша (95 лет).

Конечно, при оценке эмоционального воздействия разных тяжелых жизненных ситуаций на представления опрошенных (даже стариков, тем более — молодых) сказывается влияние современных социальных установок и ценностных ориентаций, входящих подчас в противоречие со стереотипом обыденного этнического сознания. Однако иногда прежние нормы, вопреки общей статистической тенденции наиболее частых выборов отдельных пунктов списка, явственно проявляются в высказываниях отдельных людей.

Так, например, колхозница из с. Мгудзырхва (38 лет, мать пятерых детей), поясняя нам значение понятия «аламыса», указала на своих маленьких детей: сына и дочь и сказала: «Если они нарушат аламыс и пойдут вместе (то есть вступят в кровосмесительную связь — Г. С.), то лучше пусть умрут». Это высказывание — пример редкого по выразительности проявления строжайшего требования к соблюдению экзогамных запретов,

одного из важнейших в числе поведенческих стереотипов традиционной абхазской культуры.

Вообще, по-видимому, жесткость поведенческих норм, строгая регламентация определенных форм поведения, особенно в стрессовых ситуациях, возможно, является не последним звеном в психологическом механизме преодоления жизненных трудностей. Наблюдения экстремальных ситуаций в жизни отдельной семьи или всего села (таких, как смерть и обряд похорон, конфликт двух родов и способы его разрешения, помощь соседей в случае несчастья и т. п.) позволяют предположить, что выработанные веками и усвоенные в ходе социализации личности стереотипы поведения обладают психотерапевтическим воздействием. Обрядовое русло позволяет изливаться сверхсильным эмоциям в социально приемлемой и известной форме. Большое психологическое значение имеет и участие значительного числа людей — родных, соседей — в обрядах, их сопереживание. Народная мудрость издавна гласит, что разделенная радость — это двойная радость, а разделенное горе — полгоря. Обращают на себя внимание широкие масштабы моральной и материальной поддержки, принятой в Абхазии (и в более широком регионе) в случае важных жизненных изменений — будь то свадьба или похороны.

Смерть — тяжелейшее событие в семье, и в дни похорон и подготовки к ним в доме покойного собираются сотни людей. Большая часть хлопот ложится на плечи соседей, которые в течение нескольких суток не оставляют без внимания и помощи семью, где случилось несчастье¹². Интересно то обстоятельство, что традиция предписывает различные формы поведения ближайших родственников покойного и других знавших его людей. Пришедшие на похороны женщины могут причитать, царапать до крови лицо, но мать или жена не имеют права бурно выражать свое горе. Отец покойного или муж покойной тоже выражают свое горе очень сдержанно, даже позы их статичны — руки, как правило, сложены ниже груди и т. д.¹³. Между тем, известная в психологии теория эмоций Джемса-Ланге утверждает, что мимические и мышечные проявления эмоций могут усиливать переживание и даже способствовать его возникновению¹⁴. И наоборот — сдержанное публичное поведение людей, понесших наибольшую утрату, позволяет им как бы переложить часть эмоциональной тяжести на окружающих людей.

В ходе этнопсихологического изучения факторов долгожительства помимо этнокультурных норм, создающих благоприятный психологический климат для представителей старших возрастных групп, рассматривались также некоторые особенности черт личности самих долгожителей. С помощью ряда тестовых психодиагностических методик определялись особенности интеллектуальной и эмоционально-волевой сфер¹⁵.

Тест М. Бонгарда направлен на изучение сохранности и развитости таких функций как сравнение, абстрагирование и классификация. Показателем сохранности этих функций являются

скорость, точность и адекватность выполнения тестового задания: определить признаки сходства и различия в двух абстрактных геометрических изображениях¹⁶. По мнению ряда специалистов (Ананьева Б. Г., Александровой М. Д., Пако С. и др.) обратное развитие (инволюция) ряда психофизиологических функций зависит от развития интеллекта — прежде всего, его невербальных форм, поскольку они менее зависимы от обучения. Интеллект противостоит старению и задерживает инволюционный процесс. Отчасти этим объясняются известные факты долгожительства многих выдающихся деятелей науки и культуры.

Результаты применения теста М. Бонгарда к абхазскому материалу согласуются с гипотезой о взаимосвязи долгожительства и уровня интеллекта. В то же время комментарии обследуемых при выполнении тестового задания говорят об умении долгожителей быстро устанавливать связи частных задач с более широким контекстом практически ориентированной жизнедеятельности.

Эмоционально-волевые черты личности долгожителей исследовались с помощью двух методик: цветового теста Люшера и методики «локуса контроля» личности¹⁴. Первая методика позволяет судить о структуре и интенсивности потребностей личности, согласно полученным данным, по крайней мере 40% обследованных долгожителей сохраняют высокую интенсивность эмоций и потребностей — такую же, какая свойственна более молодым испытуемым — сельским абхазам 20 — 50 лет.

Исследование «локуса контроля» личности долгожителя позволяет классифицировать типы личностей по критерию субъективной локализации контроля над значимыми жизненными ситуациями. Если человек принимает ответственность за происходящие с ним события на себя, объясняя их своим поведением, это говорит о наличии у него внутреннего (интернального) контроля; если же он склонен приписывать управление ходом событий внешним факторам — случаю, другим людям, судьбе, то это показывает наличие у него внешнего (экстернального) контроля. По мнению авторов методики (состоящей в сборе альтернативных ответов на ряд суждений о причинах разных жизненных событий), интернальность и экстернальность локуса контроля являются устойчивыми свойствами личности, формирующимися в процессе ее социализации. Тест позволяет оценить, в какой мере человек ощущает себя активным субъектом собственной деятельности, а в какой — пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств. По данной методике обследовано 112 человек в селах Бзыбской и Абжуйской Абхазии, в том числе 41 человек старше 60 лет и 18 долгожителей (верифицированный возраст — от 90 до 102 лет). Согласно полученным данным, долгожительская часть выборки обнаружила более высокие показатели интернальности, чем экстернальности. Полученные результаты свидетельствуют о высокой сохранности волевых характеристик у долгожителей, позволяю-

щих им противостоять неблагоприятным эмоциональным воздействиям. Кроме того, выяснилась интересная корреляция типа локуса контроля долгожителя с состоянием его здоровья: чем выше активность в общении и труде, тем чаще человек обнаруживает интернальный тип локуса, ощущает себя хозяином своей судьбы. Интересно, что верующие старые люди тоже стоят на подобных позициях, причем субъективная логика их самоощущения такова: выполняя высшую волю, я должен (должна) поступить так-то и определить ход событий¹⁷. Исследование психологии этого архаического мироощущения представляет научный интерес уже потому, что число его носителей мало и быстро продолжает сокращаться.

Материалы собранных и намеченных исследований уже на нынешней стадии позволяют сделать заключение о том, что этнопсихологические факторы, обусловленные глубинными явлениями этнической традиционной культуры, наряду с другими факторами (природными условиями, образом жизни и традиционной системой жизнеобеспечения) способствуют формированию уникального явления — абхазского долгожительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977, с. 215—216.
2. Simmons L. W. Attitude towards Aging and the Aged, Primitive Societies. J. of Gerontology, 1946, v. 1, pp. 72—95.
3. Инал-ипа Ш. Д. Мотивы долгожительства в абхазском фольклоре. В кн.: Феномен долгожительства. М., 1982, с. 41—46.
4. См. подробнее: Чкадуа Л. П. О некоторых особенностях этикета абхазов. В кн.: Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982, с. 79—88.
5. Я. Морено. Социометрия. М., 1958.
6. Исследование социометрического статуса стариков проводилось в селе Дурипш Гудаутского района, включая ахаблу Эберных; обследовано 150 чел., включая 22 человека старше 80 лет.
7. Шапиро В. Человек на пенсии. М., 1980, с. 51—67.
8. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965, с. 509—510 (ссылка на рассказ Н. Ладария).
9. Ср.: Лурья А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
10. Подробнее термины описаны в работе А. П. Павленко «Возрастные категории в абхазском обществе». В сб.: Феномен долгожительства. М., 1982, с. 46—50.

11. Подобное исследование было выполнено американскими психологами, однако попытки применить классификацию стрессов среди японцев показали, что их оценки сильно отличаются. См.: Маркс М. Б., Гэррити Т. Ф. К изучению гипотезы о влиянии стрессовых событий на долгожительство. В сб.:

Феномен долгожительства. М., 1982, с. 218—224 и библиография при этой работе.

12. Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми, 1973, с. 56—57.

13. Чкадуа Л. П. Указ. раб., с. 87.

14. Использована модификация методики «локуса контроля» ЛНИПИ им. В. М. Бехтерева, авторы — Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд; Lüscher M. Die Farbwahl als psychosomatischer Test. Dtsch. Med. Journ. 1961, v. 12, № 16.

15. Старовойтова Г. В. О предметной области этнопсихологии. «Советская этнография», 1983, № 3.

16. Бонгард М. Проблема узнавания. М., 1969.

17. Такова интерпретация интернальной ориентации у Нюры Аламбеевны Канжолия (62 г. село Ачандары, ахабла Хабью), Нади Сабидовны Еник (101 год, село Мгудзырхва) и др.

А. А. ВОРОНОВ, А. П. ПЕСТРЯКОВ

СРАВНИТЕЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АБХАЗОВ

Во время полевых работ 1978—1982 гг. в Абхазской АССР, посвященных комплексному изучению групп населения с повышенным процентом долгожителей, были проведены антропологические исследования в двух районах республики — Очамчирском и Гудаутском. Всего было изучено по морфологической программе 1622 человека абхазского населения (1020 мужчин и 602 женщины), из которых 927 из Очамчирского района (524 муж. и 403 жен.) и 695 из Гудаутского района (496 муж. и 199 жен.). При этом в Очамчирском районе были обследованы села: Поквеш, Члоу, Джгерда, Атара Абхазская; в Гудаутском районе — села: Аацы, Ачандара, Отхара, Калдахвара.

Села расположены на расстоянии 10—30 км от моря, с юго-востока на северо-запад в перечисленном порядке. Между абхазскими селами Очамчирского и Гудаутского районов значительное пространство заселено другими этническими группами (в основном грузинами и армянами).

Численность выборок является статистически представительной для антропологической характеристики выбранных для исследования сел. Расположение изученных сел в районах и общее количество этих сел в достаточной мере характеризует сельское абхазское население в целом.

Настоящая статья в основном посвящена анализу расово-морфологических и некоторых генетических признаков.

Морфологические исследования головы и лица проводились в соответствии с бланком Института этнографии, построенном на основе несколько расширенной традиционной антропологической программы, принятой в Советском Союзе и включающей 17 измерительных и 35 описательных признаков. Последние определялись визуально по балловым шкалам, принятым в советской антропологии. Цвет глаз (радужки) определялся по шкале Бунака, цвет кожи — по шкале Лушана. Определенную методическую трудность, из-за традиционной прически абхазских женщин, вызвало взятие у них продольного диаметра головы. Этим обусловлено малое число женщин, у которых был зафиксирован этот параметр, а также получаемые последующими вычислениями

головной указатель и модуль головы (полусумма продольного и поперечного диаметров головы).

В связи с ограниченным объемом лабораторных работ, проводимых антропологическим отрядом по антропогенетической программе, изучались лишь две серологические системы: АВО и Rh (D). Исследования по очень широкому спектру генетических маркеров были проведены в ряде сел Абхазской АССР сотрудниками медико-геронтологического отряда Института экспериментальной морфологии АН Груз. ССР (Саламатина и др. 1982). Серологические материалы, полученные нами, используются в данной статье как вспомогательные к основным морфологическим характеристикам изучаемого населения.

Сравнительный антропологический анализ изучаемых групп абхазов в основном проводился по мужским выборкам, которые численно более представительны и получены из большего числа сел. Кроме того, для абхазов традиционно характерна экзогамия патрилинейного рода (фамилии), поэтому мужчины изучаемого конкретного села, как правило, являются его уроженцами, в то время как значительная часть женщин, изученных в данном селе, родилась в другом.

Ограниченные рамки настоящей статьи не позволяют нам сколько-нибудь подробно осветить весь большой объем полученного морфологического материала. Поэтому мы ограничились внутригрупповым и межгрупповым анализом лишь некоторых важнейших, с нашей точки зрения, измерительных и описательных признаков. Среднегрупповые величины этих признаков представлены в таблицах № 1 (мужчины) и № 2 (женщины). Ниже приводим краткое описание межгруппового варьирования (изменчивости) средних анализируемых измерительных и описательных признаков (по мужским выборкам).

Продольный диаметр головы варьирует по группам от 188,8 мм (с. Аацы) до 190,7 мм (с. Ачандара).

Поперечный диаметр головы варьирует от 158,6 мм (с. Члоу) до 161,9 мм (с. Отхара).

Головной указатель очень стабилен. Он изменяется по группам лишь от 84,1 (с. Члоу) до 84,7 (с. Отхара) и характеризует все наши группы как умеренно-брахикефальные.

В антропологии не часто используется показатель, суммирующий величины двух основных диаметров головы — продольного и поперечного — **модуль головы**. Этот очень важный и устойчивый во времени признак (т. к. он в значительной мере нивелирует влияние хронологически нарастающего процесса брахикефализации) показывает среди абхазских групп определенную тенденцию. А именно — в Бзыбской Абхазии (Гудаутский р-н) этот признак, как правило, имеет большую величину — в среднем 175,2 мм, чем в Абжуйской Абхазии (Очамчирский р-н) — в среднем 174,6 мм. Более того, села Очамчирского района, расположенные ближе к Гудаутскому району (Джгерда

и Атара Абхазская), имеют величину модуля головы **большую**, чем более дальние от Гудаутского р-на села (Члоу и Поквеш). Указанную тенденцию нарушает лишь выборка из с. Аацы.

Скуловой диаметр имеет несколько **большую** величину в Бзыбской Абхазии (см. таблицу № 1). Но **морфологическая высота** лица явственно показывает обратную тенденцию, она заметно меньше в Бзыбской Абхазии.

Таким образом, по вышеприведенным важным измерительным расово-морфологическим признакам исследованное нами абхазское население может быть охарактеризовано как сравнительно крупноголовое население, по тотальным размерам черепной коробки и лицевого скелета уступающее на территории Кавказа лишь популяциям кавказионского антропологического типа, но превосходящее по соответствующим параметрам большинство грузинских, армянских и азербайджанских территориальных групп (см. сравнительную таблицу № 5, а также таблицы в книге М. Г. Абдушелишвили «Антропология древнего и современного населения Грузии», Тбилиси, 1964).

Кроме того, абхазы Гудаутского района (кроме с. Аацы) более крупноголовы и абсолютно, и относительно низколицы, чем абхазы Очамчирского района. По классификации М. Г. Абдушелишвили, первые приближаются больше к кавказионскому расовому варианту, вторые — к колхскому. Впрочем, отличия эти невелики и по измерительным признакам межгрупповая изменчивость у абхазов небольшая.

Анализируемые описательные признаки показывают у абхазов (мужчин) следующую картину.

Цвет кожи — всегда светлый (№№ 3, 7—9 по шкале Лушана). Розоватый оттенок кожи (№ 3), обычный для северо-европеоидных групп, встречается в мужских абхазских группах с частотой от 7,1% до 17,5% (в среднем — 11,2%). Такая величина обычна для населения Западного Кавказа.

Цвет волос — обычно черный, но повсюду систематически встречаются в небольшом проценте русые и темно-русые.

Форма волос — очень разнообразна и во всех группах варьирует от прямых до узковолнистых.

Цвет глаз — во всех изученных группах преобладает смешанный оттенок (№№ 5—8 по шкале Бунака). Светлые глаза встречаются несколько реже (8,3—15,4%), чем темные (14,0—28,5%).

По проанализированным описательным признакам нет отчетливого отделения бзыбских абхазов от абжуйских. Разве лишь розоватый оттенок кожи (№ 3) чаще встречается в Гудаутском районе (в среднем — 13,8%), чем в Очамчирском (в среднем — 8,6%). Так же, как и по измерительным признакам, по описательным в межгрупповом отношении абхазы довольно однородны.

В отношении полового диморфизма исследованных нами абхазских популяций можно отметить следующее. По всем измери-

тельными признакам женщины, как и следовало ожидать, имеют меньшие размеры, чем мужчины. Однако, в противоположность мужчинам, женщины Гудаутского района имеют несколько меньшие размеры головы, чем женщины Очамчирского района по всем анализируемым в настоящей статье параметрам (по продольному диаметру — на 1,4 мм, по поперечному — на 0,1 мм, по скуловому — на 0,1 мм, по морфологической высоте лица — на 2,7 мм, по модулю головы — на — 1,0 мм).

По сравнению с соответствующими группами мужчин, женщины более светлокожи (у них чаще встречается розоватый оттенок кожи, № 3 по шкале Лушана). Особенно светлокожи женщины Гудаутского района. У женщин сравнительно с мужчинами чаще встречается узковолнистая форма волос и реже прямая (опять же особенно в Гудаутском районе). Цвет глаз у женщин в среднем несколько темнее, чем у мужчин, но ненамного.

Очень интересен результат сопоставления дисперсии (δ) измерительных признаков у мужчин и у женщин абхазов (см. табл. № 3 и № 4). По всем измерительным признакам внутригрупповая изменчивость у женщин меньшая, чем у мужчин (табл. № 3). Это кажется логичным, учитывая известное положение в антропологии, гласящее, что, как правило, изменчивость антропологических признаков у женщин меньшая, чем у мужчин. В то же время межгрупповая вариабельность наших женских выборок по анализируемым измерительным признакам оказалась выше, чем у мужских по всем параметрам, кроме скулового диаметра. В настоящей статье мы не можем удовлетворительно объяснить этот феномен, так как для этого требуется специальное исследование.

Чтобы оценить внутригрупповую изменчивость абхазов сравнительно с другими кавказскими популяциями, мы вычислили и свели в таблицу № 6 средние величины дисперсий (сигм) по важным шести измерительным признакам и показателям, полученным из табличных материалов М. Г. Абдушелишвили (1964). Значения дисперсий (δ) усреднялись по этническим объединениям. В эту же таблицу мы включили и данные по внутригрупповой дисперсии абхазских групп, исследованных нами.

Из этой таблицы видно, что максимальную внутригрупповую изменчивость имеют абхазские группы, особенно абхазы Очамчирского района. Наиболее близки к ним, по величине дисперсии, западногрузинские группы: имеретины, мегрелы, гурийцы, а также три абхазские группы, исследованные М. Г. Абдушелишвили. Северокавказские адыгоязычные группы (адыгейцы, черкесы, кабардинцы, абазины) имеют несколько меньшую внутригрупповую изменчивость измерительных признаков, еще меньшую имеют восточные грузины — карталинцы и кахетинцы, а также армяне.

Такой высокий внутригрупповой полиморфизм абхазов (большая вариабельность изучаемых признаков), отмеченный

нами ранее (Пестряков, 1982), на фоне других кавказских популяций (тоже достаточно полиморфных), с нашей точки зрения, свидетельствует об их широком спектре генетических вариаций. Это, с одной стороны, продуцирует богатую палитру фенотипических проявлений (морфологических в том числе), с другой стороны — может вырабатывать разнообразный арсенал компенсаторных физиологических реакций на старение организма. По нашему мнению, на популяционном уровне степень морфологического полиморфизма может коррелировать с проявлением феномена долгожительства, являясь его косвенным показателем.

В отношении полиморфизма к абхазам наиболее близки западно-грузинские группы имеретин и мегрелов, имеющих почти столь же большие внутригрупповые сигмы; родственные абхазам в этнолингвистическом отношении северокавказские адыгоязычные народы менее близки к ним по этому показателю. Близость абхазов (особенно Очамчирского района) к некоторым западно-грузинским группам по величине внутригрупповой изменчивости находит себе параллель в сходстве этих же групп по таким описательным признакам высокой диагностической ценности как цвет кожи и глаз (радужки глаза). О возможных этногенетических выводах из этих фактов будет сказано ниже.

Кроме анализа внутригруппового полиморфизма признаков, интересно также оценить их межгрупповую вариабельность (см. табл. № 7). В этой таблице приводятся величины межгрупповой изменчивости тех же самых измерительных признаков, вычисленные по тем же самым этническим объединениям, что и в таблице № 6.

Межгрупповая изменчивость (δ) у абхазов, вычисленная в среднем по 4-м измерительным признакам (по изменчивости (δ) продольного, поперечного, скулового диаметров и морфологической высоты лица), имеет несколько меньшую величину, чем у других исследованных нами этнических объединений Западного Кавказа. В этом они резко отличаются от западногрузинских групп: мегрелов, гурийцев, особенно имеретин, в то же время сближаясь с северокавказскими адыгами, что свидетельствует о достаточной антропологической однородности абхазских групп (в межгрупповом плане) и соответствующей разнородности западных грузин (особенно имеретин). Особенно велика однородность абхазских групп (как исследованных нами, так и исследованных М. Г. Абдушелишвили) по головному указателю. В этом отношении абхазы сильно отличаются как от грузинских, так и от адыгских групп.

Отдельно следует остановиться на межгрупповой вариации такого важного морфологического признака, как модуль головы. Дисперсия этого признака у исследованных нами абхазов имеет чуть большую величину, чем у других этнических объединений адыгов и грузин, представленных в таблице № 7. Однако, все

Таблица 1

Некоторые измерительные и описательные морфологические признаки в изученных абхазских группах (мужчин)

С е л а	№	П р и з н а к и																
		Продольный диаметр в мм X	Поперечный диаметр в мм X	Модуль головы X	Головной укатать X	Скуловой диаметр в мм X	Морфологическая высота лица в мм X	Цвет кожи (в %)		Форма волос (в %)			Цвет глаз					
								№ 3	№ 10 и больше	прямые	широковолнистые	узковолнистые	светлые в %	темные в %	средний бал			
Очамчирский р-н																		
с. Поквеш	125	188,92	159,15	173,90	84,32	144,20	128,60	8,3	0,0	30,6	34,2	25,2	13,6	26,4	1,13			
с. Члоу	200	188,96	158,60	173,70	84,06	144,35	129,75	11,0	0,0	30,8	37,6	31,5	13,5	14,0	1,00			
с. Джгерда	108	190,46	160,35	175,33	84,37	144,95	129,15	7,1	0,0	21,4	43,7	34,9	12,9	19,4	1,06			
с. Агара—Абхазская	91	190,42	159,96	175,40	84,48	145,63	130,13	8,0	0,0	40,7	27,9	29,1	15,4	17,6	1,02			
Гудаутский р-н																		
с. Аацы	133	188,78	158,91	174,00	84,63	143,95	126,58	10,0	0,8	27,4	46,2	26,4	8,3	25,0	1,17			
с. Ачаңдара	96	190,68	160,97	176,00	84,53	145,20	127,80	17,5	0,0	44,8	36,8	18,4	13,3	28,5	1,15			
с. Отхара	99	189,92	161,92	175,60	84,70	146,00	128,55	12,8	0,0	29,7	32,9	37,4	15,5	22,5	1,07			
с. Калдахвара	166	190,14	160,14	175,19	84,20	145,07	127,15	14,7	0,0	23,4	39,3	37,3	12,1	20,6	1,09			

Некоторые измерительные и описательные морфологические признаки в изученных абхазских группах (женщины)

С е л а	П р и з н а к и													Цвет г.лмз		
	№	продольный диаметр в мм X	поперечный диаметр в мм X	модуль головы X	головной лука-затыль X	скuloвой диаметр в мм X	морфологическая высота лица в мм X	Цвет кожи м (в %)		форма волос (в %)			узковолокнистые	светлые (в %)	темные (в %)	средний балл
								№ 3	№ 10 и больше	прямые	широко волнистые	волнистые				
Очамчирский р-н																
с. Поквеш	101	179,80	150,60	165,97	84,40	136,50	118,00	18,1	1,4	13,0	50,6	36,4	12,9	28,7	1,15	
с. Члоу	149	178,66	150,84	165,05	84,40	136,18	120,70	24,6	0,0	25,2	49,5	25,3	10,7	30,9	1,20	
с. Джгерда	101	182,25	151,54	167,90	84,75	136,33	120,95	36,4	0,0	14,2	42,9	42,9	12,9	22,8	1,10	
с. Агара — Абхазская	52	179,10	151,73	166,05	85,60	135,81	118,65	31,4	0,0	22,9	47,9	29,2	5,8	34,0	1,29	
Гудаутский р-н																
с. Аацы	87	176,82	150,82	164,75	86,20	135,83	115,80	49,4	0,0	3,9	46,1	50,0	14,9	26,6	1,11	
с. Калдахвара	112	180,00	151,43	165,75	84,20	136,29	117,50	46,3	0,0	4,9	39,8	55,3	9,0	28,6	1,20	

адыго-абхазское объединение (16 групп, исследованных Абдушелишвили) показывает на кавказском фоне очень малую межгрупповую вариацию величины модуля головы, несколько меньшую, чем абхазы и адыгейцы в отдельности. Таким образом, по этому признаку, повторяем, очень важную в таксономическом отношении, абхазо-адыги представляются однородной антропологической группировкой, возможно в сумме более однородной статистически, чем в отдельности собственно абхазы и собственно адыгейцы. В то же время дисперсия модуля головы, вычис-

Таблица 3

Сравнение средних внутригрупповых дисперсий (δ) у абхазов по полу

	Число групп	Продольн. диам.	Поперечн. диам.	Скуловой диам.	Морф. высота лица	Ср. по чётёрм призна.	Модуль головы	Головн. указ.
Мужчины	8	6,80	6,05	5,26	6,93	6,26	4,90	4,07
Женщины	6	5,37	5,55	5,03	6,38	5,58	4,06	3,39

Таблица 4

Сравнение межгрупповых дисперсий (межгрупповых δ) у абхазов по полу

	Число групп	Продольн. диам.	Поперечн. диам.	Скуловой диам.	Морф. высота лица	Ср. по чётёрм призна.	Модуль головы	Головн. указ.
Мужчины	8	0,78	1,11	0,71	1,23	0,96	0,88	0,22
Женщины	6	1,78	1,28	0,28	1,97	1,33	1,10	0,80

ленная нами по всем 32-м грузинским группам, приведенным в таблице № 7, оказалась равной 1,15, т. е. большей, чем в любой локальной этно-территориальной группировке грузин (карталинской, хакетинской и др.). Армяне же имеют наибольшую на Западном Кавказе межгрупповую дисперсию модуля головы — 1,69 (для II групп армян Армении) и 1,75 (для 17 групп армян Армении и Грузии).

Как уже было отмечено выше, в дополнение к основному морфологическому материалу, мы имеем данные по абхазским выборкам (6 сел Очамчирского и 3 села Гудаутского районов) по серологическим системам АВО и Rh (D), генные частоты которых представлены в таблице № 8. В целом по системе АВО

наши абхазские выборки характеризуются высокой частотой встречаемости гена $r(O)$ (0,69—0,78), частотой ниже среднего по европейским масштабам гена $p(A)$ (0,16—0,21) и низкой частотой гена $q(B)$ (0,05—0,10). Такое распределение генных частот АВО характерно для западного Закавказья (Асеева, 1936; Семеновская, 1936; Вербицкий и др., 1971; Воронов, 1974; Саламатина и др., 1982; Вогопов, 1982). Высокая концентрация

Таблица 5

Средние некоторых измерительных признаков в различных этнических объединениях Кавказа (мужчины)

Этническое объединение	Исследователь	Число групп	Продольный диаметр головы в мм	Поперечный диаметр головы в мм	Головной указатель	Модуль головы	Скуловой диаметр в мм	Морфологическая высота лица в мм
Абхазы	Пестряков	8	189,8	160,0	84,4	175,89	144,9	128,5
в том числе Очамчирского р-на	"	4	189,7	159,5	84,3	174,58	144,8	129,4
в т. ч. Гудаутского р-на	"	4	189,9	160,5	84,5	175,20	145,1	127,5
Абхазо-Адыги	Абдушелишвили	16	189,3	155,7	82,4	172,52	142,3	127,8
в т. ч. абхазы	"	3	187,3	157,3	84,1	172,32	142,4	126,4
в т. ч. адыгейцы	"	5	192,1	152,8	79,7	172,48	140,7	127,9
в т. ч. черкесы и др.	"	8	188,3	156,9	83,4	172,63	143,2	128,3
Грузины-мегрелы	"	5	186,7	155,9	83,7	171,31	142,5	125,6
Грузины-гурийцы	"	3	187,4	155,4	83,0	171,43	142,0	126,2
Грузины-имеретинцы	"	9	185,3	157,4	85,0	171,37	143,1	126,0
Грузины-картали-нцы	"	8	186,8	156,3	83,7	171,54	143,4	126,3
Грузины-кахетинцы	"	7	189,4	157,0	83,0	173,24	144,7	126,0
Армяне Армении	"	11	182,4	156,7	86,0	169,53	141,8	127,6

гена $r(O)$ (0,7 и выше) возможно была характерна для всей донеолитической первобытной эйкумены, по крайней мере ее подавляющей части (Пестряков, 1980), и на западном Кавказе она является реликтом. Однако может быть и другое объяснение высокой концентрации здесь гена $r(O)$ — селективное давление природных и антропологических факторов.

Межгрупповая изменчивость частот генов ABO у абхазов ниже, чем у других исследованных в этом отношении кавказских групп популяций: азербайджанцев (Vogonov, 1982) и дагестанцев (Гаджиев, 1971). Так межгрупповая дисперсия частоты гена r(O) у абхазов равна 0,0369 (9 групп), у азербайджанцев — 0,0529 (19 групп), у дагестанцев — 0,0757 (20 групп);

Таблица 6

Внутригрупповая дисперсия (средняя по объединениям) некоторых важных морфологических признаков

Этническое объединение	Исследователь	Число групп	Продольный диаметр в мм	Поперечный диаметр в мм	Скуловой диаметр в мм	Морфологическая высота лица в мм	Среднее по 4-м признакам	Модуль головы	Головной указатель
Абхазы	Пестряков	8	6,80	6,05	5,26	6,93	6,26	4,90	4,05
в том числе Очамчирского р-на	"	4	7,17	5,93	5,18	6,94	6,30	4,94	4,19
в т. ч. Гудаутского р-на	"	4	6,43	6,16	5,33	6,92	6,21	4,88	3,91
Абхазо-адыги	Абдушелишвили	16	6,66	5,35	5,27	5,56	5,96	—	3,68
в т. ч. абхазы	"	3	6,97	5,70	4,93	6,37	5,99	—	4,07
в т. ч. адыгейцы	"	5	6,66	5,10	5,40	6,60	5,94	—	3,56
в т. ч. черкесы и др.	"	8	6,54	5,38	5,31	6,60	5,96	—	3,60
Грузины-мегрелы	"	5	7,22	5,74	5,10	6,38	6,11	—	4,68
Грузины-гурийцы	"	3	6,30	6,10	5,40	6,17	5,99	—	4,17
Грузины-имеретинцы	"	9	7,10	6,01	4,96	6,50	6,14	—	4,40
Грузины-карталины	"	8	6,20	5,24	5,18	6,22	5,71	—	3,48
Грузины-кахетинцы	"	7	6,29	5,34	4,81	6,06	5,62	—	3,37
Армяне Армении	"	11	6,04	5,38	5,18	6,15	5,69	—	3,79

гена r(A):0,0213, 0,0468, и 0,0574 соответственно: гена q(B): :0,0227, 0,0309 и 0,0616.

Что касается системы Rh(D), то абхазы в целом имеют

несколько пониженное по средневропейскому масштабу значение частоты гена D, что, по нашему мнению, также возможно указывает на архаичность в рамках серологической истории европейских популяций. Неслучайно у абхазов высокая кон-

Таблица 7.

Межгрупповая изменчивость (внутри этнотерриториальных объединений) некоторых морфологических признаков

Этническое объединение	Исследователь	Число групп	Продольный диаметр в мм	Поперечный диаметр в мм	Скуловой диаметр в мм	Морфологическая высота лица в мм	Среднее по 4-м признакам	Модуль головы	Головной указатель
Абхазы	Пестряков	8	0,78	1,11	0,71	1,23	0,96	0,88	0,22
в том числе Очамчирского р-на	"	4	0,87	0,79	0,65	0,67	0,75	0,91	0,18
в т. ч. Гудаутского р-на	"	4	0,80	1,28	0,84	0,85	0,94	0,86	0,22
Абхазо-адыги	Абдушелишвили	16	2,20	2,23	1,33	1,03	1,70	0,52	2,02
в т. ч. абхазы	"	3	0,86	0,46	0,38	1,22	0,73	0,66	0,15
в т. ч. адыгейцы	"	5	0,51	0,96	0,86	0,54	0,72	0,57	0,57
в т. ч. черкесы и др.	"	8	1,26	1,18	0,73	0,79	0,99	0,48	1,05
Грузины-мегрелы	"	5	1,11	0,63	0,95	1,45	1,03	0,75	0,46
Грузины-гурийцы	"	3	0,84	1,64	1,32	0,35	1,04	0,66	1,11
Грузины-имеретинцы	"	9	1,31	1,48	1,33	1,25	1,34	1,00	0,99
Грузины-карталинцы	"	8	1,26	0,83	0,98	1,56	1,16	0,75	0,66
Грузины-кахетинцы	"	7	0,97	0,50	0,85	1,21	0,88	0,64	0,39
Армяне Армении	"	11	2,02	1,66	1,09	1,41	1,55	1,69	0,69

центрация гена $r(O)$ системы ABO коррелирует с низкой гена D системы Rh ($r_k = -0,579$). Более того, в с. Атара фиксируется минимальное значение гена D (0,577) и максимальная гена $r(O)$ (0,787), а в с. Гвада наоборот — ген D максимален (0,800), а ген $r(O)$ минимален (0,689).

Распределение частот генов групп крови систем АВО и Rhesus (D) у абхазов

Село, район	Система АВО						Система Rh (D)		
	N ₀	p(A)	q(B)	r(O)	χ ²	P	N ₀	D	d
Очамчирск. р-н									
с. Тхина	54	.1845	.0477	.7677	1.238	.266	54	.7278	.2722
с. Члоу	204	.2225	.0708	.7066	1.406	.236	204	.6499	.3501
с. Моква	49	.1804	.0527	.7668	1.216	.270	49	.7143	.2857
с. Гвада	50	.2157	.0959	.6882	3.006	.083	50	.8000	.2000
с. Джгерда	189	.1898	.0885	.7217	0.091	.763	149	.6622	.3379
с. Атара	213	.1554	.0581	.7865	0.235	.628	212	.5766	.4234
Очамчирск. р-н	759	.1893	.0704	.7404	0.097	.755	718	.6459	.3540
Гудаутский р-н									
с. Аацы	204	.2143	.0529	.7328	0.115	.735	203	.7374	.2626
с. Дурипш	93	.2071	.1004	.6923	6.003	.014	65	.7519	.2481
с. Қалдахвара	215	.1928	.0379	.7693	0.302	.583	214	.6582	.3418
Гудаутский р-н	512	.2039	.0551	.7410	2.327	.127	482	.7013	.2987

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ рассматриваемых расо-морфологических признаков, а также частот генов серологических систем АВО и Rh(D), полученных в результате изучения ряда выборок сельского абхазского населения в Очамчирском и Гудаутском районах Абхазской АССР, приводит нас к следующим выводам и теоретическим предположениям.

1. Морфологические особенности абхазов позволяют отнести их к локальному варианту балкано-кавказской расы, в соответствии с описанием Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина (Рогинский, Левин, 1978). Вместе с тем Г. Ф. Дебец относил балкано-кавказскую расу к промежуточной между кругом северо-европеоидных, с одной стороны, и южно-европеоидных вариантов, с другой стороны, большой европеоидной расы, учитывая заметную степень ее депигментации (Дебец, 1958). Наш материал, подтверждая точку зрения Г. Ф. Дебца, в то же время позволяет говорить о значительном морфологическом и серологическом сходстве абхазов и западногрузинских групп — имеретин, гурийцев, мегрелов. Тем самым их можно отнести к колхскому антропологическому типу, как это делает М. Г. Абдушелишвили (Абдушелишвили, 1964).

2. В упомянутой работе М. Г. Абдушелишвили приводится мнение академика И. А. Джавахишвили (Джавахишвили, 1950), с которым согласен и сам автор: «Академик И. А. Джавахишвили на основании анализа колоссальных исторических и топонимических данных пришел к выводу, что «в доисторическую эпоху адыгские племена должны были жить в западном Закавказье на территории Грузии исторической эпохи». Таким образом, формирование адыгского типа на территории Западного Закавказья на основании местных антропологических типов, по-видимому, соответствует действительности» (Абдушелишвили, 1964, с. 78). Наши антропологические материалы не противоречат высказанному взгляду на генезис западнорусинских этнических групп.

3. Нами отмечена большая внутригрупповая вариабельность многих важных антропометрических и антропоскопических признаков (морфологический полиморфизм) у абхазов. В этом отношении, согласно данным М. Г. Абдушелишвили (1964), наибольшее сходство с абхазами обнаруживают некоторые западнорусинские группы (имеретины, мегрелы). С нашей точки зрения, большая внутригрупповая изменчивость (морфологический полиморфизм) имеет косвенную связь с распространением долгожителства в этих группах на популяционном уровне, в связи с тем, что морфологический полиморфизм указывает на генотипическое разнообразие, обеспечивающее большую выживаемость за счет разнообразия адаптивных механизмов.

4. Исследование межгрупповой изменчивости (между селами) морфологических признаков у абхазов, показывает дисперсию средней величины, обычную для других кавказских этнических объединений. Но по головному указателю абхазы выделяются очень малой величиной межгрупповой изменчивости (форма головы варьирует мало), что указывает на их однородность по этому существенному признаку.

По такому таксономически очень важному признаку, как модуль головы, наблюдается антропологическая однородность всего адыго-абхазского этнолингвистического объединения, что возможно свидетельствует о реальном древнем антропологическом единстве адыго-абхазов, которое находит свое подтверждение в лингвистической общности.

5. В отношении полового диморфизма следует отметить, что у женщин абхазок наблюдается меньшая внутригрупповая изменчивость морфологических признаков при большей межгрупповой изменчивости, чем у абхазов мужчин. Пока мы не можем объяснить этого явления — требуется самостоятельное исследование, посвященное половому диморфизму.

В целом женщины у абхазов отличаются более светлым цветом кожи (чаще встречается № 3 по шкале Лушана), чем мужчины, некоторым повышенным процента встречаемости желтых глаз, большей распространенности узковолнистой формы волос.

6. Серологические данные (системы ABO, Rh(D)) также указывают на значительную однородность абхазов, как и морфологические признаки, и на их близость к западногрузинским группам, выделяя их среди других народов Кавказа низким содержанием гена q(B) и высоким содержанием гена r(O).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдушелишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964.
2. Асеева С. М. Группы крови у населения Абхазии. Труды Института тропической малярии Груз. ССР. Тбилиси, 1936, т. 2.
3. Вербицкий М. Ш., Гогохия Ш. Д., Башлай А. Г., Моргулис Н. Б., Анненков Г. А., Мирвис А. Б., Шнитцер С. Распределение изоантигенов генетических систем крови среди населения Абхазской Сванетии. Сообщ. 1. Изоантигены систем ABO, MNS_s, P, Lewis и Lutheran Вопросы антропологии, 1971, вып. м39, с. 17—30.
4. Воронов А. А. Антропологические особенности распределения групп крови в Закавказье. — В кн.: Антропология и генеogeография. М., 1974, с. 175—197.
5. Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1965.
6. Дебец Г. Ф. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас. — Советская этнография, 1958, № 4.
7. Джавахишвили И. А. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1950.
8. Пестряков А. П. Расово-морфологическая характеристика абхазов с Члоу. — В кн.: Феномен долгожительства. М., 1982, с. 183—189.
9. Пестряков А. П. Антропологическое исследование юго-востока Средней Азии. Автореф. канд. дисс., М., 1980.
10. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1978.
11. Саламатина Н. В., Далакишвили С. М., Бакурадзе Н. А., Гецадзе Х. А., Лелашвили Н. Г., Микадзе Н. Г., Тотабидзе Н. В. Распределение некоторых эритроцитарных антигенов и сывороточных белков в долгожительских группах абхазов. — В кн.: Феномен долгожительства. М., 1982, с. 141—151.
12. Семеновская Е. М. Изучение групп крови народов Кавказа. — Советская этнография, 1936, №№ 4—5.
13. Vоgоnоv А. Some Genogeographic Aspects of Anthropological Studies in the Peoples of the Caucasus. Collegium Antropologicum (Zagreb), 1982, v. 6, № 2, pp. 181—195.

П. К. КВИЦИНИЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ТЕЛА ДОЛГОЖИТЕЛЬСКИХ ГРУПП АБХАЗИИ*

Антропологические, и прежде всего морфологические данные, объясняющие закономерности пространственной и временной изменчивости «человека», определенным образом могут объяснить сложный характер взаимосвязи между морфологическими особенностями тела человека и состоянием его здоровья, продолжительностью его жизнедеятельности.

Поиск всеобщих и выявление особенных морфологических характеристик у групп населения, локализованных в течение достаточно долгого исторического промежутка времени в определенных экологических нишах, задача первостепенная прежде всего для антропологов.

Коренное население Абхазии — абхазы, проживающие с доисторических времен в существующих в Абхазии сравнительно комфортных природно-климатических условиях, представляют для антропологов, медиков, геронтологов как объект исследования, большой интерес. Одним из объектов изучения в последние годы стало явление долгожительства у абхазов, фиксирующееся у них на протяжении нескольких веков.

Материал, положенный в основу настоящего сообщения, был собран во время работы комплексной экспедиции на протяжении 1978—1981 годов в Абхазской АССР и представляет собой выборки из мужского населения восьми абхазских сел: Пакуаш, Члоу, Джгерда, Атара — Очамчирского района; Абгархук, Ачандара, Отхара, Джирхуа — Гудаутского района. Села — Пакуаш, Атара, Абгархук и отчасти Джирхуа, расположены в прибрежной зоне, Члоу, Джгерда, Ачандара и Отхара — в предгорно-холмистой зоне. Наибольшим показателем индекса долгожительства из этих сел обладает население села Члоу.

Всего нами обследовано было 795 мужчин абхазов в возрасте от 20 до 50 лет, среди которых представители всех профессий и социальных слоев современного сельского населения Абхазии. В подавляющем большинстве своем это люди физического труда — сельские рабочие и колхозники.

* Краткий вариант этой статьи опубликован в сборнике «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас», М., «Наука», 1986.

Программа нашего морфологического исследования включает 32 измерительных и 7 описательных признаков, учтенных при обследовании населения в полевых условиях. На основе измерительных данных вычислен ряд производных показателей. Измерения производились по методике, принятой в НИИ антропологии МГУ («Методика морфофизиологических исследований в антропологии», 1981).

Биометрические методы, примененные в данной работе, были подчинены конкретным задачам анализа материала. Для оценки закономерностей внутригрупповой изменчивости морфологических признаков были получены средние арифметические величины (\bar{x}), средне-квадратические отклонения (S) и коэффициенты вариации (C).

Осуществлена оценка достоверности географической дифференциации морфологических признаков у мужчин абхазов на территории Абхазии с помощью t — критерия Стьюдента (парное сравнение групп) и коэффициента Фишера — F (дисперсионный анализ общей выборки и выборок населения двух этноисторических районов — Абжуйской и Бзыбской Абхазии). Методом обобщенного расстояния Махаланобиса (D^2) анализированы две большие группы морфологических признаков различных по характеру влияния средовых и генетических факторов.

Таблица 1

Антропоморфологическая характеристика мужчин-абхазов
20—50 лет (n=795 человек)

Признаки	\bar{x}	S	C
Длина тела, см	168,8	6,06	3,59
Вес тела, кг	70,8	9,88	13,97
Обхват груди, см	92,2	6,07	6,58
Длина туловища, см	51,33	2,91	5,67
Длина руки, см	74,63	3,34	4,47
Длина ноги, см	89,79	3,84	4,28
Плечевой диаметр, см	39,95	1,92	4,80
Тазовый диаметр, см	29,67	1,78	6,03
Поперечный диаметр груди, см	28,75	2,00	6,97
Обхват талии, см	84,04	9,00	10,71
Обхват ягодиц, см	94,21	5,96	6,33
Обхват плеча (в ненапряженном состоянии), см	27,97	2,36	8,45
Обхват бедра, см	52,22	4,41	8,45
Обхват голени, см	35,27	2,54	7,19
Жировая складка на плече (латер) мм	7,57	2,54	22,57
Жировая складка под лопаткой, мм	11,19	4,15	37,07
Жировая складка на животе, мм	13,77	5,19	39,34
Количество всего жира, кг	10,65	4,14	3,88
Жир в % к массе тела	14,77	4,20	28,43

Оценка статистических параметров морфологических признаков тела показывает, что тотальные размеры тела у мужчин абхазов характеризуются как средние, или несколько выше средних по межгрупповому масштабу для сельского европеоидного населения.

Абсолютные и относительные размеры скелета (см. табл. 1) свидетельствуют о его средней массивности. Отмечаются следующие значения средних величин: по ширине плеча — 39,9 см, ширине таза — 29,7 см, ширине мышцелков плеча — 70,2 мм, предплечья — 59,1 мм, голени — 72,9 мм, бедра — 97,8 мм, диаметры грудной клетки — поперечный — 28,6, продольный — 21,8 см.

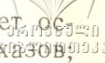
По признакам, характеризующим пропорции скелета, абхазы относятся к мезоморфному типу. Так, по отношению к длине тела длина ноги составляет в среднем 53,2%, длина руки — 44,2%, ширина плеч — 23,7%, ширина таза — 17,6%.

Для абхазов наиболее характерна прямая форма осей ноги, в группе мужчин она составляет около 60% численности обследованных. Почти отсутствуют формы крайней астении и ожирения. Скелет грудной клетки хорошо развит, как в поперечном, так и в продольном направлениях. Редко встречаются мужчины с плоской формой грудной клетки, характерная цилиндрическая форма составляет большую часть выборки (42%). Средняя величина показателя формы грудной клетки — отношение продольного диаметра к поперечному — равняется 76%. Форма спины и грудной клетки и в 50 лет сохранены без заметных изменений.

Обхваты плеча, предплечья, бедра и голени (27,9 см, 27,3 см, 52,2 см, 35,4 см, соответственно) пропорционально развиты и достаточно велики, средняя величина силы сжатия правой кисти по ручному динамометру колеблется около 50 кг, левой около 42 кг. В целом мускулатура и в 50 лет обладает хорошим тонусом и достаточным объемом. Процент лиц со значительно развитой мускулатурой в группе приближается к 40%.

Мужчины абхазы характеризуются слабым развитием подкожного жира, особенно на конечностях. Величина толщины жировой складки на плече, предплечье, бедре и голени — варьируют в среднем от 4,5 до 8,3 мм, значение средней из 8-ми жировых складок — 8,8 мм. Относительное содержание жира в процентах веса тела в среднем составляет 14,8%, а модальный класс находится в пределах 10—12%. Эти данные находят дополнительное объяснение при интегральной оценке соматического статуса исследованной группы.

Для мужчин абхазов (20—50 лет) было получено следующее соотношение типов телосложения (в % выборки): грудной — 9,7; грудно-мускульный — 16,4; мускульно-грудной — 1,11; мускульный 38,0; мускульно-брюшной — 3,1; брюшно-мускульный — 6,6; брюшной — 3,7; неопределенный — 7,3.

Полученное соотношение типов телосложения выявляет основные особенности соматотипического статуса мужчин абхазов: незначительное количество «чисто» астеноидных вариантов (грудной тип); относительно большое количество в населении переходных — грудно-мускульных, мускульно-грудных типов телосложения; минимальное количество лиц с обильным развитием жировотложения.

Анализ территориальной изменчивости процента встречаемости основных типов телосложения показывает следующее: процент мускульного типа колеблется от максимального уровня 49,2% в селе Пакуаш до минимального — 23,3% в селе Члоу. Если между двумя этно-историческими районами (Гудаутским и Очамчирским) разница в соотношении типов телосложения незначительная, то между двумя ландшафтными зонами (прибрежье, предгорье) она более существенна. Мускульный тип населения прибрежной зоны составляет 41,9%, в предгорной — 43,5%. Примечательно, что соответственно с этим у населения предгорной зоны повышен процент «грудных» и «переходных» типов (грудной, грудно-мускульный, мускульно-грудной) и составляет 41,5% против 32,3% у населения прибрежья. Процент людей со склонностью к ожирению, то есть «брюшных», «брюшно-мускульных» и «мускульно-брюшных» типов как в первый, так и во второй зоне не высок и составляет всего 15—18%. Доля лиц с обильным жировотложением (брюшной тип) колеблется от 1,6% у населения села Члоу до 7,0% у населения села Абагархук.

Население выделенных нами двух природно-климатических зон обнаруживает различие и по многим другим признакам: длине ног, продольному диаметру груди, тазовому диаметру, верхнему отрезку туловища, обхват запястья, жировым складкам на конечностях.

Мужское население прибрежья, по сравнению с предгорным, более массивнее и крупнее. Величины признаков, характеризующие жировой и мускульный компоненты, у мужчин абхазов прибрежной зоны выше, чем у мужчин предгорной зоны, у которых чаще встречаются индивидуумы с более гармоничным физическим развитием. В качестве основных показателей физического развития принимались такие признаки как длина и масса тела, обхваты грудной клетки талии и ягодиц, ширина плеч и таза. Величины этих признаков и их соотношения между собой дают общее представление об уровне физического развития исследуемого объекта. Состояние физического развития и некоторые функциональные возможности организма (работоспособность, выносливость, психические качества, сопротивляемость организма к заболеваниям и т. д.) находят в определенной взаимосвязи. Примечательно, что наибольшее число лиц с гармоничным физическим развитием встречается в предгорной зоне

у населения возрастной когорты 30—40 лет (в селах Члоу, Джгерда, Ачандара, Отхара).

В изученных нами возрастных поколениях (20—29, 30—39 и 40—49 лет) мужчин абхазов сравнительно меньшую изменчивость проявляют признаки, характеризующие скелет: длина туловища (разница средних величин признака между возрастными группами 20—29 и 40—49 лет составляет 0,22 см; длина верхнего отрезка туловища (1,20 см); длина руки (1,20 см); длина ноги (1,04 см); величины диаметров мышелков длинных костей конечностей — плеча (1,06 мм), предплечья (0,07 мм), бедра (0,37 мм), голени (0,03 мм); плечевой диаметр (0,53 см), тазовый диаметр (0,56 см), поперечный диаметр груди (0,64 см), продольный диаметр груди (1,62 см).

Существенно, что с возрастом между группами 20—29 и 40—49 лет уменьшается значение средней длины тела на 2,42 см; увеличиваются: вес тела на 2,92 кг; обхват талии на 7,68 см; обхват ягодиц на 2,61 см; толщина жировых складок под лопаткой, на груди, на животе на 1,5—2,5 мм; количество жира по отношению к массе тела на 1,92%.

Несмотря на отсутствие какой-либо заметной разницы между возрастными группами по объему мускулатуры, тонус ее снижается с возрастом, а разница в силе сжатия ручного динамометра между мужчинами возрастных групп в 20—29 и 40—49 лет составляет около 15—20 кг.

Количество жирового компонента в выборках различных возрастных групп, увеличивается от молодых возрастов к старшим. Прежде всего это увеличение касается подкожной жировой клетчатки на корпусе (особенно на животе). Количество подкожного жира на конечностях в большинстве случаев начинает увеличиваться лишь после 40 лет, и то весьма незначительно. По нашему мнению, обнаруженная у абхазских мужчин незначительная тенденция к увеличению количества жирового компонента с возрастом не оказывает отрицательного влияния на их здоровье и процесс старения. Сравнительная стабильность средних характеристик, у различных возрастных групп и степени однородной выраженности соматических особенностей у этих групп, по-видимому, являются следствием сравнительно замедленной изменчивости традиционной формы образа жизни, условий труда и питания.

Возрастная изменчивость типов телосложения в группах мужчин абхазов заключается прежде всего в трансформации мускульных и переходных (грудно-мускульного и мускульно-грудного) типов в мускульно-брюшной, брюшно-мускульный, брюшной и неопределенный типы. При этом в возрастной группе 40—49 лет все еще сохраняется значительный процент переходных — грудно-мускульного и мускульно-грудного (22,3%) и мускульных типов (33,0%), а доля брюшного типа не превышает 6,7% выборки (см. табл. 2).

Возрастная динамика соотношения типов телосложения
у мужчин абхазов (в % выборки)

	Типы телосложения	20—29 лет	30—39 лет	40—49 лет
1	Грудной	8,9	9,0	8,4
2	Грудно-мускульный	20,1	11,4	14,6
3	Мускульно-грудной	13,4	13,5	7,7
4	Мускульный	51,8	45,7	33,0
5	Мускульно-брюшной	1,9	5,2	9,6
6	Брюшно-мускульный	2,6	5,2	9,6
7	Брюшной	0,6	2,4	6,7
8	Неопределенный	0,6	7,6	10,3

Для количественного определения морфологических различий между исследованными группами методом обобщенных расстояний Махаланобиса (D^2) были рассчитаны расстояния для двух больших групп признаков — наиболее генетически детерминированных, характеризующих скелет, и признаков, имеющих более выраженную средовую детерминацию — характеризующих жировой и мускульный компоненты тела. При этом наименьшие величины обобщенных расстояний по размерам скелета обнаруживаются между селами, имеющими общий круг брачных связей (в Очамчирском районе — между селами Атара и Джгерда, Пакуаш и Члоу; в Гудаутском районе — между селами Ачандара и Абгархук, Джирхуа и Отхара). Примечательно, что обобщенные расстояния и по признакам, характеризующим жир и мускулатуру, дают наименьшие значения между селами, расположенными внутри района. Абсолютные величины обобщенных расстояний по группе признаков, характеризующих скелет в целом, заметно ниже, чем по признакам, характеризующим мускульный и жировой компоненты тела.

Проанализировав внутригрупповую и межгрупповую изменчивость морфологических особенностей тела мужчин абхазов, мы приходим к заключению в том, что взрослое абхазское мужское сельское население в целом характеризуется наличием значительной доли лиц с оптимальным соотношением соматических компонентов, гармоническим физическим развитием и незначительным числом крайних его вариантов — истощения и ожирения. В целом для мужского сельского абхазского населения характерны: растянутость во времени формирования и роста организма в юношестве, несколько замедленная возрастная изменчивость в зрелом возрасте; в определенных условиях это ведет к длительной старости с сохранением достаточной физической дееспособности. Сказанное в наибольшей степени касается сел предгорной зоны, где и наблюдается чаще явление долгожительства.

Среди сельского абхазского населения отмечается определенная территориальная морфологическая дифференциация населения в отношении развития жирового и мускульного компонентов тела и соотношение типов телосложения. Мужское население предгорной зоны по сравнению с населением прибрежной характеризуется более стабильным темпом эпохального тренда. Данное явление согласуется с существованием в предгорной зоне сравнительно устойчивых во времени стабильных факторов среды (социально-экономических, природно-климатических, демографических и т. д.).

Таблица 3

Величины обобщенных расстояний населения 8 сел Абхазии по двум группам морфологических признаков

	Признаки скелета: длина — туловища, верхнего отрезка туловища, ноги, руки, ширина — плеч, таза, поперечного и продольного диаметра груди, эпифизов плеча и голени							
	село Пакуаш	село Члоу	село Джгерда	село Агара	село Абгархук	село Ачандара	село Отхара	село Джирхуа
с. Пакуаш	—	1,596	0,549	0,262	1,541	1,310	2,544	1,990
с. Члоу	0,807	—	0,488	1,198	2,558	3,595	5,866	3,183
с. Джгерда	1,968	0,716	—	0,382	1,515	1,740	3,382	1,889
с. Агара	0,539	0,684	0,622	—	1,660	2,070	3,619	2,186
с. Абгархук	5,725	6,611	6,261	6,794	—	1,343	2,623	0,860
с. Ачандара	5,193	6,139	5,304	6,099	0,453	—	0,665	1,040
с. Отхара	4,124	4,645	3,937	4,614	2,223	1,7,3	—	2,133

Признаки жирового и мускульного компонентов тела; вес тела, обхваты — груди, талии, ягодиц, бедра, голени; толщина жировых складок — под лопаткой — на плече, на животе; количество жира в % к массе тела.

По-видимому, явление долгожительства обнаруживается у лиц, имеющих наиболее гармоничное развитие в 40—50-летнем возрасте. К гармонически развитому типу телосложения (с которым связано долгожительство) у абхазов по нашему мнению следует отнести не конкретный тип с выраженными свойствами (грудной, мускульный, брюшной), а синтетически интегральный тип, являющийся переходной формой и включающий в себе оптимальное сочетание полезных качеств других типов. Такой тип телосложения (например: мускульно-грудной) при прочих равных условиях влияет на долговечность жизнедеятельности организма.

Явление долгожительства возникает при определенных условиях среды. По-видимому, проблема продления жизни человека будет положительно решена только при соответствующей оценке роли внешней среды в формировании таких организмов. Социально-экономические, гигиенические, хозяйственно-бытовые, культурные и другие отдельные перемены в жизни человека не приводят к долгожительству. Только комплекс условий антропо-экологической ниши могут создать долгожительские формы организмов.

Отмеченные особенности морфологического статуса мужчин абхазов и долгожительство сложились под влиянием общих факторов: сравнительной комфортностью климатической зоны обитания; разнообразностью и постоянством физических нагрузок в процессе умеренного труда; сезонностью характера питания, разнообразием компонентов и умеренностью калорийности пищи; особенностями структуры брачных связей, характеризующихся как «саморегулирующаяся» биологическая единица, не выходящая далеко за рамки собственной этнопопуляции, в то же время при горизонтальном распределении генов не замыкающихся внутри только своей популяции («пульсирующая диффузия генов»). Эти же факторы, по нашему мнению, являются основными определяющими современный статус антропоморфологии абхазов сельских мужчин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. И. Географическая изменчивость морфологических признаков в связи с проблемой адаптации. — Вопросы антропологии, 1979, вып. 60, с. 15—23.
2. Алексеева Т. И., Доброванова С. В. География типов телосложения у человека. — Вопросы антропологии, 1980, вып. 66, с. 91—106.
3. Башкиров П. Н. Учение о физическом развитии человека. Изд-во МГУ, М., 1962, с. 339.
4. Волков-Дубровин В. П., Воронов А. А., Смирнова Н. С., Шагурина Т. П. Комплексные морфофизиологические исследования в Абхазии. — Вопросы антропологии, 1982, вып. 69, с. 28—38.
5. Воробьев А. Н., Сорокин Ю. К. Алгебра красоты. Стратегия питания. Проблемы больших мышц. Что такое идеальный вес? — В книге: Анатомия силы. Физкультура и спорт, М., 1980, с. 28—122.
6. Зубов А. А., Козлов В. И. Понски причин долгожительства. Проспект журнала «Наука в СССР», 1980, с. 47—50.
7. Карсаевская Т. В., Шаталов А. Г. Философские аспекты геронтологии. М., «Наука», 1978, с. 216.
8. Квициниа П. К. О результатах морфологического исследования мужчин абхазской популяции. Изд-во «Алашара» ж. «Алашара», Сухуми, 1982, № 10, с. 87—91.

9. Квициниа П. К. Территориальная изменчивость морфологических особенностей мужчин-абхазов. Вопросы антропологии, 1983, вып. 13, с. 79—93.

10. Козлов В. И. Долгожительство и долгожители. Ж. «Природа», 1980, № 7, с. 91—98.

11. Методика морфологических исследований в антропологии. Изд-во МГУ. М., 1981, стр. 104.

12. Миклашевский Н. Н., Соловьева В. С., Гилярова О. А., Пескина М. Ю. Ростовые процессы у абхазских детей и подростков в популяции с высоким процентом долгожителей. — Вопросы антропологии, 1982, вып. 70, с. 13—21.

13. Павловский О. М. Оссеографические показатели в долгожительской популяции абхазов. — Вопросы антропологии, 1982, вып. 69, с. 39—49.

14. Пестряков А. П. Расово-морфологическая характеристика абхазов, с. Члоу. В сб.: Феномен долгожительства. «Наука», М., 1982, с. 183—189.

15. Смирнова Н. С., Шагурина Т. П. О характере изменчивости морфологических признаков у мужчин и женщин в районах с различным комплексом географических условий обитания. — В сб.: Изменчивость морфологических и физиологических признаков у мужчин и женщин. «Наука», М., 1982, с. 59—74.

16. Сборник: «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас» М., «Наука», 1986.

В. И. КОЗЛОВ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в этой книге статьи отражают различные важные аспекты этнографической и антропологической частей комплексного исследования феномена абхазского долгожительства. Другую существенную часть такого комплексного исследования составили работы по медицинской и генетико-биологической тематике, что при изучении долгожительства было гораздо более традиционно — такие геронтологические исследования в нашей стране, да и в других странах мира, проводятся уже сравнительно давно; в СССР они возглавляются Институтом геронтологии АМН СССР (г. Киев), по Грузии — отделом геронтологии Института экспериментальной морфологии АН Груз.ССР (г. Тбилиси). Привлечение к разработке проблем долгожительства этнографов и антропологов, определившее кстати сказать, оригинальность и широту всего этого комплексного исследования, обуславливалось рядом причин, которые уместно хотя бы кратко рассмотреть, чтобы в заключение показать место и роль тематики, отраженной в отдельных статьях данной книги.

Долгожители, т. е. люди в возрасте 90 лет и старше, встречаются по существу во всех областях и республиках нашей страны; только в Москве, например, с ее восьмимиллионным населением таких людей почти в 4 раза больше, чем во всей Абхазии. Однако в процентном отношении долгожителей в Москве в 35 раз меньше, чем в Абхазии, и примерно в 50 раз меньше, чем среди абхазов (на 1970 г.). Большое значение имеет и то, что московские долгожители мало чем связаны друг с другом, да зачастую и не знают о существовании друг друга; у них есть общие черты жизни, но эти черты обусловлены теми внешними для них особенностями городской среды, которые почти с одинаковой силой действуют, скажем и в Ленинграде, и в Киеве, и в Баку. Короче говоря, они представляют собой, так называемую, статистическую совокупность людей, выделенную по месту их жительства. Что же касается абхазских долгожителей, то они связаны друг с другом по-существу десятками крепких нитей и зачастую лично знакомы между собой. В целом все они входят в сравнительно небольшой, специфический в культурно-бытовом отношении народ (этнос), могущий с некоторой условностью быть названным абхазской долгожительской популяцией.

Как отмечалось во Введении, еще первые попытки исследования долголетних людей в Абхазии (да и в других частях страны) характерны вниманием к особенностям их жизни, их распорядка дня, питания, личных привычек и т. п., а также, например, к их семейному положению, особенностям психики и другим индивидуальным характеристикам. Однако такие наблюдения были довольно отрывочными и в общем неглубокими, они использовались скорее для догадок о связи долголетия тех или иных конкретных людей с особенностями их личности и всего жизненного уклада, нежели для подлинно научных выводов; часто они носили преимущественно иллюстративный характер. Некоторые характеристики образа жизни и личных свойств долголетних людей фиксировались и в более основательных геронтологических исследованиях. Но там, где в подобных исследованиях практиковался сбор материалов по большим группам долгожителей (обычно с применением анкетного метода), такие характеристики редко связывались с медико-биологическими обследованиями; там же, где исследователи к такой связи стремились, изучение феномена долголетия велось опять-таки на индивидуальном, а не на популяционном или групповом уровне. На основании медицинских обследований геронтологи приходили к выводам о том, что по степени изношенности основных органов (сердечно-сосудистой системы, дыхательной системы и др.) и в целом, по так называемому биологическому возрасту, долгожители оказывались моложе своего календарного или хронологического возраста. Но причины этого явления были довольно неопределенными и во всяком случае настолько различались у разных людей, что перейти от индивидуальных характеристик к широким обобщающим выводам было трудно. Вероятно, именно поэтому наиболее существенные гипотезы о причинах старения организма людей были сформулированы и основные биолого-геронтологические выводы о закономерностях этого процесса были получены благодаря исследованиям не на личностном, а на клеточном уровне.

Изучение же естественно-исторически возникшего и достаточно устойчиво (по меньшей мере в течение 2—3 поколений) прослеживаемого феномена группового (в данном случае — абхазского) долгожительства позволило сразу же направить исследование в новом, до сих пор не практиковавшемся во всей мировой науке направлении. Важное значение при этом сразу же получила характеристика специфики образа жизни исследуемой группы, а точнее — ее этно-экологических особенностей как в части взаимодействия абхазов со специфической для них окружающей природной средой, так и в части их внутригрупповых — социальных и культурно-бытовых отношений, связанных с традициями, психическими особенностями и т. п. Существ-

венное место при этом также сразу же заняло и антропологическое исследование абхазов, что ранее никогда не применялось при изучении феномена долгожительства.

Во Введении к данной книге отмечалось, что примерно одновременно с ней из печати выходит коллективная монография «Абхазское долгожительство», в которой обобщены основные результаты комплексного исследования, проведенного за более чем пятилетний период силами научных сотрудников различных специальностей. Там же во Введении кратко сообщалось и о содержании монографии «Абхазское долгожительство», существенное место в которой заняли, в частности, разделы, посвященные биолого-медицинским исследованиям феномена группового долгожительства. Что же касается данной книги, то, как смогут убедиться и сами читатели, она представляет собой своего рода дополнение к данной монографии. Тематически это дополнение менее широко, оно ограничено рамками демографического, этнографического, психологического и антропологического аспектов комплексной проблемы долгожительства, т. е. именно такими аспектами, которые придали всему исследованию группового долгожительства наибольшую оригинальность. Концентрация внимания на указанных аспектах комплексного исследования позволило углубиться в существо отдельных вопросов и рассмотреть некоторые смежные с ними, что придало данной книге и достаточно самостоятельный характер.

В связи с этим, целесообразно остановиться на кратком обзоре статей данной книги с рассмотрением наиболее интересных из содержащихся в них фактов и выводов.

Демографическая тематика представлена в книге двумя статьями. Первая из них, посвященная общей демографической характеристике населения Абхазии, дает тот необходимый статистический материал, без которого невозможно не только исследование явлений долгожительства, но и по-существу изучение любых аспектов жизни этой республики. Однако в связи с тематикой данной книги надлежит обратить особое внимание читателей на таблицу индексов долгожительства по крупнейшим национальностям Абхазии (см. стр. 15). Эта таблица ясно показывает, что основной индекс долгожительства (отношение числа людей в возрасте 90 лет и старше к числу людей в возрасте 60 лет и старше — в таблице ИД₂) у сельских абхазов, которые и были основным объектом нашего исследования, — в 5,5 раз выше, чем у живущих в сельской местности Абхазии русских, и почти в 2 раза выше, чем среди живущих там же грузин и армян. Из этого следует тот важный вывод, что благоприятные в целом для жизни людей природные условия Абхазии и занятие сельским хозяйством с регулярным пребыванием на свежем воздухе и соответствующими физическими нагрузками, к чему призывают геронтологи, сами по себе еще не обеспечивают долголетия. Для этого, следовательно, нужны ка-

ние-то дополнительные факторы. Одним из них, несомненно, является давность обитания той или иной этнической группы в конкретной природной среде, длительность ее естественной адаптации к этой среде, причем приобретенное физиологическое приспособление к ней организма может в какой-то степени передаваться новому поколению, повышая его жизнеспособность. Другим — успешность адаптации этнических групп к природной среде; учитывая же, что основным механизмом такой групповой адаптации является трудовая деятельность людей, их культура (прежде всего так называемая материальная культура — жилище, одежда, пища и т. д.), то эта успешность обусловлена определенной культурно-бытовой спецификой данной группы, передаваемой от поколения к поколению в виде народных традиций. И, видимо, отчасти поэтому у русских, сравнительно недавно поселившихся в Абхазии и еще недостаточно адаптировавшихся к ее природным условиям ни в физиологическом, ни в культурно-бытовом отношении, индекс долгожительства пока ниже среднего по стране.

Вторая демографическая статья — о верификации возраста долгожителей — имеет тематически более узкие рамки, чем первая, но значение ее содержания для всего комплексного исследования феномена долгожительства очень велико, ибо должным научным выводам служат только тщательно проведенные исходные данные. Пересказывать хотя бы кратко содержание этой статьи, как и первой, явно нецелесообразно, но хотелось бы обратить внимание читателей на отмеченную в ней социальную престижность возраста у абхазов. Это явление, нередко находящее свое отражение в случаях завышения фактического возраста старых людей, вместе с тем представляет собой важную особенность всей традиционной жизни не только абхазов, но, видимо, в той или иной степени, всех долгожительских этнических групп. Сама по себе престижность возраста — это лишь одно из проявлений особой социально-психологической — «геронтофильной атмосферы», т. е. той атмосферы подчеркнутого уважения к старым людям и заботы о них, которая во многом способствует их долголетию. Там, где старые люди не окружены достаточным вниманием и заботой, где они чувствуют себя оторванными от жизни коллектива, одинокими мало кому нужными людьми, — случаев долгожительства очень мало.

Этнографические по своей тематике статьи начинаются с очерка, показывающего традиционные представления абхазов о жизнедеятельности организма человека. Этот очерк вводит нас в обширную и до сих пор мало изученную область общепсихологических народных концепций, в данном случае — связанных со здоровьем людей, в область, где так называемая народная медицина переплетается с этнической психологией. Среди многочисленных затронутых в этой статье вопросов следует отметить традиционно настороженное отношение абхазов к потовы-

делению, взгляд на пот как на что-то сильно загрязняющее человека. С этим воззрением связано и распространенное среди старых людей мнение о том, что тяжелый физический труд не способствует долголетию. Аналогичные взгляды отражены и в большой статье о трудовой деятельности абхазских долгожителей. Надлежит заметить, что содержание этой статьи шире ее заглавия. В ней в форме живого научно-популярного очерка содержатся краткие жизнеописания нескольких абхазских долгожителей, их традиционные занятия в земледелии, скотоводстве и домашнем хозяйстве, семейные отношения и т. д. Показ всего длинного и нередко трудного пути конкретных старых людей позволяет опровергнуть бытующее неверное представление о том, что долголетие — это, якобы, результат полностью спокойной, счастливой жизни. Большинство геронтов испытывали в своей жизни не только радость но и большое горе, однако благодаря, видимо, сильной жизнеспособности их организма, да и существенной поддержке со стороны окружающих, связанной с той самой геронтофильной социально-психологической атмосферой абхазского общества, о которой говорилось выше, они сумели преодолеть негативные последствия вызванных этим горем стрессов.

В широкой и сложной системе жизнеобеспечения, направленной на поддержание здоровья людей и их многообразной деятельности, особо важная роль принадлежит питанию. Распространено мнение о том, что «кавказское», в данном случае — абхазское долгожительство во многом обусловлено особенностями традиционного питания. При углубленном изучении этого фактора долголетия приходится учитывать не только калорийность пищи и ее состав (белки, жиры, углеводы, витамины и т. д.), но и способ приготовления пищи, время ее приема, особенности трапезы и многие другие стороны питания, которые обычно изучаются не медиками-диетологами, а этнографами. В данной книге помещена статья, посвященная рассмотрению наиболее важной части пищи абхазов, представленная ее растительными компонентами. Обращает на себя внимание богатство этих растительных компонентов и разнообразие способов их использования для питания, что свидетельствует об уже упомянутой давней и в целом успешной адаптации абхазов к природно-экологическим условиям их жизни. Эту адаптацию, впрочем, нельзя считать полностью завершенной: так, абхазы не употребляют в пищу съедобных грибов, довольно широко распространенных в предгорных лесах, нередко — вблизи их селений. Следует отметить также, что питание абхазов близко к рекомендуемому геронтологами для людей пожилого и старческого возраста, но его нельзя считать вполне оптимальным для людей молодого возраста, которым требуется больше белков животного происхождения. Традиционное питание других долгожительских групп Кавказа, например азербайджанцев, довольно существенно от-

личается от питания абхазов, поэтому этот важный фактор здоровья и долголетия, очевидно, полностью проявляется в тесном взаимодействии с другими факторами.

Антропологическая тематика в данной книге представлена двумя статьями. В первой из них, посвященной сравнительной антропологической характеристике абхазов, сделан интересный в научном отношении вывод о том, что сравнительно небольшие по численности абхазы отличаются значительным разнообразием антропологических признаков, т. е. морфологическим полиморфизмом. Такому их антропологическому разнообразию, вероятно, соответствует и большая вариабельность адаптивных свойств как на индивидуальном уровне, так — в результате удачных комбинаций — и на популяционном уровне, что и приводит в конечном результате к большей вероятности появления феномена группового долгожительства. Во второй статье речь идет о так называемых конституциональных, т. е. главным образом телесных особенностях абхазов. Еще при первых встречах с абхазскими долгожителями бросалось в глаза, что большинство из них — это люди сравнительно невысокого роста и худощавые; в данной статье это первое зрительное впечатление уточняется материалами широкого специального обследования. Автор приходит к интересному выводу о том, что к долголетию более способны люди с определенным телосложением, хотя конкретное значение и действие тех или иных характеристик конституции, например роста, еще не изучено.

Особенности конституции человека, как и другие биологические по своей сущности характеристики, как известно, передаются по наследству от одного поколения — к другому, и уже это говорит о необходимости учета в данном исследовании генетических факторов. О важном значении генетических факторов для долголетия свидетельствуют и многие исследования медиков-геронтологов. Однако насколько велико значение этих факторов по сравнению с природно-экологическими факторами и с факторами образа жизни сказать трудно. Кроме того при изучении феномена долгожительства перед исследователями стоят не три отдельных системы факторов, а три группы факторов, органически взаимодействующих в пределах одной системы. Основная часть особого генофонда абхазской популяции, как и у большинства других популяций, сформировалась, вероятно, в биолого-медицинскую часть всей комплексной работы по изучению долгожительства. Медико-генетики уже давно пришли к выводу о том, что браки между близкими родственниками (так называемый инбридинг) отрицательно сказываются на здоровье нового поколения. Упрощать это явление не следует, неблагоприятные последствия инбридинга проявляются лишь тогда, когда в тех или иных родственных линиях уже имеются наследственно передаваемые болезни. Но так или иначе, чем строже соблюдаются запреты на такие браки, чем шире брачные круги.

как это наблюдается у абхазов, тем чаще можно ожидать, при прочих равных условиях, случаев долгожительства. Большие размеры брачных кругов у абхазов, выходящих далеко за пределы соответствующих селений, позволяют с некоторой условностью представить его в виде единой популяции или по крайней мере в виде двух близкородственных популяций (абжуйской и бзыбской), связи между которыми все более усиливаются.

Выше уже говорилось о существовании внутри этнических долгожительских групп особой социально-психологической атмосферы, способствующей долголетию. Следует особо подчеркнуть, что одним из наиболее оригинальных результатов всего комплексного исследования долгожительства как раз и было установление того важного места, которое занимают среди его причин психологические факторы. В статье, специально посвященной таким этнопсихологическим факторам у абхазов, показано многообразие их проявлений в самых различных аспектах жизни. Не повторяя сказанного выше о некоторых формах проявления таких факторов, хотелось бы отметить, во-первых, тот факт, что у долгожителей сохраняется «густота» их социальных связей и что именно бытование широких социальных (фамильно-родственных, соседских и др.) связей помогает смягчить влияние на здоровье сильных отрицательных эмоций, вызванных например, смертью близкого человека, под влиянием местных природно-экологических и других условий. Но и в тех случаях, когда новые гены привносились в нее извне, они проходили своего рода естественный отбор опять-таки в местных природно-экологических и социально-культурных условиях. В рамках этнической экологии само явление группового долгожительства может рассматриваться как важный, хотя и не единственный показатель успешности адаптации к среде обитания. Однако и при таком подходе в возникновении этого феномена остается много неясного, что может быть окончательно выяснено лишь результатами дальнейших исследований.

СОДЕРЖАНИЕ

Ш. Д. Инал-Ипа. Введение (Из истории изучения долгожительства в Абхазии)	3
З. Д. Енукидзе, Л. Р. Гогохия, Ш. Д. Гогохия. Демографическая характеристика населения Абхазской АССР	12
В. А. Большаков. Верификация календарного возраста долгожителей	23
Я. В. Чеснов. Жизнедеятельность организма человека и поведение в традиционной абхазской культуре	35
В. Л. Бигвава. Особенности трудовой деятельности абхазских долгожителей	45
Г. Г. Копешавидзе. Растительные компоненты в питании абхазов	63
Ю. Г. Аргун, А. П. Павленко. Некоторые аспекты брачных норм у абхазов	72
Г. В. Старовойтова. Этнопсихологические факторы долгожительства у абхазов	90
А. А. Воронов, А. П. Пестряков. Сравнительно-антропологическая характеристика абхазов	100
П. К. Квициниа. Антропологическая морфология тела долгожителей групп Абхазии	114
В. И. Козлов. Заключение	123

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ 3052

Редактор издательства Г. Д у г л а д з е
Художник Г. Л о м и д з е
Худож. редактор И. С и х а р у л и д з е
Техредактор Ц. К а м у ш а д з е
Корректор М. Б а х т а д з е

Сдано в набор 23.09.86; Подписано к печати 5.03.87; Формат
бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага № 1; Печать высокая;
Гарнитура лит.; Усл. печ. л. 8,4; Уч.-изд. л. 8,1;

Усл. кр. отт. 8,7.

УЭ 10648; Тираж 1000; Заказ 2934;

Цена 1 руб. 20 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

СРЕДИ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ АБХАЗИИ

«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1987

ხანდაზმულ აფხაზთა ზმორის

„მეცნიერება“
თბილისი
1987

T 1.620
3